

Уильям Уаймарк

Джекобс

Моряк в сетях

2020

Уильям Уаймарк Джекобс

**МОРЯК
В СЕТЯХ**

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2020**

Уильям Уаймарк Джекобс
08.09.1863 — 01.09.1943

Уильям Уаймарк Джекобс. Моряк в сетях. — Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2020 — 298 с., илл.

В данной книге собраны рассказы выдающегося английского юмориста Уильяма Уаймарка Джекобса, обнаруженные в сетях Рунета. В издание включены оригинальные иллюстрации.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п. Все материалы получены из открытых источников.

THE FOREST OF COCKAIGNE.

BY

W. W. JACOBS.

ЛЕС, ПОЛНЫЙ УДОВОЛЬСТВИЙ

Перевод А. А. Ланудева

Температура — восемьдесят градусов в тени, и, согласно нашим ощущениям, ещё сто градусов сверху в купе третьего класса Большой восточной железной дороги, что везёт нас и ещё пяток дополнительных пассажиров в Чингфорд. На станциях мы останавливаемся, дабы предоставить прочим пассажирам возможность проникновения внутрь, чьи забавные попытки вызывают чувство глубокой сплочённости у всех пятнадцати, находящихся внутри.

К моменту прибытия в Чингфорд мы изрядно размякли, и потому становимся лёгкой добычей кучера большого фургона, что зазывает нас обещанием большого и пустого экипажа, ну разве если не считать пары весьма разгорячённых и объёмных дам, с большим беспокойством наблюдающих за колеблющимися участниками «небольшого загула», внимающим рассказам кучера о впечатляющих размерах повозки, несоизмеримых с малой стоимостью проезда. Что ж, кучер весьма красноречив, и «небольшой загул», до последнего человека, благополучно упакован в фургон.

— Кучер! — задыхается одна из полных дам.

— Да, мэм? — отвечает тот.

— Мы хотим выйти!

— Благослови Вас Господь, мэм, но мы ещё не приехали, — бодро отвечает возница. — Н-но, милые, пошли!

Измученные лошади переходят на слабую рысцу, разгорячённая дама, совершив весьма сложный манёвр, извлекает откуда-то зонтик, и раскрывает его над собой, заодно затенив соседнего джентльмена.

— Эй, Джем, я смотрю на тебя! — восклицает один из участников, — я наблюдаю за тобой!

— У нас всё в порядке, — местоимение в устах Джема звучит весьма нежно.

— А ещё ты женат, приятель, — вклинивается другой товарищ.

Великолепно пытаюсь оставаться невозмутимой, пока джентльмены обмениваются уколами, владелица зонтика наклоняется вперёд и погружается в беседу с подругой. Попытка ткнуть кучера в спину оказывается безуспешной, так как «небольшой загул» сплотился за ним, а сам он настолько дружелюбен и настолько шутлив, что дамы воздерживаются от дальнейшей эскалации и продолжают пребывать в большом дискомфорте до конца пути.

День выдаётся до такой степени жарким, что практически все открытые участки леса пусты, но молодой викарий, выведший на прогулку одиннадцать мальчиков из церковного хора, позволяет провести себя под ярким солнечным светом к киоску, торгующему освежающими, но вполне невинными напитками. Одиннадцать хористов незамедлительно выстраиваются вдоль прилавка, опершись на него локтями и жадно внимают своему духовному и физическому наставнику.

— Имбирное пиво, мальчики? — вопрошает священник.

— Да! — раздаётся в ответ.

— Осталось всего восемь бутылок, сэр, — информирует владелец киоска.

— Устроит, — произносит викарий, деньги которого подходят к концу. — Мальчики, трое из вас должны разделить питие с остальными. Трое младших — Смит, Симмонс, Робертс!

На лицах упомянутых молодых людей появляется беспокойство, скрыть которое они и не пытаются. Однако, когда открывается первая бутылка, Смит, обладающий большими моральными достоинствами, мужественно направляется к выпивающему, глубоко погружённому в свой стакан, а за ним быстро следуют ещё двое избранных. Гнев пьющего, обнаружившего, что его тянут за руки трое бледных, но решительных юношей, пытающихся лишить живительной жидкости, ужасен. Это тяжкий труд, допить своё пиво в подобных исключительных обстоятельствах, но он справляется, и несчастная троица, впадая в безумие от звука хлопающих пробок, бежит вдоль строя, пытаясь добиться своей доли то мольбой, то угрозами.

Наглядным уроком для подрастающего поколения, превосходно отображающим огромные преимущества, получаемые от должного посещения церкви как англиканского, так и прочего вероисповедания, выступают многочисленные стайки юнцов, возглавляемые священнослужителями. Так, пессимистически выглядящий мужчина средних лет ведёт за собой группу маленьких, но не по годам развитых девиц и одного мальчика, вероятно, его сына. Ужас, с которым эти два джентльмена взирают друг на друга, услышав предложение от дам сыграть в «Поцелуй в кружке», граничит с трагизмом.

По предложению, высказанному отчаянным мальчишеским шёпотом, священник, помедлив, даёт согласие на «Вот мы и ходим вокруг тутовника» — игры, которая, как мы обнаруживаем, требует внезапного и глубокого приседания в конце каждого куплета. После трёх куплетов, священник удаляется, так сказать, от дел мирских и усаживается в тени большого дерева, дабы малость охладиться.

Но есть и некто, более разгорячённый, чем священник — маленький мальчик, тянущийся вслед за отцом, матерью и сестрой с огромной корзиной, наполненной, судя по подмигиванию отца, обещающего нести её на обратном пути, продуктами, предназначенными для немедленного съедения.

Усердие маленького мальчика действует на зрителей весьма разогревающе, и мы обращаемся к проходящему зрителю с просьбой указать короткий путь к некоему славному чайному домику.

— Сквозь лес? — уточняет зритель.

Мы улыбаемся в знак согласия.

Зритель хватает нас за руку и уверенно проводит вперёд, на расстояние не менее трёх-четырёх ярдов.

— Дерево видать?

Мы киваем.

— Идите прямо к нему. Когда доберётесь, увидите подлесок; оставьте его по левой руке и держите курс на прогалину, что будет впереди; затем склонитесь вправо; склонитесь, понимаете, а не повернитесь — так и доберётесь...

— Куда доберёмся?

— Как склонитесь вправо, — раздражается наблюдатель, — так прямо перед вами и будет.

Он преисполнен нелепой уверенности, но мы не поддаёмся его оптимизму, а последующие события оправдывают наш скептицизм. Даже прогалину мы не находим. Всё, что мы обнаруживаем, это три лягушки, влюблённая парочка и болото. Вступив в болото, мы возвращаемся назад, к явно неожиданной нас парочке, и уточняем у них направление к дороге.

Наконец мы добираемся до места назначения, и, проникнув в выгородку, полную деревьев и чайных столов, оглядываемся в поисках официантки. Мы обнаруживаем, что длинный стол, уставленный пирогами и прочими изысками, предназначен не для нас, а для грациозно прислонившихся к забору прихожан, ожидающих сигнала к чаю. Звучит гонг, и прихожане незамедлительно срываются с места.

— Ещё рано, джентльмены, — кричит хозяин.

— А в чём дело? — рычит худой молодой джентльмен весьма голодного вида.

— Это наша маленькая Нора играет, — миролюбиво улыбается хозяин. — Мы не смогли удержать её при виде гонга.

Пока прихожане возвращаются к забору, мы ловим проходящую официантку, и, с превосходной имитацией улыбки хозяина, просим принести нам чаю. Наконец она возвращается с несколькими кусками чёрствого пирога и увядшим кресс-салатом, и мы жуём, глотаем и разглядываем наших сотрапезников.

Кроме любителей пофлиртовать в той мягкой, благопристойной манере, что используется на приходских чаепитиях, встречаются и разбросанные по различным столикам одиночки; небольшие семейные группы, где дети развлекаются напропалую, а их отцы и матери предаются напряжён-

ным раздумьям, важную роль в которых играют их «половины».

Чаепитие окончено, мы разжигаем трубки, рассчитываемся и продолжаем наш «небольшой загул». Послеполуденная жара сменяется вечерней прохладой и по мере того, как мы возвращаемся в Чингфорд, пейзаж заметно тускнеет. По пыльной дороге, ведущей к станции, медленно движется вереница усталых, но довольных детишек с флажками, сбившихся в четвёрки, небольшой промежуток, и ещё больше детей и больше флажков. Некоторые фабричные девушки, жаждущие развлечений, приплясывают возле Охотничьего домика под слаженную музыку скрипки и арфы. По просьбе девушек, ещё два музыканта, что разминали пальцы на слоновьей кости клавишах концертин, присоединяются к своим товарищам, и мы немедленно уходим. Концертин — это очень хороший инструмент, когда он на своём месте. И этим местом является Германия.

Мы, безусловно, любим детишек, и, по прибытию на станцию, с удовольствием обнаруживаем, что они расположились на противоположной платформе в ожидании специального поезда. Дети, отделённые от нас двумя рядами стальных рельсов, восхитительны, они все такие милые и забавные. Один малыш, вынув трубу из рта, просит учительницу, очаровательную девушку в синей блузке, подуть в неё. Девушка оживлённо беседует с удивительно невзрачным коллегой мужского пола и с улыбкой прикладывает трубу к губам в тот самый момент, когда владелец вынимает из рта сочный комок ириски и критически осматривает его состояние. По синей блузке пробегает дрожь, и она одной рукой возвращает трубу, а другой достаёт изящный кружевной платочек.

Как ни странно, дети радуются, когда прибывает наш поезд. Они не мешают нам, благослови их Господь, и мы садимся и наблюдаем за ними из окна. Внезапно среди наставников возникает волнение, детей торопливо оттаскивают назад, и их поезд с грохотом останавливается, а наш с грохотом отправляется и несёт нас обратно в дымящийся город.

A SAD DOG

ПЁС В ПЕЧАЛИ

Перевод А. А. Лапудева

Во всём виновата Трейсова тварюга. Трейси — мой ближайший сосед, и той ночью, когда приволок домой хромого пса, чтобы жить с ним в любви и радости, нашу спокойную жизнь он прикончил.

Ясными ночами пёс садился спиной к забору и выл на Луну, а ночами тёмными забивался в будку и выл во имя Луны.

Вой этот я впервые услышал глухой зимней ночью. Жена разбудила меня, дабы я не упустил возможность им насладиться. Когда завывание достигло апогея, она объяснила, что это верная примета скорой смерти, о чём она давно догадывалась, поскольку я упорно отказываюсь продолжать приём новейшего патентованного лекарства, которое за последние шесть месяцев вполне успешно снизило уровень моих доходов. (Другого эффекта я не отметил). Однако крайне мрачный

тон воя, скорее всего, указывал на скорую смерть самой твари, и мы продолжали лежать, ожидая, что Трейсов пёс умрёт. Наше ожидание продлилось неделю, но затем мы решили прояснить ситуацию у самого Трейси. Тот прочитал нам длинную лекцию, из которой следовало, что пёс не получает физической нагрузки, необходимой и достаточной для поддержания здоровья, и вынужденно завывает в целях насыщения крови кислородом. Мы, вообще-то, довольно добродушные люди — моя жена и я — ну, по крайней мере, сами мы в этом уверены, но мысль о том, что мы не будем спать, пока Трейсов пёс будет насыщать себя кислородом, была несколько угнетающей.

Нам пришлось серьёзно поговорить с Трейси, и он пообещал позаботиться о том, чтобы его пёс получал необходимую физическую нагрузку, однако и мы не должны забывать о том, что бедное животное хромает и не годится для дальних прогулок. После первой же попытки вытащить пса за пределы участка тот вернулся домой с занозой в лапе, а его агонирующие стоны, выплёскивающиеся в ночную тьму, легко могли лишить сна целую армию. На сём Трейси заявил, что его вины тут нет, он сделал всё, что мог, а теперь мы должны попробовать привыкнуть.

Теперь вопрос стоял так: или пёс замолкнет сам, или мы ему поможем. Ко мне пришла прекрасная идея. Я вспомнил, что собаки — животные очень чувствительные к проявлению сверхъестественных сил, и решил напугать пса до полного онемения. На чердаке я отыскал здоровенную пантомимную маску, подаренную по случаю другом-театралом; и, после того, как жена водрузила её мне на голову и завернула оставшуюся часть тела в простыню, я спустился, дабы вселить страх и покаяние в душу Трейсового пса.

Я был в своих домашних тапочках, и пёс, прислонившийся к своей конуре под углом в сорок пять градусов, чтобы выть с большей лёгкостью, не услышал меня, пока я не высунул голову из-за забора и начал совершать волнообразные движения, соответствующие, по моему мнению, злобному призраку. Собачий вой перешёл в хриплый шёпот, и пёс медленно попятился, пока не упёрся в забор на той стороне сада.

Тогда он, похоже, переборол свой первоначальный страх перед ужасающим явлением и рванул ко мне. Учитывая невеликую высоту изгороди, а также моё глубоко укоренившееся личное неприятие собачьих укусов, я подобрал подол простыни и спешно покинул место происшествия.

Входная дверь была закрыта, а за то время, что понадобилось бы для поиска ключей и отпираания замка, по самым скромным расчётам, пёс смог бы пожрать примерно половину меня. Таким образом, мы с этой тварью поспешно миновали калитку, двигаясь в неопределённом направлении и не преследуя при этом осознанных целей. У меня было преимущество примерно в корпус, но если бы не хромота, то пёс легко бы обошёл меня. Он гнался за мной вдоль всей нашей улицы, как и по следующей, пока я, желая провести с самим собой небольшой военный совет по вопросу заключения взаимовыгодного соглашения, не забрался на подходящий уличный фонарь. Пёс, наперекор своей собачьей наследственности, совершил поистине великолепную попытку вскарабкаться вслед за мной, а обнаружив невозможность этого, уселся у подножия фонарного столба, чтобы перевести дух и немного подождать.

После примерно пятиминутного пребывания на столбе, в поле моего зрения появился пожилой джентльмен, занимавший почти всю ширину тропинки. Поскольку обе руки были заняты моим удержанием, я попробовал снять маску, трясь ею о перекладину. Как только старик оказался в достаточной близости от столба, я рискнул обратиться к нему за помощью. Мой голос, пробивающийся сквозь маску, оказался весьма резким и скрипучим, когда я произнёс:

— Прошу прощения, не могли бы вы...

Старик поднял глаза на страшную фигуру, висящую на фонарном столбе, свет упал на гротескные черты маски, и я увидел, как при первом же моём слове, колени джентльмена дали слабину. Не дав закончить фразу (видимо, принял меня за кого-то другого), он упал на колени и жалобным тоном попросил не обращать на него никакого внимания, ибо он и выпил-то стаканчик-другой с Макферсоном, а сейчас незамедлительно направится прямо домой, и в дальнейшем беспово-

ротом сменит образ жизни. Затем, не став ждать моего отклика, шатаясь, поднялся на ноги, и устремился прочь, издавая вопли, дававшие сто очков вперёд лучшему завыванию Трейсового пса. После его отбытия, я почувствовал, как сжалось сердце. Я попытался убедить себя, что лучшим выбором будет смело шагнуть навстречу опасности, и начал прикидывать, смогу ли я внезапно свалиться прямо на спину пса, и выиграть поединок за явным преимуществом. Но тут же услышал, к своей великой радости, приближающиеся шаги полицейского, который подходил всё ближе и ближе, пока не остановился прямо подо мной.

— Эй, вы там, наверху! Дружище, что за игру Вы там затеяли? Немедленно слезайте с этого фонаря! Слышите? Немедленно!

Разумеется, я слышал, и даже попытался отозваться и разъяснить ситуацию, но мой голос был заглушён маской, ротовая прорезь которой каким-то образом упёрлась мне в подбородок.

— Вы что, хотите, чтобы я поднялся и забрал вас?

Я хотел, чтобы он поднялся и забрал меня. Очень хотел. Но, с глубоким прискорбием видел, что у него не больше желания лезть за мной, чем у меня — спуститься и дать пинка псу. Полицейский прислонился к ограде и тяжело дышал, уязвлённый неслышанным вызовом, брошенным представителю закона. После нескольких минут раздумий он почти дружелюбно обратился ко мне с личным заявлением. Он сообщил мне, что он должен сделать для меня. Он незамедлительно отправится и вызовет подмогу. Он снимет меня с этого столба, даже если для этого потребуются шесть человек, носилки и месяц тяжкого труда. В заключении он довольно развязно пообещал «показать мне!», и ушёл, оставив меня наедине с собственной совестью и Трейсовым псом. А мне стало любопытно, приведёт ли он с собой судью по возвращении, дабы тот смог зачитать мне Акт о беспорядках.

* * *

Спуститься на землю ранним утром мне помог фонарщик, предварительно осторожно подтолкнувший меня концом шеста, чтобы убедиться, не окажусь ли я чем-то, оказывающим активное сопротивление. Он, как выяснилось, разобрался в собаках, и, погасив лампу, дал псу хорошего пинка, а затем добавил ещё, согнав тварюгу с дороги. Моя жена была несколько обеспокоена моим продолжительным отсутствием, но я легко успокоил её, сообщив, что тщательно работал над разрешением нашего вопроса, и уверен, что навсегда сломал дух пса Трейси. А если он и завоюет в будущем, то только потому, что его нервная система была безжалостно разрушена, а физическая форма подорвана окончательно.

In the Library

BY W. W. JACOBS

В БИБЛИОТЕКЕ

Перевод С. Кобякиной

Огонь еле теплился в камине библиотеки, так как ночь была влажной и тёплой. Угольки уже скорее походили на опустевшие серые ракушки. Трейтон Бёрли, всё ещё разгорячённый от огня, поднялся из кресла и, выключив одну из горелок, взял сигару из коробки на столике и вернулся на своё место.

Квартира, располагающаяся на четвёртом этаже в самом конце дома, сочетала в себе библиотеку, кабинет и курительную, и являла собой ежедневный источник огорчения для старой домохозяйки, которая при помощи лишь одной служанки заправляла домом. Это была холостяцкая берлога, оставленная Трейтону Бёрли и Джеймсу Флетчеру дальним родственником обоих мужчин лет десять назад.

Трейтон Бёрли откинулся в кресле и наблюдал за дымом сигары сквозь полуприкрытые глаза. Изредка он открывал их пошире и оглядывал тёплую, хорошо обставленную комнату, или же впивался холодным взглядом, полным ненависти, во Флетчера, невозмутимо посасывавшим вересковую трубку. Комната была уютной, а дом дорогостоящим, и половина его принадлежала Трейтону Бёрли. Однако же утром он должен был покинуть его и скитаться по миру. Так сказал Джеймс Флетчер. Джеймс Флетчер, с трубкой, зажатой в зубах, и говорящий лишь уголком рта, вынес свой приговор.

— Подозреваю, что тебе и в голову не приходило, что я могу отказаться от твоих условий», внезапно произнёс Бёрли.

— Нет, — ответил Флетчер.

Бёрли сделал длинную затяжку и медленно выдохнул дым:

— То есть, я должен просто так уйти и оставить всё тебе? Ты станешь единственным собственником дома; ты станешь единоличным владельцем и представителем фирмы? Ты чертовски хорош в сделках, Джеймс Флетчер.

— Я честный человек, — сказал Флетчер, — и как ты прекрасно знаешь, я не останусь в выигрыше после того, как наконец покрою всё, что ты растратил.

— Нет никакой необходимости в займе», — нетерпеливо продолжал Бёрли. — Мы легко можем выплатить проценты, а со временем пойдёт и прибыль, и ни одна душа ни о чём не догадается.

— Ты уже предлагал это, и мой ответ по-прежнему „нет“, — ответил Флетчер. — Я никогда не стану сообщником в мошенничестве. Я соберу нужную сумму по пенни любой ценой и сохраню лицо фирмы, а также и твоё вместе с ней, но я больше никогда не позволю тебе омрачить своим присутствием офис или же находиться в этом доме после сегодня.

— Ты не посмеешь! — вскричал Бёрли в приступе ярости.

— Хорошо. Тогда у тебя есть другой выбор: бесчестие и каторга. Не нависай надо мной — ты не испугаешь меня, уверяю. Присядь.

— Ты так добр, что позаботился почти обо всём, — сказал Бёрли, медленно присаживаясь обратно в кресло. — Скажи, может ты подумал и о том, как мне теперь жить?

— У тебя есть пара сильных рук и крепкое здоровье, — ответил Флетчер. — Я дам тебе двести фунтов, как и обещал, а после тебе уже придётся позаботиться о себе самому. Деньги ты можешь взять прямо сейчас.

Он достал кожаный бумажник из нагрудного кармана и вытащил пачку банкнот. Бёрли, со спокойствием наблюдавший за этим, протянул руку и взял деньги со стола. Затем, поддавшись внезапной вспышке гнева, скомкал их и бросил в угол комнаты. Флетчер продолжал курить.

— Миссис Марл вышла? — вдруг спросил Бёрли.

Флетчер кивнул.

— Её не будет всю ночь, — медленно проговорил он, — и Джейн тоже. Они ушли куда-то вместе, но должны вернуться в полдевятого утра.

— Значит, ты позволишь позавтракать мне здесь в последний раз, — вымолвил Бёрли. — Полдевятого, пол...

Он снова поднялся из кресла. На этот раз Флетчер, вытащив трубку изо рта, пристально наблюдал за ним. Бёрли наклонился, поднял деньги и положил в карман.

— Если уж мне предстоит быть брошенным на произвол судьбы, то точно не ради того, чтобы ты остался здесь, — хрипло пробормотал он.

Он пересёк комнату и закрыл дверь. Когда он повернулся, Флетчер уже встал с кресла и стоял лицом к нему. Бёрли схватил со стены маленький японский меч, вытащил его из ножен из слоновой кости и стал медленно наступать.

— Даю тебе один шанс, Флетчер, — угрюмо сказал он. — Ты же человек слова. Замни эту историю, позволь всему вернуться на свои места, и ты в безопасности.

— Опустит меч, — оборвал его Флетчер.

— Клянусь, я это серьёзно! — прокричал Бёрли.

— И я не шучу! — ответил Флетчер.

Он оглянулся ещё раз в поисках оружия, как вдруг почувствовал резкую боль и успел увидеть, как сжатый кулак Бёрли ударил его в грудь. А в следующий миг в руке противника оказалось что-то зажато. Внезапно Трейтон Бёрли стал далёким силуэтом, а комната потемнела. Когда же тьма объяла его полностью, Флетчер попытался поднять руки, но они безжизненно повисли по бокам, и он повалился на пол.

Он лежал так неподвижно, что Бёрли никак не мог сообразить, что всё кончено, а просто остолбенело стоял рядом и ждал, когда тот поднимется. Затем, словно желая протереть меч, он вынул платок, но, поразмыслив, спрятал его обратно в карман, а меч швырнул на пол.

Тело Флетчера лежало бледным лицом кверху. При жизни это был ничем не примечательный мужчина, если не сказать заурядный; теперь же Бёрли, с чувством подкатывающей тошноты, пятился к двери, пока стол не скрыл от него

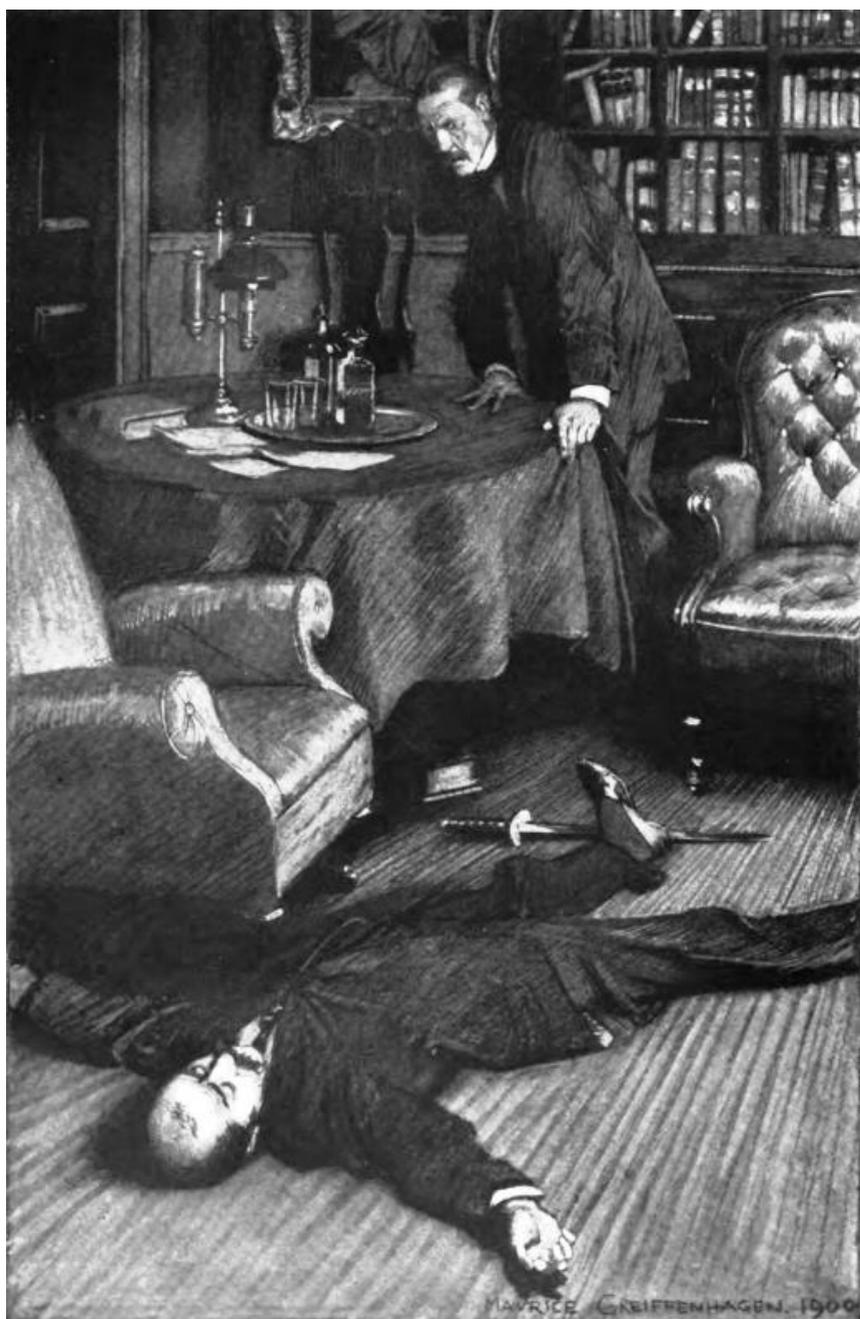
вид трупа, и спасённый от ужасного зрелища, смог более трезво оценить ситуацию. Он посмотрел вниз и внимательно проверил одежду и обувь. Затем снова пересёк комнату, не поворачиваясь к телу лицом, и выключил газ. Что-то сдвинулось в темноте, и, вскрикнув, он шарахнулся к двери, не сообразив, что это были куранты часов. Пробило двенадцать.

Бёрли стоял наверху лестницы, пытаясь прийти в себя и подумать. Свет внизу площадки, лестница и мебель — всё было так просто и знакомо, что он не мог до конца осознать, что же произошло. Он медленно спустился вниз и выключил свет. Теперь темнота в верхней части дома казалась почти пугающей, и, поддавшись внезапной панике, он сбежал по лестнице в залитый светом вестибюль, где, схватив шляпу, вышел из дому и пошёл к воротам.

Все окна соседних домов, за исключением одного, были темны, фонари освещали пустынную улицу. Накрапывал мелкий дождь, и грязная дорога блестела булыжниками. Он стоял у ворот, стараясь набраться смелости и вновь зайти в дом. А потом он заметил фигуру, медленно идущую по дороге и державшуюся поближе к ограде.

Полное сознание содеянного охватило его, когда он чуть не бросился бежать от приближающегося констебля. Мокрая кепка, поблёскивающая в свете фонарей, медленный, тяжёлый шаг — от всего этого Бёрли бросило в дрожь. Что если тело наверху не было до конца мёртвым и вот-вот позовёт на помощь? Что если констебль сочтёт странным, что он, Бёрли стоит здесь один, и последует за ним внутрь? Он постарался напустить на себя равнодушный вид, хотя менее всего чувствовал себя безмятежным, и когда констебль прошёл мимо, пожелал ему доброй ночи и сказал вслед что-то о погоде.

Как только звук шагов стал еле слышным, Бёрли развернулся и вошёл в дом, пока ощущение, что он не одинок, не оставило его. Первый лестничный пролёт был освещён горелкой в вестибюле, и он медленно пошёл вверх. Затем он зажёл спичку и не спеша, мимо двери в библиотеку, вошёл в свою спальню, включил газ и зажёл горелку. Он приоткрыл окно, сел на кровать и постарался всё обдумать.

У него оставалось восемь часов. Восемь часов и двести фунтов мелкими купюрами. Он открыл сейф и вытащил всю имевшуюся скромную заначку, а, пройдя по комнате, собрал и рассовал по карманам все те драгоценности, что у него были.

Первая волна ужаса прошла, и теперь его охватил страх за свою собственную жизнь. Подавленный боязнью смерти, он присел и стал обдумывать первые шаги в игре, где на кону была его жизнь. Он часто читал про людей вспльчивого нрава, долго скрывавшихся от полиции, но, из-за отсутствия элементарного здравого смысла, рано или поздно попадавших в руки правосудия. Они всегда совершали какую-нибудь глупейшую ошибку, не замечая до конца следы. Он достал револьвер из комода и проверил, заряжен ли он. Если дело примет плохой оборот, он покончит с этим быстро.

Фора в восемь часов, двести с лишним фунтов в запасе. Для начала он снимет жильё в каком-нибудь населённом районе и подождёт, пока не отрастут усы и борода. Когда же вся шумиха утихнет, он отправится за границу и начнёт новую жизнь. Он будет выходить по ночам и посылать самому себе письма, а лучше открытки, ведь их сможет прочитать его домохозяйка. Открытки от радостных друзей, от сестры или брата. Днём же он будет сидеть взаперти и писать, как какой-нибудь журналист.

Или, предположим, он поедет на море? Кто будет искать его во фланелевых брюках, купающимся и катающимся на лодке вместе с обычными смертными. Он присел и крепко задумался. Один вариант сулил жизнь, другой — смерть. Но какой же?

Мысль о серьёзности выбора заставила буквально пылать его лицо. В это время столько людей едет отдохнуть на море, что он точно останется незаметным в такой толпе. С другой стороны, на море всегда можно встретить знакомых. Он встал и принялся нервно ходить из угла в угол. Теперь всё не казалось таким простым, если подумать, какова может быть цена верного шага.

Часы на камине пробили час ночи, и сразу послышался ответный звон в библиотеке. Он подумал о часах, как о единственном живом существе в той комнате, и его пробил

дрожь. Интересно, то, что, лежало у дальнего конца стола, слышало звон? Интересно...

Он вздрогнул и с ужасом затаил дыхание. Где-то внизу лестницы скрипнула доска, потом другая. Он подошёл к двери, приоткрыл её немного и, не выглядывая наружу, прислушался. В доме стояла такая тишина, что было слышно тикающие старинных часов внизу на кухне. Он открыл дверь чуть шире и выглянул. Только он сделал это, как с лестницы послышался пронзительный вопль. Бёрли быстро всунул голову обратно и стоял, весь дрожа, пока не сообразил, что этот крик издала кошка. Вопль точно принадлежал ей, но что стало его причиной?

Вновь наступила тишина, и он опять подошёл к двери. Он не мог отделаться от чувства, будто кто-то бесшумно крадёт по лестнице. Бёрли услышал, как снова скрипнули доски и задрожали перила. Безмолвие и напряжение ощущались в воздухе. Что если то, что раньше было Флетчером, теперь поджидает его снаружи в темноте?

Бёрли наконец совладал с собой и открыл дверь, настроенный увидеть, что скрывалось в коридоре. Свет из комнаты вырвался на площадку, и ёжась от страха, он взгляделся. Почудилось ли ему или дверь в покои Флетчера закрылась, как только он выглянул? Почудилось ли ему или ручка двери и впрямь только что повернулась?

Не издавая ни звука и наблюдая за дверью, не выскользнет ли из неё что-нибудь, он стал медленно спускаться по лестнице. И тут-то его лицо исказилось гримасой ужаса, а сердце вновь ушло в пятки. Дверь в библиотеку, которую, как он отчётливо помнил, он закрыл, и которая была закрыта, когда он поднимался к себе в комнату, сейчас была приотворена сантиметров на десять. Ему послышалось какое-то шуршание внутри, но доверять своим ощущениям он больше не мог. А затем от отчётливо услышал звук придвигаемого к стене кресла.

Он стал подбираться к двери, надеясь успеть раньше, чем некто внутри комнаты заметит его присутствие. Кто-то осторожно перемещался по комнате. Поддавшись внезапному

импульсу, он схватил ручку двери, резко закрыл её, повернул ключ в замке и бешено помчался по лестнице вниз.

Ужасающий крик послышался из комнаты, а дверь затряслась под ударами тяжёлых кулаков. Весь дом звенел от ударов, которые перекрывались уже хрипящими от страха возгласами. Бёрли, уже наполовину спустившийся вниз, остановился, вцепившись в перила, и прислушался. Удары прекратились, и он услышал мужской голос, просивший выпустить его ради Бога.

Вмиг Бёрли осознал, что же произошло и что это могло означать для него. Когда он спустился вниз в первый раз, то забыл закрыть за собой входную дверь, и какой-то странствующий в ночи путник не преминул этим воспользоваться. Значит, он в безопасности. Не нужно прятаться ни от виселицы, ни от тюрьмы. Глупец наверху спас его. Он развернулся и побежал наверх, а узник наверху в попытках выбраться, уже чуть не вывернул ручку двери.

— Кто там? — громко выкрикнул Бёрли.

— Выпусти меня! — ответил ему отчаянный голос. — Ради Бога, открой дверь! Здесь кто-то есть.

— Оставайся на месте! — строго приказал Бёрли. — Не двигайся, иначе я пристрелю тебя как бешеную собаку!

Ответом ему стал оглушительный удар по замку в двери. Бёрли поднял револьвер и, целясь на уровне человеческой груди, выстрелил через дверную панель.

Выстрел и треск дерева слились в один звук, за которым последовала жуткая тишина, а затем шум быстро открываемого окна. Бёрли, сломя голову, побежал вниз и, широко открыв входную дверь, стал громко звать на помощь.

Как раз в это время на улице встретились сержант и дежурный констебль. Услышав крики, они побежали к дому. Бёрли, бормоча бессвязные объяснения, бежал по лестнице впереди них и замер у входа в библиотеку. Узник всё ещё находился внутри, пытаясь разнести замок крепкой дубовой двери. Бёрли попытался повернуть ключ, но замок был слишком повреждён и не поддавался. Сержант отошёл назад и, разбежавшись, вышиб плечом дверь.

За ним в библиотеку ввалился констебль, и по всей комнате заплясали два огонька от их поясных фонариков. Человек, выглядывающий из-за двери, сразу же рванулся к выходу, и через мгновение уже трое мужчин оказались заперты вместе.

Бёрли, стоящий в дверном проходе, угрюмо оглянулся, подготавливая себя к тому зрелищу, что должно было последовать дальше. Не считая спотыкающихся шагов и резких вдохов узника, внутри больше не было слышно ни звука. Соскочил шлем и покатился по полу. Грохот падающих тел, а затем всхлипывающее рычание и резкий щелчок. Высокая фигура поднялась с пола, другая, всё ещё на коленях, удерживала мужчину. Стоящий порылся в карманах, и, щёлкнув спичкой, зажёл огонь.

Свет упал на покрасневшее лицо и светлую бороду сержанта. Он был с непокрытой головой, и волосы растрепались во все стороны. Бёрли зашёл в комнату и пристально взгляделся в полусознательного мужчину, лежавшего на полу: коренастый товарищ с бледным грязным лицом и чёрными усами. У него была порезана губа и тонкая красная струйка стекала по шее. Бёрли украдкой глянул на стол. В процессе борьбы одежда слезла и теперь лежала на том самом месте, где он оставил Флетчера.

— Горячая работёнка, сэр, — улыбаясь, сказал сержант. — Повезло, что мы оказались рядом.

Заключённый тяжело поднял голову и посмотрел на окружающих с нескрываемым страхом в глазах.

— Сэр, прошу вас, — дрожа, выговорил он, когда констебль ещё сильнее придавил его коленом. — Я не пробыв в доме и десяти минут. Клянусь, не больше.

Сержант с интересом оглядывал его.

— Это неважно, — медленно проговорил он. — Десять минут или же десять секунд, это роли не играет.

Мужчина вновь задрожал и начал всхлипывать.

— Оно было здесь, когда я забрался, — нетерпеливо продолжал он. — Снимите это, сэр. Когда я забрался, оно уже было здесь. Я пытался убежать, но меня закрыли внутри.

— О чём ты говоришь? — спросил сержант.

— Об этом, — отчаянно выдавил заключённый.

Сержант, следуя за отчаянным взглядом чёрных глаз, подошёл к столу. Затем, с резким криком, он отдёргнул лежавшую одежду. Бёрли, испустив вопль ужаса, отшатнулся к стене.

— Всё в порядке, сэр, — сказал сержант, подхватывая его, — всё хорошо. Не надо смотреть, отвернитесь.

Он подтолкнул Бёрли к креслу и, перейдя комнату, налил ему стакан виски. Стекло стучало о зубы Бёрли, но он выпил жадно до дна, а потом легонько охнул. Сержант терпеливо ждал рядом. Спешить было уже некуда.

— Кто это, сэр? — наконец спросил он.

— Мой друг, Флетчер, — с трудом вымолвил Бёрли. — Мы вместе жили.

Тут он повернулся к заключённому.

— Ах ты проклятый злодей!

— Он был мёртв, когда я залез в комнату, господа, — продолжал настаивать заключённый. — Он лежал на полу мёртвый, и когда я увидел его, то попытался выбраться. Он точно был мёртв. Вы ведь слышали, как я кричал, сэр. Стал бы я кричать, если бы убил его.

— Так, ты лучше попридержи язык пока что, — резко прервал его сержант. Потом он присел и приподнял голову убитого.

— Я ни в чём не виноват, — продолжал заключённый. — Я не имею к этому никакого отношения. Мне бы и в голову не пришло совершить такое. Я пробыл здесь всего лишь десять минут. Сэр, положите это, пожалуйста.

Сержант нащупал левой рукой японский меч и направил его остриём на узника.

— Я в жизни его не видел, — замотал головой арестованный.

— Он висел на стене, — сказал Бёрли. — Этот человек должно быть схватил его. Когда я оставил Флетчера, меч был на стене.

— Давно это произошло? — спросил сержант.

— Может, час назад, может, минут тридцать. Я пошёл к себе в спальню.

Человек на полу прищурюсь посмотрел на Бёрли.

— Это ты сделал! — отчаянно прокричал он. — Ты убил его и хочешь, чтобы меня повесили за это.

— Достаточно, — возмущённо прервал его констебль.

Сержант аккуратно опустил голову погибшего на пол.

— Закрой рот, убийца! — угрожающе сказал он узнику.

Подойдя к столу, сержант налил себе немного виски, подержал бокал в руках, потом поставил его обратно, и снова подошёл к Бёрли.

— Вам уже лучше, сэр? — спросил он у того.

Бёрли слегка кивнул.

— Не думаю, что вам это ещё нужно, — кивнул сержант в сторону револьвера, который Бёрли всё ещё сжимал в руке. Сержант мягко взял его и положил в свой карман.

— Вы поранили запястье, сэр, — взволновано произнёс он.

Бёрли резко поднял одну руку, затем другую.

— Вроде бы вот эту, сэр, — сержант схватил оба запястья и, крепко сжимая их, вытащил что-то из кармана — что-то жёсткое и холодное, и захлопнул это на руках Бёрли.

— Спокойно, не двигайтесь, вот так, — произнёс сержант.

Констебль с удивлением смотрел на происходящее. Бёрли яростно рванулся вперёд на полицейских.

— Снимите это! Вы что, спятили? Снимите сейчас же! — задыхаясь от ярости, кричал он.

— Всею своё время, — ответил сержант.

— Снимите их немедленно! — вновь заорал Бёрли.

Сержант молча взял его в мощный захват и, смотря ему прямо в бледное лицо и горящие глаза, дотащил до другого конца комнаты и затолкал в кресло.

— Коллинз! — резко сказал он.

— Сэр? — спросил потрясённый помощник.

— Со всех ног бегите к доктору за углом. Этот человек всё ещё жив!

Как только констебль выбежал из комнаты, сержант взял стакан с виски, который ранее налил себе, и, опустившись на колени рядом с Флетчером, приподнял его голову и

попытался влить хоть немного ему в рот. Бёрли, сидя в своём углу, наблюдал за всем этим как загипнотизированный. Он видел, как вернулся констебль с запыхавшимся врачом, видел, как трое мужчин склонились над Флетчером, а потом, как глаза умирающего открылись, а губы пошевелились. Бёрли заметил, как сержант сделал какие-то пометки в блокноте, и как все трое пристально посмотрели на него. Сержант подошёл к нему и положил руку на плечо. Бёрли, повинувшись прикосновению, встал и вышел с полицейским в ночь.

THE COOK OF THE GANNET.

BY

W. W. JACOBS.

КОК С «БАКЛАНА»

Перевод Д. Прияткина

— Всё готово к выходу в море, а кока у нас так и нет, — мрачно заметил помощник капитана шхуны «Баклан». — Куда это все коки подевались?

— В помощники капитана подались, — ухмыляясь, предположил шкипер. — Ладно, не переживай. Кок будет. Я тут решил поставить эксперимент, Джордж.

— Один химик тоже поставил, — сказал Джордж, — так его потом по кусочкам собирали. А о капитанах такого не слыхал.

— Эксперименты бывают разные, — заметил шкипер. — Что ты думаешь относительно женщины-кока?

— Относительно чего?

— Н-ну, поварихи! — загорячился шкипер. — На берегу их полно, так, может, и на судне...

— Но это же неприлично, — целомудренно заметил помощник.

Шкипер нахмурился:

— Но ждал от тебя подобных мыслей. На больших судах есть буфетчицы, а мы чем хуже? Потом она вроде как моя родственница — двоюродная сестра жены, вдова, и возраст вполне благонамеренный. А поскольку доктор прописал ей морское путешествие, она согласилась быть нашим коком. Матросы, разумеется, ничего не должны знать о нашем родстве.

— А спать где будет?

— Я всё предусмотрел. Она... она займёт твою каюту, Джордж. А тебе мы предоставим чудный вместительный чулан.

— Тот самый, в котором держат сухари и лук? — спросил Джордж.

Шкипер кивнул.

— Если вы не возражаете, — произнёс помощник с неестественной вежливостью, — я бы лучше подождал, пока освободится бочонок из-под масла, и устроился бы в нём.

— Вовсе незачем быть занудой, — сказал шкипер. — Всё уже согласовано. Да, кстати, вот и она.

Посмотрев в ту же сторону, помощник увидел, что по причалу идёт полная, симпатичная женщина средних лет в сопровождении сторожа, согнувшегося под тяжестью сундука невероятных размеров.

— Джи-им! — закричала женщина.

— Здорово! — ответил шкипер, слегка задетый таким обращением. — Мы уж заждались тебя.

— С извозчиком поцапалась, — спокойно разъяснила женщина.

Родственница шкипера, притомившись с дороги, легла рано, а вновь появилась на палубе, когда солнце было уже

высоко. Вчерашние верфи и пакгаузы скрылись из виду, а шхуна на всех парусах проходила Тилбери.

— Но одному я должен положить конец, — заявил шкипер помощнику, отдуваясь после великолепного завтрака. — Слишком уж матросы возле камбуза околачиваются.

— А вы чего ожидали? — спросил помощник. — Кроме того, все они, голубчики, напялили выходные костюмы.

— Эй, Билл! — закричал шкипер. — Ты что там делаешь?

— Помогаю коку, сэр, — сказал Билл, матрос лет шестидесяти, с мочальной бородкой.

— И нечего ему тут делать, сэр! — закричал другой матрос, высунув голову из камбуза. — Мы с коком вдвоём прекрасно управляемся.

— Вылезайте оба, или я вас линьками выгоню! — проревел раздражённый командир.

— Чего они такого плохого делают? — спросила миссис Блоссом.

— Им здесь не место, — хрипло сказал шкипер. — У них другая работа есть.

— А кто мне будет таскать котлы да кастрюли? — решительно возразила миссис Блоссом. — А ты, Джимми, не суйся туда, где тебя не спрашивают.

— Это же бунт! — пролепетал помощник в ужасе. — Форменный бунт!

— Этого она ещё не понимает, — шепнул шкипер в ответ. — Кок! Вы не можете так разговаривать с капитаном. Всё, что говорю я или мой помощник, надлежит исполнять без разговоров. Пока это вам в новинку, но ничего, со временем привыкнете.

— Да ну? — протянула миссис Блоссом. — Неужели привыкну? Что-то сомнительно... Да как ты смеешь, Джим Гаррис, так разговаривать со мной! Стыдись!

— Меня зовут капитан Гаррис, — строго сказал шкипер.

— Ах, КАПИТАН Гаррис, — язвительно произнесла миссис Блоссом. — А что же произойдёт, если я не стану слушать ни тебя, ни этого мозгляка?

— Мы надеемся, до этого дело не дойдёт, — со спокойным достоинством ответил шкипер, встав рядом с Джорджем. — Сейчас вахта помощника, а я должен вас предупредить, что он весьма свиреп. Джордж! Решительно пресекайте всякие безобразия!

Весь следующий день процессу приготовления пищи содействовало пять услужливых матросов.

— Употребите же свою власть, — ворчливо призвал помощник, когда с камбуза донёсся взрыв радостного хохота. — Вон как их разбирает! Ведут себя так, словно нас с вами вовсе нет на судне!

— А ты меня поддержишь? — спросил шкипер, бледный, но решительный.

— Разумеется, — сказал помощник.

— Вот что, ребята, — сказал шкипер, показавшись на баке, — нечего вам целый день торчать на камбузе. Вы кока от дела отрываете. Доставайте-ка ножи и шагом марш мачты драить!

— Стойте где стоите, — сказала миссис Блоссом.

— Слышали, что я сказал! — загромыхал шкипер, пока матросы нерешительно переминались с ноги на ногу.

— Так точно, сэр, — пробормотали они и нехотя разошлись.

— Опять ты встречаешь! — пылко произнесла миссис Блоссом, ощущая своё поражение. — Всё-то ты меня изводишь! Как только тебя матросы не побьют, мерзкий ты человек, и бакенбарды твои мерзкие!

— Марш на камбуз! — сказал шкипер, поглаживая бакенбарды.

— А кто ты такой, чтобы мне указывать. Джим Гаррис? — спросила миссис Блоссом, колыхаясь от гнева. — Передо мной-то можешь не выпендриваться! КТО ЗАНЯЛ ПЯТЬ ФУНТОВ У МОЕГО ПОКОЙНОГО МУЖА ПЕРЕД САМОЙ ЕГО СМЕРТЬЮ И ДО СИХ ПОР НЕ ОТДАЛ?

— Марш на камбуз, — прошептал капитан.

— ЧЕЙ ДЯДЯ БЕНДЖАМИН СХЛОПОТАЛ ТРИ НЕДЕЛИ? — мрачно вопрошала миссис Блоссом. — А ЧЕЙ ДЯДЮШКА ДЖОЗЕФ ЗА ГРАНИЦУ СМОТАЛСЯ, ДАЖЕ ВЕЩИЧЕК НЕ ЗАХВАТИЛ?

Шкипер не ответил. Желание команды получить ответ на эти жизненно важные вопросы было столь ощутимым, что он повернулся к мегере спиной и направился к помощнику, который как раз в этот момент поспешно нагнулся, дабы уклониться от мокрой тряпки, пущенной миссис Блоссом. Командный состав озабоченно смотрел друг на друга.

— Ну-ка, убирайтесь, — сказала миссис Блоссом, размахивая другой тряпкой. — Нечего возле камбуза отираться.

Шкипер надменно приосанился, но, поскольку один его глаз продолжал упорно следить за тряпкой, должного впечатления не получилось. И после непродолжительной внутренней борьбы шкипер отступил. Сам Веллингтон растерялся бы при виде мокрой тряпки в руках распалённой женщины.

— Пусть уж побесится, пока до Ллэнелли не доберёмся, — сказал шкипер. — Там я отправлю её поездом домой и найму настоящего кока.

Пребывая в счастливом неведении касательно своего мрачного будущего, миссис Блоссом самозабвенно трудилась. Помогала ей вся команда. И вступить с коком в борьбу осмелилась только крепкая атлантическая качка, поджидавшая их за западной оконечностью Корнуэлла.

Первые её признаки заключались в том, что со стенок камбуза стала падать всякая мелкая утварь. После того, как миссис Блоссом несколько раз подняла и перевесила упавшие предметы, она отправилась выяснить, в чём дело, и обнаружила, что шхуна клюёт носом большие зелёные волны и со скрипом переваливается с одного борта на другой. Брызги, проносящиеся над судном, вынудили её спуститься в камбуз, где стало вдруг невероятно душно, и хотя все как один умоляли её прилечь и попить чайку, она с презрением отвергла подобные предложения и, сжав губы, осталась на своём посту.

Спустя два дня пришвартовались в Ллэнелли, а через полчаса шкипер вызвал к себе помощника и, вручив ему деньги, приказал рассчитать кока и нанять другого. Помощник наотрез отказался.

— Выполняйте приказ! — пролаял шкипер. — Выполняйте, или мы с вами поссоримся.

— У меня жена и дети, — сказал помощник.

— Вздор! — сказал шкипер. — Чепуха!

— И дядюшки, — непочтительно прибавил помощник.

— Ну ладно, — сверкая глазами, произнёс шкипер. — Сначала наймём нового кока, и пусть сам выкручивается. Чего это ради он будет нашими руками жар загребать?

С этим помощник всецело согласился и тут же ушёл, а когда миссис Блоссом, немного пробежавшись по магазинам, вернулась на «Баклан», она увидела, что на камбузе хозяйничает кок — самый, вероятно, толстый из всех коков мира.

— Эй! — сказала она, мгновенно оценив ситуацию. — Что вы тут делаете?

— Кухарю, — неприветливо отозвался кок, но увидев, с кем имеет дело, игриво улыбнулся и подмигнул.

— Чем мигать мне, — рассерженно сказала миссис Блоссом, — убирайтесь-ка лучше с камбуза.

— Здесь хватит места на двоих, — вкрадчиво сказал кок. — Можете войти и положить мне головку на плечо.

Совершенно неподготовленная к нападению такого рода, миссис Блоссом пала духом и, вопреки своему первоначальному намерению взять камбуз штурмом, отступила и ушла в каюту, где её ожидали деньги и лаконичное послание шкипера, в котором ей предлагалось отправиться домой поездом. Ознакомившись с посланием, она вновь сошла на берег и вскоре вернулась с огромным узлом. Спустившись, плюх-

нула его на столик, за которым Гаррис и помощник как раз принимались за чаепитие.

— Я не еду поездом, — заявила она, развязывая узел, в котором оказались спиртовка, чайник и кое-какая провизия. — Я возвращаюсь с вами. Но так как я ничем не желаю быть вам обязанной, то перехожу на полное самообслуживание.

С этими словами она налила себе чаю и села. Она не проявляла никаких враждебных чувств, потому корабельное начальство вновь обрело уверенность.

— Как по-вашему, когда мы будем в Лондоне? — спросила наконец миссис Блоссом.

— Отчалим, скорей всего, во вторник вечером. Значит, деньков через шесть, не раньше, — ответил шкипер. — А если такой ветер продержится, так и попозже.

Ему показалось странным, что миссис Блоссом прикрыла платком лицо и, сотрясаясь от смеха, встала из-за стола и покинула каюту. Оставшиеся обменялись удивлёнными взглядами.

— Я что, сказал что-нибудь особенно смешное? — спросил шкипер после некоторого раздумья.

— До меня ваш юмор не дошёл, — беззаботно ответил помощник. — Мне кажется, она вспомнила ещё кое-что насчёт вашей семьи. Неспроста же она такая кроткая нынче. Интересно, что она вспомнила?

— Если бы ты больше занимался своими делами, — сказал, закипая, шкипер, — было бы лучше. Будь у меня в помощниках настоящий моряк, он не позволил бы коку так себя вести. Разве это дисциплина?

Он встал, уязвлённый до глубины души, и в их отношениях возник некий холодок, растопить который смогла только утренняя суматоха, связанная с выходом в море.

Вторая половина дня протекла без особых событий. Шхуна шла черепашьям ходом вдоль валлийского берега. Шкипер улёгся спать с приятным сознанием того, что миссис Блоссом выпустила свой последний заряд и, будучи женщиной разумной, уже смирилась с поражением. Эти радужные мысли внезапно прервал тяжкий топот над головой.

— Что такое? — закричал шкипер, взмыв наверх по трапу и столкнувшись на палубе с помощником.

— Не знаю, — дрожащим голосом сказал Билл, стоявший у штурвала, — миссис Блоссом поднялась на палубу, а потом за бортом что-то плюхнуло три-четыре раза.

— Не выпала же она за борт! — сказал шкипер, честно пытаясь придать голосу озабоченность.

— Сейчас проверим, — помощник побежал в носовую часть, просунул голову в кубрик и окликнул кока.

— Я здесь, сэр, — послышался сонный голос. Остальные повскакивали с коек. — Я вам нужен?

— Билл думает, что кто-то упал за борт, — объяснил помощник.

Озадаченные матросы встали, протирая глаза и позёывая, вышли на палубу. Помощник обрисовал ситуацию. Не успел он кончить, а кок уже стрелой промчался на камбуз, и спустя минуту одинокий вопль страждущей души поразил слух всей команды.

— Что стряслось? — крикнул помощник.

— Идите сюда! — завопил кок. — Идите и посмотрите на это!

Зажжённая спичка дрожала в его пальцах. Взбудораженные матросы, ожидавшие увидеть нечто чудовищное, после старательного, долгого, но тщетного осмотра, попросили кока объясниться.

— Она побросала за борт кастрюли и всё прочее, — сказал кок со спокойствием отчаяния. — Теперь я смогу готовить только в этой вот крышке от чайника.

«Баклан», укомплектованный семью измождёнными женоненавистниками, пришвартовался в Лондоне через шесть дней. Шкипер из принципа отказался заходить в какой-либо порт. Однако от попыток поживиться посудой у встречных судов он не отказался. Впрочем, неслыханное поведение капитана брига, потерявшего два часа в результате их попыток одолжить у него кастрюлю, положило конец всем шагам в этом направлении, и им пришлось перейти к диете, состоящей из воды, сухарей и обожжённой на плите солонины.

Миссис Блоссом, не желая, вероятно, быть свидетелем их страданий, не покидала своей каюты и сооблаговолила сойти на берег лишь в сопровождении почётного караула, в который вошли все здоровые мужчины лондонской верфи.

В СИЛУ ТРАДИЦИИ

Перевод М. Привальской

— Вот чего я совсем не выношу на судне, — сказал вахтенный, — так это женщин. Сначала они задают уйму глупых вопросов, а потом жалуются капитану, что вы им невежливо отвечаете. А если вы отвечаете вежливо, что в результате? Думаете, пачка табаку, шиллинг или что-нибудь в этом роде? Ничего подобного. Скажут «спасибо», да ещё таким тоном, будто одолжение делают, вообще с вами разговаривая.

Или вот ещё. Попроси какую-нибудь девицу сойти с каната, который тебе надо смотать! Она на тебя так посмотрит, что уж лучше подождать, пока она сама соизволит сойти. А выдерни из-под неё этот канат без предупреждения, она просто утопит корабль. Я знал одного парня — он уже помер, бедняга, и оставил трёх вдов оплакивать утрату, — так тот говорил, что даже при его опыте женщины всегда оставались для него загадкой, как в первый день женитьбы.

Конечно, иногда попадается девица, переодетая парнем, которую берут юнгой, и никто ни о чём не догадывается. Так и раньше случалось, и дальше будет, я уверен.

Был с нами такой забавный случай. Я ходил тогда стюардом на «Лондонском Тауэре». Отправлялись мы с большим грузом в Мельбурн и прямо перед отходом взяли юнгу. В судовой журнал его вписали как Генри Маллоу, и он отличался удивительным отвращением к любой работе и не проходящей морской болезнью. Каждый раз, когда надо было что-то делать, парню становилось дурно вне зависимости от погоды,

Тогда над ним взял шефство Билл Доусет. Он сказал, что сделает из парня настоящего моряка. Думаю, если бы Генри пришлось выбирать себе отца, он выбрал бы кого угодно, только не Билла. Что касается меня, то я вообще предпочёл бы остаться сиротой. Больше всего Билл налегал на устные методы воспитания, а когда это не помогало, перешёл к рукоприкладству. Правда, Генри не понимал, что это делалось для его же блага, и каждый раз так плакал, что нам становилось за него стыдно.

В конце концов Биллу стало боязно его трогать, и он перешёл на то, что называл саркастическим тоном. Но тут выяснилось, что в этом Генри давал ему сто очков вперёд и затыкал его на первом же слове.

Ну тогда Билл обратился к своему основному таланту, и тут же Генри побежал к шкиперу жаловаться на его выражения.

— Выражения? — спросил шкипер, глядя на парня людоедом. — Это какие же выражения?

— Грубые выражения, сэр, — сказал Генри.

— Ну-ка, повтори какое-нибудь, — сказал шкипер.

Генри содрогнулся.

— Я не могу, сэр. Это... это как вы вчера разговаривали с боцманом.

— Марш на место! — заревел тогда шкипер. — Займись своим делом, и чтобы я тебя больше не слышал! Тебе не юнгой быть, а в женской школе учиться!

— Я знаю, сэр, — всхлипнул Генри. — Но я не думал, что здесь будет так плохо.

Шкипер тупо на него уставился, потом протёр глаза и снова уставился. Генри опустил голову и вытер слёзы.

— Бог мой, — сказал шкипер. — Только не говори мне, что ты девчонка!

— Если вы не хотите, сэр, я не скажу, — ответил Генри и снова вытер слёзы.

— Как тебя зовут? — спросил шкипер.

— Мэри Маллоу, — ответил Генри.

— А зачем ты... вы это сделали? — спросил шкипер.

— Отец хотел выдать меня замуж за человека, которого я не любила, — сказала мисс Маллоу. — Ему очень нравились мои волосы, и я их отрезала. А потом я испугалась и решила, что раз я стала похожа на мальчика, то вполне могу пойти юнгой на какое-нибудь судно.

— Да, прибавили вы мне заботы, — сказал шкипер и позвал старшего помощника посоветоваться.

Старший помощник, мужчина строгий в вопросах нравственности — для старшего помощника, разумеется, — просто онемел от изумления.

— Ей нужно жить отдельно, — заявил он наконец.

— Ясное дело, — сказал шкипер, позвал меня, велел расчистить для неё отдельную комнату — мы иногда брали двух-трёх пассажиров — и перенести туда её вещи.

— У вас, конечно, есть запасное платье? — с надеждой спросил шкипер.

— Только то, что на мне, — застенчиво ответила мисс Маллоу.

— Пришлите ко мне Доусета! — приказал шкипер.

Мы с трудом вытолкали беднягу Билла на палубу, и шкипер обошёлся с ним так, будто тот был самым большим

негодяем из всех, ещё не повешенных. Ему тысячу раз пришлось просить извинения у юной леди, и вернулся он в таком подавленном состоянии, что сам не понимал, что говорит, и даже попросил прощения у матроса, которому наступил на ногу.

Потом шкипер проводил мисс Маллоу в её каюту и, к своему величайшему изумлению, заметил в кают-компании третьего помощника — большого любителя женского общества, — который танцевал сам с собой тустеп.

В тот же вечер шкипер и старший помощник организовали из себя комитет, чтобы решить, что делать дальше. Всё, что предлагал старший помощник, шкипер с негодованием отвергал, а когда шкиперу приходила какая-нибудь идея, старший помощник говорил, что это невозможно. После трёхчасового заседания члены комитета стали оскорблять друг друга: по крайней мере шкипер оскорбил старшего помощника, а тот только повторял, что если бы не дисциплина, он пригласил бы кое-кого, кто сказал бы шкиперу пару очень полезных слов.

— А я вам говорю, ей нужно платье или... платье! — закричал шкипер.

— А какая разница между платьем и... платьем? — спросил старший помощник.

— Есть разница, — ответил шкипер.

— Какая? — спросил старший помощник.

— А вам это бесполезно объяснять, — сказал шкипер. — У некоторых людей слишком дубовые головы.

— У некоторых — точно, — ответил старший помощник.

После этого комитет распался, но снова собрался на следующее утро за завтраком и поднял страшный шум.

Удивительно, как за одну ночь изменилась девушка. Она умылась, уложила свои довольно длинные волосы так, что они спускались на лоб, и члены комитета кусали губы и друг на друга поглядывали, а мистер Фишер, третий помощник, всё время подкладывал ей что-нибудь на тарелку.

После завтрака мисс Маллоу поднялась на палубу и беседовала там с мистером Фишером. У неё оказался красивый

звонкий смех, которого я не замечал, когда она жила с нами в кубрике. А может, там у неё не было поводов для смеха.

Пока девушка наблюдала, как мы работаем, комитет в кают-компании снова ломал себе головы.

Когда я спустился вниз, кают-компания была похожа на ателье. На столе лежали шёлковые носовые платки и тому подобная ерунда, а шкипер ходил вокруг с большими ножницами и не знал, с какой стороны подступиться.

— Я думаю, не стоит затевать ничего грандиозного, — сказал он. — Просто что-нибудь накинуть поверх мальчишеской одежды.

Старший помощник не отвечал. Он рисовал на клочке бумаги модели женских платьев и склонял голову то так, то этак, пытаясь найти лучший ракурс.

— Отличная идея! — сказал вдруг шкипер. — Мистер Джексон, где тот халат, который дала вам с собой жена?

— Не знаю, — пробормотал он задумчиво. — Я его куда-то запихнул.

— Ну, наверное, недалеко, — усмехнулся шкипер. — Из него-то мы и сделаем платье.

— По-моему, не стоит, — сказал старший помощник. — Оно будет плохо сидеть. У меня есть другая идея.

— Какая? — спросил шкипер.

— У вас были три фланелевые рубашки, — ответил старший помощник. — Они тёмненькие и сидеть будут прекрасно.

— Давайте начнём с халата, — предложил шкипер. — Это проще. Я помогу вам искать.

— Ума не приложу, куда я его дел, — старший помощник задумчиво почесал за ухом.

— Давайте для начала поищем в вашей каюте, — сказал шкипер.

Они отправились в каюту к старшему помощнику и, к его огромному удивлению, обнаружили, что халат висит прямо за дверью. Это был роскошный халат — тёплая мягкая ткань с красивой отделкой из тесьмы. Шкипер снова взял ножницы и склонился над халатом. Он отрезал верхнюю часть с рукавами и протянул старшему помощнику.

— Это мне не нужно, — сказал он, — а вам может пригодиться.

— Пока вы заняты халатом, я придумаю что-нибудь с рубашками, — ответил старший помощник.

— С какими рубашками? — спросил шкипер, отрезая от халата пуговицы.

— Ну с вашими, — сказал старший помощник. — Посмотрим, у кого лучше получится платье.

— Нет, мистер Джексон, — сказал шкипер. — Ничего у вас не получится. У вас способностей нет. К тому же мне эти рубашки самому нужны.

— Ну уж если на то пошло, мне тоже нужен был халат, — сказал старший помощник.

— Так что же вы сразу не сказали? — спросил шкипер.
— Вы думайте, мистер Джексон, что делаете.

Старший помощник больше ничего не говорил. Он сидел и наблюдал, как шкипер сшивает полы халата. В итоге это действительно неплохо выглядело, и мисс Маллоу не скрывала радости. Юбка великолепно на ней сидела. А в сочетании с поясом из носовых платков и тельняшкой произвела на третьего помощника неотразимое впечатление.

— Ну теперь вы больше похожи на девушку, которую привык видеть ваш папа, — улыбнулся шкипер. — У меня сейчас пальцы побаливают, но со временем я сошью вам и шляпку.

— Хотел бы я на это посмотреть, — вмешался старший помощник.

— Это очень просто, — сказал шкипер. — Я видел, как их шьёт моя жена. Надо сделать из картона каркас и натянуть на него материю.

Платье произвело в девушке необычайную перемену. Просто необычайную! Она сразу стала настоящей леди. Вела

она себя так, будто судно было её собственностью, а я существовал только для того, чтобы ей прислуживать.

Жилось ей, надо сказать, неплохо. Погода была прекрасной, работы было мало, поэтому когда она не выслушивала советы шкипера и старшего помощника, то принимала ухаживания второго и третьего помощников. Мистер Скотт, второй помощник, поначалу не очень-то ею интересовался, и я понял, что он влюблён, только когда он стал невежлив с мистером Фишером и прекратил выражаться так внезапно, что мы даже испугались, как бы это ему не повредило.

Я думаю, девушке нравилось их внимание, но постепенно она устала. Они не давали бедняжке ни минуты покоя. Когда она поднималась на палубу, к ней сразу подходил мистер Фишер и заводил разговоры о море и одинокой жизни моряка, и я даже слышал, как мистер Скотт читал ей стихи. Шкипер тоже это слышал, но, не уловив всего полностью, да и вообще относясь к поэзии с недоверием, подозвал его к себе и заставил повторить всё сначала. Но и этого ему показалось мало, и он позвал старшего помощника, чтобы тот тоже послушал. Старший помощник сказал, что всё это ерунда, и шкипер пригрозил мистеру Скотту, что если он снова будет себя так вести, ему достанется похуже.

В чувствах молодых людей не приходилось сомневаться. Когда мисс Маллоу заявила, что она никогда, никогда не полюбит мужчину, который курит и пьёт, оба немедленно выбросили трубки за борт, и муки, которые они претерпевали, глядя, как курят другие, вызывали у меня слёзы.

Дошло до того, что старший помощник, который, как я уже говорил, был истинным пуританином, не выдержал и снова собрал комитет. Это было торжественное заседание. Старший помощник произнёс речь, в которой заявил, что он глава семьи, а второй и третий помощники уделяют мисс Маллоу слишком много внимания, и потребовал, чтобы шкипер прекратил это безобразие.

— Каким образом? — спросил шкипер.

— Запретите шашки, карты и стихи, — сказал старший помощник. — У девчонки совсем закружится голова. Вы, как капитан, должны положить этому конец.

Шкипер был так потрясён услышанным, что не только положил конец шашкам и стихам, но пошёл дальше и запретил молодым людям вообще разговаривать с девушкой. Говорить можно было только за завтраком в общей беседе.

Молодым людям это не очень-то понравилось, а мисс Маллоу сделала вид, что она весьма довольна, и в кают-компании воцарилось спокойствие, если не сказать скука.

Но через неделю всё стало на свои места, и довольно неожиданным образом.

Я как раз накрывал стол к чаю и стоял у трапа в кают-компанию, пропуская шкипера и третьего помощника, как вдруг раздался громкий звук пощёчины. Мы опрометью бросились вниз и застали там следующую картину: у стола, держась за щёку, замер старший помощник, напротив него, раскрасневшаяся, стояла мисс Маллоу.

— Мистер Джексон, — сказал шкипер, — что произошло?

— У неё спросите! — закричал старший помощник. — Она просто с ума сошла!

— Что случилось, мисс Маллоу? — спросил шкипер.

— Спросите у него, — ответила мисс Маллоу, тяжело дыша.

— Мистер Джексон, — сурово продолжал шкипер, — чем вы тут занимались?

— Ничем, — сказал старший помощник.

— Но я слышал звук пощёчины! — настаивал шкипер.

— Я тоже, — подтвердил старший помощник.

— Это вас ударили? — спросил шкипер.

— Меня, — сказал старший помощник. — Я же вам объясняю: она с ума сошла! Я сидел здесь тихо и мирно, а она подошла и ударила меня по щеке!

— Почему вы его ударили, мисс Маллоу? — спросил шкипер.

— Потому что он это заслужил, — ответила мисс Маллоу.

Шкипер покачал головой и так скорбно посмотрел на старшего помощника, что тот ударил кулаком по столу и заметался по каюте.

— Если бы я не слышал этого собственными ушами, я бы ни за что не поверил, — сказал шкипер. — И вы, глава семьи, а туда же. Хорошенький пример молодёжи, нечего сказать!

— Прошу вас, не будем больше об этом, — заметила мисс Маллоу. — Я уверена, мистер Джексон уже раскаивается.

— Хорошо, — сказал шкипер, — на первый раз я закрою на это глаза. Но, мистер Джексон, как вы понимаете, впредь вам запрещается разговаривать с мисс Маллоу. Кроме того, считайте себя исключённым из комитета.

— К дьяволу комитет! — заревел старший помощник. — К дьяволу!.. — Он внезапно захлопнул рот, оглядел нас выпученными глазами и выбежал на палубу. Больше он к этому событию не возвращался, да и вообще за всё оставшееся плавание ни с кем словом не перемолвился. Молодые люди снова достали шашки и карты, но старший помощник делал вид, что ничего не замечает, а со шкипером разговаривал только в исключительных случаях или когда тот сам к нему обращался.

Наконец мы пришли в Мельбурн, и первым делом шкипер дал мисс Маллоу денег на платье. Он сделал это очень деликатно, как бы выплачивая ей жалованье за работу юнгой, и я, пожалуй, никогда не видел более довольного и смущённого человека, чем мисс Маллоу. Шкипер сам пошёл с ней на берег, так как она довольно странно выглядела в своём наряде. Вернулся он через час и без неё.

— Я думал, может, мисс Маллоу пришла раньше меня, — виновато сказал он мистеру Фишеру. — Я умудрился пропустить её, когда ждал у магазина.

Они в волнении прождали девушку до двух часов, а потом отправились на поиски и вернулись в восемь крайне обеспокоенные. В девять мисс Маллоу также не появилась. Мистер Фишер и мистер Скотт были в ужасном состоянии, и шкипер послал на поиски всю команду. Они обшарили каждый закоулок и возвратились в полночь такие уставшие, что не могли стоять самостоятельно, и такие расстроенные, что не могли слова вымолвить. Никто, кроме мистера Джексона, ночью глаз не сомкнул, и рано утром все снова были на берегу.

Но девушка как в воду канула, и ребята время от времени с опаской поглядывали за борт, не проплывёт ли она мимо.

Я как раз занимался обедом, когда о ней пришли первые известия. К судну подошли три самых печальных и скорбно выглядевших капитана, каких мне когда-либо приходилось видеть, и попросили позвать на пару слов нашего шкипера.

— Доброе утро, капитан Харт, — сказал один из них, когда наш шкипер и старший помощник вышли на палубу.

— Доброе утро, — ответил наш шкипер.

— Вам знакомо вот это? — спросил второй капитан, поднимая на трости платье мисс Маллоу.

— Боже мой, — сказал наш шкипер. — Надеюсь, с бедной девочкой ничего не случилось?

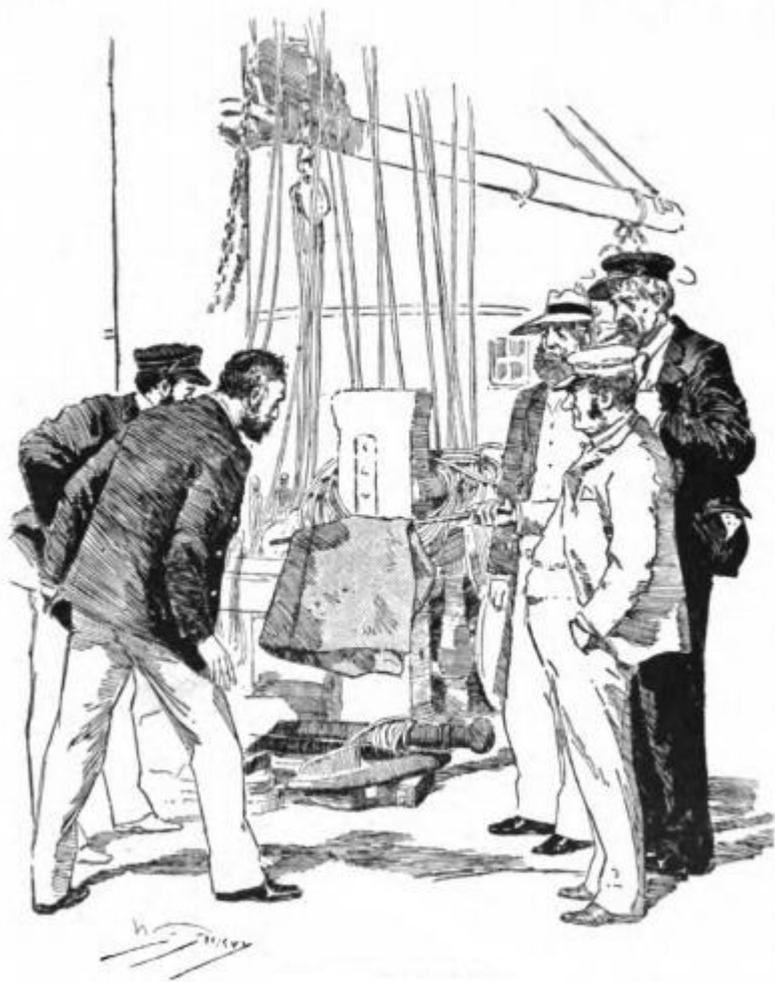
— Её больше нет, — сказал третий капитан.

— Как это случилось? — спросил наш шкипер.

— Она сняла это, — первый капитан указал на платье.

— Ничего не понимаю, — заметил наш шкипер.

— Я так и думал, — сказал первый капитан. — Она сняла это.

— Это вы уже говорили, — перебил его наш шкипер довольно резко.

— И снова стала мальчишкой, — продолжал второй капитан. — И я вам скажу, самым хитрым и несносным маленьким негодяем, которого я когда-либо брал в команду!

Три капитана переглянулись и разразились громовым хохотом. Они подпрыгивали как сумасшедшие и хлопали друг друга по спинам. Потом они спросили, кому из нас она дала пощёчину и кто мистер Фишер, а кто мистер Скотт, и сообщили шкиперу, что он самый нежный отец на свете.

Вокруг нас собрались матросы со всех соседних судов, и мы с трудом уговорили их разойтись, вылив на них несколько вёдер воды и забросав углём.

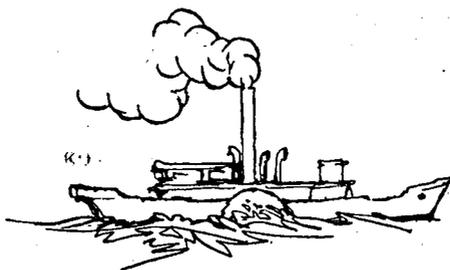
Мы стали посмешищем всего порта, и шкипер чуть не лопнул от злости, когда мимо нас проходила шхуна, где на мостике стоял капитан с таким видом, будто он совсем не замечает на носу этого проклятого мальчишку, который делал книксены и посылал нам воздушные поцелуи.

СТАРЫЕ КАПИТАНЫ

Перевод А. Н. Стругацкого

Smoked Skipper.

By W. W. JACOBS.

ПРОСОЛЕННЫЙ КАПИТАН

— Старый Уэппингский причал? — произнёс косматый тип, взвалив на плечо новенький матросский сундук и сразу перейдя на рысь. — Есть, капитан, место известное. Ваше первое плавание, сэр?

— Угадал, друг, — отозвался владелец сундучка, маленький худосочный подросток лет четырнадцати. — Только не беги так на своих ходулях, слышишь?

— Слушаюсь, сэр, — сказал мужчина. Замедлив шаг, он повернул голову и пригляделся к своему спутнику. — Нет, не первое это ваше плавание, сэр, — с восхищением в голосе проговорил он. — Быть этого не может. Я вас сразу раскусил, едва увидел. И что вам за охота втирать очки бедному работяге?

— Что ж, в морских делах я разбираюсь неплохо, это верно, — сказал мальчишка самодовольно. — А ну, право руля! Ещё немного право руля!

Мужчина незамедлительно повиновался, и таким манером, к большому неудовольствию прохожих, двигавшихся навстречу, они прошли оставшееся расстояние.

— И всего делов-то на какую-то паршивую полукрону, капитан, — сказал мужчина. С этими словами он поставил сундук на верхнюю ступеньку причала и благодушно расселся на нём в ожидании платы.

— Мне нужно на «Сюзен Джейн», — обратился мальчишка к перевозчику, который сидел в своей лодке, придерживаясь рукой за нижнюю ступеньку.

— Ладно, — сказал тот. — Давай сюда твоё добро.

— Грузи его на борт, — сказал мальчишка носильщику.

— Слушаюсь, капитан, — сказал тот, весело улыбаясь.

— Только сперва, если вы не против, я хотел бы получить свою полукрону.

— Ты же сказал на станции, что шесть пенсов, — возразил мальчишка.

— Два шиллинга и шесть пенсов, капитан, — по-прежнему улыбаясь, произнёс носильщик. — Это у меня голос такой хрипловатый, и вы, наверное, не расслышали про два шиллинга. Полукрона у нас — обычная цена, сбивать её нам никак не разрешается.

— Ничего, я никому не разболтаю, — пообещал мальчишка.

— Отдай человеку его полукрону, — с неожиданной злостью вмешался перевозчик, — и кончай отлынивать. А мне ты заплатишь восемнадцать пенсов, понял?

— Хорошо, — с готовностью согласился мальчишка. — Это недорого. Я не знал, какие здесь цены, только и всего. Но я не смогу с вами расплатиться, пока не попаду на корабль. У меня с собой только шесть пенсов. А на корабле я попрошу капитана, чтобы он отдал вам остальное...

— Кого попросишь? — взревел носильщик.

— Капитана.

— Слушай-ка, — сказал носильщик, — ты лучше отдай мне мою полукрону, а иначе я спихну твой сундук в воду и тебя следом за ним.

— Тогда погодите минутку, я сбегаю и разменяю деньги, — поспешно проговорил мальчишка и скрылся в узком переулке, ведущем к причалу.

— Он разменяет полсоверена, а то и весь соверен, — заметил перевозчик. — Требуй с него все пять шиллингов, приятель, не стесняйся.

— Ты тоже не теряйся, сдери с него побольше, — любезно откликнулся носильщик. — Ох ты, ну и... Это же надо...

— Слазь с сундука! — приказал огромный полисмен, явившийся вместе с мальчишкой. — Бери свои шесть пенсов, и чтоб духу твоего здесь не было! Если я ещё раз поймаю тебя на этом...

Не закончив фразы, он взял носильщика за шиворот и дал ему свирепого тычка на прощание.

— Плата перевозчику — три пенса, — сказал он мальчишке, между тем как человек в лодке, сделавши каменное лицо, принял от него сундук, — И я постою здесь, пока он не доставит тебя на судно.

Мальчишка уселся в лодку, и перевозчик, дыша сквозь зубы, погрёб к стоявшим в ряд кораблям. Он поглядел на мальчишку, затем перевёл взгляд на могучую фигуру на причале и, с видимым усилием подавив сильнейший позыв произнести несколько слов, яростно плюнул за борт.

— Какой он молодец, верно? — сказал мальчишка. Перевозчик притворился, будто не слышит, взглянул через плечо и с силой загрёб левой к небольшой шхуне, с палубы которой двое человек разглядывали маленькую фигурку в лодке.

— Это тот самый мальчик, — произнёс капитан, — и вы должны твёрдо запомнить, что наш корабль — пиратское судно.

— Да уж пиратов у нас на борту предостаточно, — свирепо проворчал помощник; он повернулся и принялся оглядывать команду. — Экая куча лентяев, бездельников, тунеядцев, негодяев...

— Это задумано ради мальчика, — прервал его капитан.

— Откуда он взялся? — спросил помощник.

— Сынишка одного моего приятеля, и я беру его в плавание, чтобы в доме у него вздохнули свободнее, — ответил капитан. — Ему, видите ли, хочется стать пиратом, ну, и я, чтобы сделать отцу приятное, сказал, что мы-де занимаемся пиратством. Если бы я так не сказал, он бы нипочём сюда не явился.

— Ну, я ему покажу пиратство, — проговорил помощник, потирая руки.

— Он по всем статьям сущее наказание, — продолжал капитан. — Забил себе голову дешёвыми книжонками про приключения и совсем от них свихнулся. Начал с того, что сделался индейцем и удрал из дому с двумя другими ребятами. Когда он решил стать людоедом, остальные двое воспротивились этому и выдали его полиции. После этого он совершил несколько ограблений, и его старику пришлось выложить немало денежек, чтобы замять эти дела.

— Хорошо. Ну, а вам-то он на что понадобился? — проворчал помощник.

— Я хочу выбить из него всю эту дурь, — тихо ответил капитан, когда лодка подошла к борту шхуны. — Ступайте на ют и расскажите команде, что от них требуется. Когда мы выйдем в открытое море, это уже не будет иметь значения.

Помощник с ворчанием отошёл, а маленький пассажир взгромоздился на банку и перелез через борт. Перевозчик передал следом за ним сундук и, опустив в карман медяки, без единого слова оттолкнулся веслом и погрёб обратно.

— С благополучным прибытием, Ральф, — сказал капитан. — Как тебе нравится моё судно?

— Удалой корабль, — отозвался мальчишка, с большим удовлетворением оглядывая потрёпанную старую посудину. — А где же у вас оружие?

— Тс-с-с! — сказал капитан и приставил палец к кончику носа.

— Ладно, ладно, — сказал юнец раздражённо. — Мне-то уж могли бы сказать.

— Всё в своё время, — терпеливо пояснил капитан и повернулся к команде.

Матросы подходили, волоча ноги и пряча ухмылки под ладонями.

— Вот вам новый товарищ, ребята. Он мал ростом, но он не подведёт.

Новоприбывший подобрался и оглядел команду с некоторым разочарованием. Для отпетых негодяев они выглядели слишком уж добродушными и разболтанными.

— Что это с тобой, Джем Смизерс? — осведомился капитан, злобно уставясь на громадного рыжеволосого детину, который вдруг загоготал ни к селу ни к городу.

— Это я вспомнил о том парне, которого я прикончил в последней стычке, сэр, — отвечивал Джем, снова напустив на себя серьёзный вид. — Я всё время смеюсь, когда вспоминаю, как он визжал.

— Слишком много ты смеёшься, — строго сказал капитан и положил руку на плечо Ральфу. — Вот с кого бери пример, вот с этого молодчика! Он не смеётся. Он действует. Проводи его вниз и укажи ему койку.

— Соблаговолите следовать за мной, сэр, — сказал Смизерс, спускаясь по трапу в кубрик. — Здесь, конечно, несколько душновато, но тут уж виноват Билл Доббс. Наш Билл — старая морская лошадь, он всегда спит одетым и никогда не моется.

— Ну, это в нём ещё не самое ужасное, — произнёс Ральф, благосклонно озирая закипающего Доббса.

— Попридержи язык, приятель! — сказал Доббс.

— Ничего, не обращай внимания, — сказал весело Смизерс. — Никто не принимает старину Доббса всерьёз. Если тебе нравится, можешь даже стукнуть его. Я за тебя заступлюсь.

— Мне бы не хотелось начинать с ссоры, — серьёзно сказал Ральф.

— Да ты просто трусишь, — сказал Джем насмешливо. — Этак тебе сроду у нас не прижиться. Дай ему, я заступлюсь, ежели что.

Побуждаемый таким образом, мальчишка приступил к делу. Вначале хитроумным манёвром головой, всегда вызывавшим восхищение у соседских мальчишек и почитаемым за образец ложного выпада у них же, он отвлек внимание Доббса к области желудка, а затем ударил Доббса по лицу. В следующее мгновение кубрик огласился шумом и гамом, Ральф был брошен поперёк Доббсовых коленей и неистово воззвал к Джем, напоминая ему об обещании.

— Непременно, — утешил его Джем. — Я непременно заступлюсь за тебя. Он тебя и пальцем не тронет.

— Как же не тронет, когда он уже трогает! — вопил мальчишка, — Ты что, не видишь, что ли?

— И то верно, — сказал Джем. — Но ты погоди, вот я подстерегу его на берегу и так отделаю, что его родная мать не узнает.

В ответ мальчишка разразился потоком визгливых поношений, направленных по преимуществу на некоторые дефекты физиономии Джема.

— Экий ты, братец, грубиян, — сказал матрос, ухмыляясь.

— Если ты покончил с этим молодым джентльменом, Доббс, — произнёс Джем с изысканной вежливостью, — будь любезен, передай его мне на предмет обучения хорошим манерам.

— Он не хочет к тебе, — ухмыльнулся Доббс, между тем как Ральф изо всех сил вцепился в него, — Он знает, кто к нему добрый.

— погоди, я ещё с тобой посчитаюсь! — разрыдался Ральф, когда Джем всё же оторвал его от Доббса.

— Господи боже мой, — проговорил Джем, с удивлением его разглядывая. — Смотри-ка, да ведь он ревет, прямо слезами исходит! Ну, Билл, много я повидал в своей жизни пиратов, но этот какого-то нового сорта.

— Оставьте парнишку в покое, — вмешался кок, толстый добродушный мужчина. — Иди сюда, иди ко мне, старина. Не плачь, они ведь это не со зла.

Обретя у кока покой и безопасность, Ральф от стыда скрипел зубами, пока этот достойный человек, поставив его к себе между колен, вытирал ему глаза каким-то предметом, который называл своим носовым платком.

— Всё будет хорошо, — приговаривал кок. — Ты и глазом моргнуть не успеешь, как станешь таким же молодцом пиратом, не хуже любого из нас.

— Ничего, ничего, — рыдал мальчишка. — Погодите только до первого дела. Не моя будет вина, если кое-кто не заполучит пулю в спину.

Матросы переглянулись.

— Так вот обо что я расшиб руку, — медленно произнёс Доббс. — А я-то думал, что это перочинный нож.

Он протянул длань, бесцеремонно ухватил мальчишку за воротник и подтащил к себе, после чего извлёк у него из кармана небольшой дешёвый револьвер.

— Ты только погляди на это, Джем, — сказал он.

— Сперваними палец со спускового крючка, — отозвался тот сердито.

— Выброшу я это за борт от греха, — сказал Доббс.

— Не будь дураком, Билл, — сказал Смизерс. Он взял револьвер и спрятал в карман. — Вещь стоит денег, и на несколько кружек пива мы за неё получим. Эй, посторонись, Билл, его пиратское величество желают выйти на палубу!

Билл шагнул в сторону, уступая мальчишке дорогу к трапу, а когда тот поднялся на несколько ступенек, поддал

ему снизу плечом. Парень вылетел на палубу на четвереньках, со всей возможной поспешностью вновь вернул себе приличную позу и, отойдя, склонился над бортом — с надменным презрением наблюдать суету рабов на пристани и на реке.

Они отплыли в полночь и рано на рассвете прибыли в Лонгрич, где к ним подошёл лихтер, гружённый бочками, и мальчишка ощутил вкус романтики и тайны, когда узнал, что в бочках содержится порох. Десять тонн пороха погрузили они в трюм, после чего лихтер отошёл, люки были задраены, и они снова двинулись в путь.

Это было его первое плавание, и он с живейшим интересом разглядывал суда, которые шли навстречу. или обгоняли их. Он помирился с матросами, и те угощали его чудовищными рассказами о своей пиратской жизни в тщетной надежде запугать его.

— Это просто маленький мерзавец, и больше ничего! — с негодованием отозвался о нём Билл, поразив однажды себя самого мощью собственного воображения. — Подумать только, я рассказываю ему, как младенца бросили акулам, а он хохочет во всё горло!

— Да нет же, он мальчик как мальчик, — тихонько сказал кок. — Вот погоди, Билл, когда у тебя будет семеро таких.

— Что ты здесь делаешь, юнга? — осведомился капитан, когда Ральф, забрёл, засунув руки в карманы штанов, на корму.

— Ничего, — ответил мальчишка, вытаращив на него глаза.

— Твоё место на том конце судна, — резко сказал капитан. — Ступай туда и помоги коку с картофелем.

Ральф поколебался, но ухмылка на физиономии помощника решила дело.

— Я здесь не для того, чтобы чистить картошку, — сказал он высокомерно.

— Ах, вот оно что, — вежливо произнёс капитан. — А для чего же, если мне позволено будет узнать?

— Сражаться с врагами, — коротко ответил Ральф.

— Подойди сюда, — сказал капитан. Мальчишка медленно приблизился.

— Теперь слушай меня, — сказал капитан. — Я намерен вбить в твою глупую башку немного здравого смысла. Я знаю всё о твоих дурацких выходках на берегу. Твой отец жаловался, что не может управиться с тобой, и теперь я попытаюсь сделать это, и ты на собственной шкуре убедишься, что иметь дело со мной будет потруднее. Подумать только, он полагает, будто здесь ему пиратское судно! Да в твоём возрасте любой сопляк понимает, что в наши времена таких вещей не бывает!

— Вы сами сказали мне, что вы пират! — сказал мальчишка яростно. — Иначе бы ноги моей здесь не было!

— Потому я так и сказал, — возразил капитан. — Только мне и в голову не приходило, что ты такой дурак и поверишь этому. Пират! Да разве я похож на пирата?

— На пирата вы не похожи, — сказал мальчишка с ухмылкой. — Вы больше всего похожи на...

— На кого? — спросил капитан, подступая ближе. — Ну, что же ты замолчал?

— Я забыл, как это называется, — ответил Ральф, доказывая этим ответом, что здравый смысл ему отнюдь не чужд.

— Не смей врать! — сказал капитан. Смешок помощника вывел его из себя. — Выкладывай, живо! Даю тебе две минуты.

— А я забыл, — упрямо сказал Ральф. Ему на помощь пришёл помощник.

— На мусорщика? — подсказал он. — На уличного разносчика? На трубочиста? Ассенизатора? Воришку? Каторжника? Старую прачку?..

— Я буду вам очень обязан, Джордж, — произнёс капитан сдавленным голосом, — если вы вернётесь к исполнению своих обязанностей и не будете впредь мешаться в дела, которые вас не касаются. Итак, юнга, на кого же я похож?

— Вы похожи на вашего помощника, — медленно сказал Ральф.

— Не ври! — злобно сказал капитан. — Забыть такое слово ты не мог.

— Я не забыл, конечно, — признался Ральф. — Только я не знал, как это вам понравится.

Капитан с сомнением поглядел на него и почесал лоб, сдвинув фуражку на затылок.

— И ещё я не знал, — сказал Ральф, — как это понравится помощнику.

С этими словами он отправился на камбуз и уселся за котёл с картошкой, выведя таким образом капитана из неловкого положения. Некоторое время хозяин «Сюзен Джейн» глядел ему вслед бессмысленным взором, а затем повернулся к помощнику. Тот кивнул.

— Да, с ним ухо нужно держать остро. Вот так облает тебя, а придаться не к чему.

Капитан промолчал, но, едва была почищена картошка, он направил своего юного друга чистить корабельную медь, а после этого — прибрать в каюте и чистить кастрюли и скоров-

родки на камбузе. Тем временем помощник спустился в кубрик и обревизовал его сундук.

— Вот откуда он набрался всей этой чепухи, — объявил он, вернувшись на корму с большой связкой грошовых книжонок. — Одни названия чего стоят: «Лев Тихого океана», «Однорукий корсар», «Последнее плавание капитана Кидда»...

Он присел на светлый люк каюты и принялся листать одну из книжек, время от времени зачитывая капитану вслух поразившие его «жемчужины» фразеологии. Капитан слушал вначале с презрением, а затем нетерпеливо сказал:

— Ни бельмеса не понимаю, что вы мне там читаете, Джордж! Кто такой этот Рудольф? Читайте уж лучше сначала.

Получив это приказание, помощник нагнулся, чтобы капитану было лучше слышно, и прочёл подряд от корки до корки первые три выпуска одной из серий. Третий выпуск заканчивался на том, как Рудольф плыл наперегонки с тремя акулами и полной лодкой людоедов; объединённые усилия капитана и помощника найти остальные выпуски успеха не имели.

— Ничего иного я от него не ожидал, — сказал капитан, когда помощник вернулся с пустыми руками после повторных поисков в сундуке мальчишки. — Ничего, на этом судне его приучат к порядку. Ступайте, Джордж, и заприте все остальные книжки у себя в ящике. Больше он их не получит.

К этому времени шхуна вышла в открытое море, и это начинало чувствоваться. Впереди открывался синий простор, испещрённый изрыгающими дымы трубами и белыми парусами, спешащими из Англии в края романтики и приключений. Что-то вроде этого кок сказал Ральфу, стараясь убедить его подняться на палубу и взглянуть своими глазами. Кроме того, он порассуждал немного — с наилучшими намерениями, конечно, — о целительных свойствах жирной свинины в смысле спасения от морской болезни.

Последующие несколько суток мальчишка делил между тяжкими приступами морской болезни и усердной работой, каковую шкипер почитал за вернейшее лекарство от пиратства. Раза три-четыре Ральфа слегка побили, и ещё — что бы-

ло хуже колотушек — ему пришлось в утвердительном смысле отвечать на вопросы шкипера, чувствует ли он, что понемногу набирается здравого смысла. На пятое утро они подошли к Фэрхейвену, и, к своей радости, он снова узрел дома и деревья.

Они простояли в Фэрхейвене ровно столько, сколько понадобилось, чтобы освободиться от некоторой части своего груза, причём Ральфу, раздетому до рубашки и штанов, пришлось работать в трюме наравне с остальными, а затем судно направилось к Лоупорту, небольшому местечку в тридцати милях дальше, где им надлежало выгрузить свой «порох».

Был вечер, и был отлив, так что они бросили якорь в устье реки, на которой стоял городок.

— Ошвартуемся у пристани часа примерно в четыре, — сказал капитан помощнику, разглядывая кучку домиков на берегу. Затем он повернулся к мальчишке: — Что, юнга, тебе ведь лучше теперь, когда я выбил из тебя немного этой дури?

— Гораздо лучше, сэр, — почтительно ответил Ральф.

— Веди себя хорошо, — сказал капитан, направляясь к трапу, ведущему в каюту, — и тогда можешь остаться с нами, если пожелаешь. А сейчас ступай-ка спать, потому как утром тебе снова придётся попотеть на разгрузке.

Он спустился к себе, а мальчишка остался на палубе. Матросы сидели в кубрике и курили, и только кок ещё занимался своими делами на камбузе.

Часом позже кок тоже спустился в кубрик и стал готовиться ко сну. Остальные двое уже храпели на своих койках, и он совсем было собрался улечься, когда заметил, что койка юнги над ним пуста. Он вышел на палубу, огляделся, затем вернулся вниз и, почесав в задумчивости нос, потряс Джема за руку.

— Где мальчик? — спросил он

— Э? — произнёс Джем, пробуждаясь. — Который мальчик?

— Да наш мальчик, — сказал кок. — Ральф. Я что-то нигде не вижу его. Уж не свалился ли он за борт, бедняжка?

Джем отказался обсуждать этот вопрос, и кок разбудил Доббса. Доббс благодушно обругал его и снова погрузился в сон. Тогда кок опять поднялся на палубу и принялся искать мальчишку в самых неподходящих местах. Он даже покопался в сложенном такелаже, но, не обнаружив там никаких следов пропавшего, волей-неволей пришёл к заключению, что произошло несчастье.

— Бедный парнишка, — трагически пробормотал он, перегибаясь через борт и вглядываясь в спокойную воду.

Покачивая головой, он медленно побрёл на корму. Там он тоже заглянул через борт и вдруг испуганно вскрикнул и протёр глаза. Корабельной шлюпки за кормой не было.

— Ч-то? — сказали оба матроса, когда он растолкал их и сообщил, эту новость. — Ну, пропала шлюпка и пропала, нам-то что?

— Может, пойти и сообщить капитану? — спросил кок.

— Ну чего ты суетишься? — отозвался Джем, сладко мурлыкая под одеялом. — Это же его шлюпка, пусть сам за ней и присматривает. Спокойной ночи.

— А нам спа... на... — проговорил Доббс зевая. — Не забивай себе голову вещами, которые тебя не касаются, кок.

Приняв совет к сведению, кок быстро покончил с несложными приготовлениями ко сну, задул лампу и прыгнул в свою койку. В ту же секунду он ахнул, снова выбрался из койки и, нашарив спички, зажёл лампу. Минутой позже он разбудил своих приятелей в третий раз, чем довёл их до белого каления.

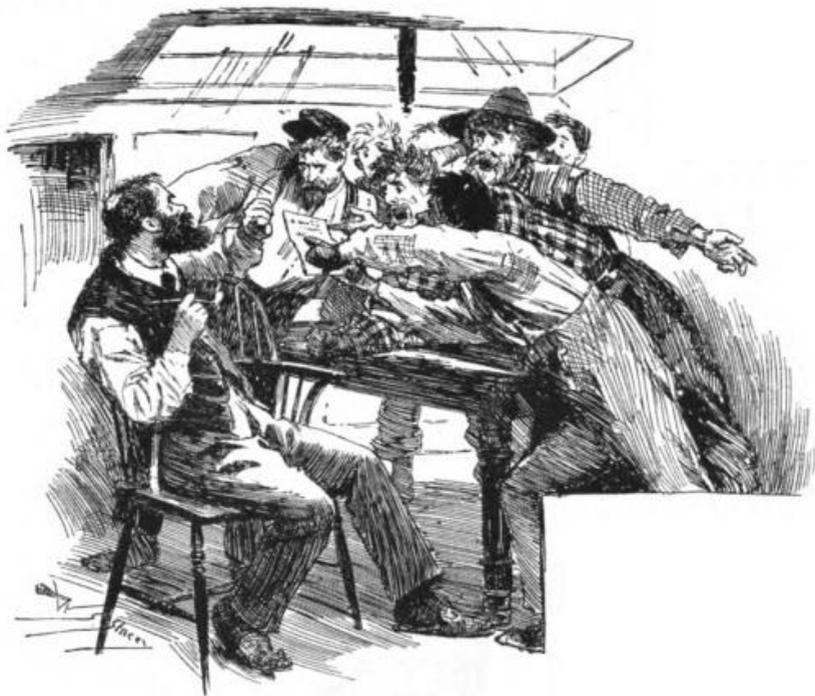
— Ну, как я тебе сейчас... — начал Джем разъярённо.

— А если не ты, то я уж наверняка! — подхватил Доббс, стараясь достать до кока стиснутыми кулаками.

— Это письмо — оно было приколото булавкой к моей подушке, — проговорил кок дрожащим голосом, поднося ближе к свету клочок бумаги. — Вот послушайте...

— Мы не желаем слушать никаких писем! — сказал Джем. — Заткнись, тебе говорят!

Но было в поведении кока нечто такое, что заставило матросов прекратить ругань. И когда они замолчали, кок стал читать с лихорадочной поспешностью:

— «Дорогой кок! Я смастерил адскую машину с часовым заводом и спрятал её в трюме возле пороха, когда мы стояли в Фэрхейвене. Я думаю, она взорвётся между десятью и одиннадцатью сегодня вечером, но я не уверен насчёт точного времени. Не говори этим скотам, а прыгай через борт и плыви к берегу. Я беру шляпку. Я взял бы тебя с собою, но ты сам рассказывал мне, что однажды проплыл семь миль, так что ты легко сможешь...»

На этом чтение прекратилось, так как слушатели выскочили из своих коек и, вылетев на палубу, с рёвом ворвались в кормовую каюту, где, задыхаясь и перебивая друг друга, выложили содержание письма её изумлённым обитателям.

— Что он засунул в трюм? — переспросил капитан.

— Адскую машину, — сказал помощник. — Это такую штуковину, которой взрывают парламенты.

— Сколько сейчас времени? — взволнованно осведомился Джем.

— Около половины десятого, — весь дрожа, отозвался кок. — Надо кликнуть кого-нибудь с берега...

Они перегнулись через борт и послали через воды могучий оклик. Большая часть населения Лоупорта уже улеглась по постелям, но окна в гостинице ещё светились, и виднелся свет в верхних окнах двух или трёх коттеджей.

Они снова оглушительно заорали хором, в ужасе оглядываясь на трюмные люки, и вот в тишине с берега слабо донёлся ответный крик. Они орали вновь и вновь как сумасшедшие, пока их чутко прислушивающиеся уши не уловили сначала скрежет лодочного кия по береговому песку, а затем и долгожданный скрип уключин.

— Да быстрее же! — орал во всю мочь Доббс навстречу лодке, медленно выплывавшей из тьмы. — Чего вы так медленно?

— В чём дело? — крикнул голос из лодки.

— Порох! — неистово завизжал кок. — Здесь на борту десять тонн пороха, и он вот-вот взорвётся! Скорее!

Скрип уключин прекратился, послышалось испуганное бормотание; затем на лодке резко загребли одним веслом.

— Они поворачивают назад, — сказал вдруг Джем. — Я догоню их вплавь. Эй, на лодке! — закричал он. — Готовьтесь подобрать меня!

Он с плеском погрузился в воду и стремительно поплыл за лодкой. Доббс был неважным пловцом и последовал за ним после секундного колебания.

— А мне и шага не проплыть! — вскричал кок, клацая зубами.

Капитан и помощник, будучи в точно таком же затруднении, вслушивались, перегнувшись через борт. В темноте пловцов не было видно, но их продвижение было нетрудно проследить по шуму, который они производили. Джема втащили на лодку первым, а минутой-двумя позже слушатели на шхуне услышали, как он помогает Доббсу. Затем до их слуха донеслись звуки борьбы, глухие удары и бранные слова.

— Они возвращаются за нами, — сказал помощник и перевёл дух. — Молодчина Джем!

Лодка, гонимая могучими ударами вёсел, устремилась к ним и скоро остановилась у борта. Трое оставшихся на судне торопливо ввалились в неё, Джем и Доббс взяли за вёсла снова с необычайным старанием, и обречённое судно сразу растаяло во мраке.

На берегу уже собралась небольшая кучка людей; узнав новости, они забеспокоились о безопасности своего городка. Общее мнение было таково, что уж окна-то, во всяком случае, находятся под угрозой, и были тут же отряжены гонцы предупредить жителей, чтобы окна держали раскрытыми.

Между тем покинутая «Сюзен Джейн» ничем не давала о себе знать. Часы на маленькой церквушке позади городка пробили двенадцать, а судно всё ещё было цело и невредимо.

— Что-то у них там не получилось, — сказал старый рыбак, не умевший правильно выражать свои мысли. — Сейчас самое время кому-нибудь отправиться туда и отбуксировать её подальше в море.

Добровольцев не нашлось.

— Чтобы спасти наш Лоупорт, — продолжал этот оратор с чувством. — Если бы я был лет на двадцать помоложе...

— Это как раз дело для пожилых людей, — возразил чей-то голос.

Капитан ничего не сказал. Всё это время он, напрягая глаза, вглядывался во мрак, в ту сторону, где стояло на якоре его судно, и мало-помалу он начал думать, что в конце концов всё обойдётся благополучно.

Пробило два часа, и толпа начала рассеиваться. Более отважные обыватели, из тех, кто не любил сквозняков, позакрывали свои окна; неспешно привели обратно детишек, которых подняли с постелей и вывели на ночную прогулку подальше от берега. К трём часам стало ясно, что опасность миновала, а тут и рассвело, и все увидели покинутую, но попрежнему невредимую «Сюзен Джейн».

— Я отправляюсь на борт, — сказал вдруг капитан. — Кто со мной?

Вызвались Джем, помощник и городской полицейский. Взяв всё ту же лодку, они быстро погребли к кораблю; там они с невероятной осторожностью открыли люки и приня-

лись искать. Вначале они нервничали, а затем понемногу привыкли; более того, ими овладело некое подозрение, вначале слабое, но постепенно всё усиливавшееся, и это придавало им храбрости. Ещё позже они стали стыдливо переглядываться.

— По-моему, ничего такого здесь нет, — сказал полисмен, сел и неистово расхохотался. — Этот мальчишка просто надул вас!

— Похоже на то, — простонал помощник. — Теперь мы станем посмешищем для всего города!

Капитан, стоявший к ним спиной, ничего не сказал; вдруг с громким возгласом он нагнулся и вытащил что-то из-за сломанного ящика.

— Вот она! — вскричал он. — Всем отойти!

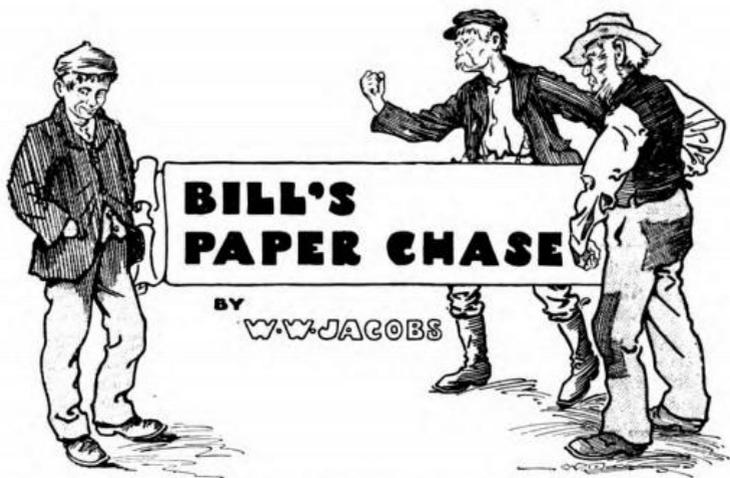

Он торопливо выкарабкался на палубу, держа свою находку в вытянутой руке, а затем, отвернув лицо, зашвырнул её далеко в воду. Громовое «ура» наблюдателей с двух лодок приветствовало это деяние, и далёкий отклик слышался с берега.

— Это и была адская машина? — прошептал на ухо помощнику смущённый Джем. — А мне показалось, будто это самая что ни на есть простая банка мясных консервов...

Помощник покачал головой и искоса взглянул на полисмена, который жадно вглядывался в водную гладь.

— Ну что ж, бывало, что люди гибли и от консервов, — произнёс он с ухмылкой.

В ПОГОНЕ ЗА НАСЛЕДСТВОМ

— Есть у моряков свои слабости, чего там говорить, — честно признал ночной сторож. — У меня у самого они были, когда я ходил в море. Но чтобы беречь деньги — такая слабость водится за ними редко.

Я как-то сберёг немного денег — два золотых соверена провалились в дырку в кармане. Две ночи я провёл тогда на улице и не имел во рту ни крошки, пока не нанялся на другое судно, и нашёл я эти самые соверены в подкладке своей куртки, когда до ближайшего кабака было уже больше двух тысяч миль.

За все годы, что я проплавал, я знал только одного скрягу. Его звали Томас Геари, мы ходили вместе на барке «Гренада», который возвращался из Сиднея в Лондон.

Томас был человек в летах; я думаю, ему было под шестьдесят, и вообще он был старым дураком. Он копил больше сорока лет и, по нашим подсчётам, сберёг что-то около шестисот фунтов. Очень ему нравилось разговаривать об этом и тыкать нам в нос, насколько он богаче всех остальных.

А через месяц, как мы вышли из Сиднея, старина Томас заболел. Билл Хикс объявил, будто это из-за полупенса, кото-

рого он недосчитался; но Уолтер Джонс, у которого семья была всегда больна, и он думал, что в таких делах разбирается хорошо, сказал, что-де он знает, какая это болезнь, да только не может вспомнить, как она называется, а вот когда мы придём в Лондон и Томас покажется доктору, тогда-де и мы увидим, как он, Уолтер Джонс, был прав.

Так или иначе, но старику становилось всё хуже и хуже. Пришёл в кубрик капитан, дал ему каких-то лекарств и посмотрел его язык, а затем посмотрел наши языки, чтобы увидеть, есть разница или нету. Затем он оставил кока ходить за больным и ушёл.

На следующий день Томасу стало хуже, и скоро всем, кроме него самого, стало ясно, что он отдаёт концы. Сначала он нипочём не хотел этому поверить, хотя и кок убеждал его, и Билл Хикс убеждал его, а у Уолтера Джонса совершенно таким же манером умер дедушка.

— Не буду я помирать, — говорит Томас. — Как это помру и оставлю все свои деньги?

— Это будет благо для твоих родственников, Томас, — говорит Уолтер Джонс.

— Нет у меня родственников, — говорит старик.

— Тогда для твоих друзей, — этак тихонько говорит Уолтер.

— И друзей нету, — говорит старик.

— Ну как же нету, Томас, — говорит Уолтер с доброй улыбкой. — Уж одного-то я мог бы тебе назвать.

Томас закрыл глаза, чтобы его не видеть, и принялся жалобно рассказывать о своих деньгах и каким тяжким трудом он их скопил. И мало-помалу ему делалось всё хуже, и он перестал нас узнавать и принимал нас за шайку жадных пьяных матросов. Уолтера Джонса он принимал за акулу и так ему прямо и сказал, и как Уолтер ни старался, разубедить старика ему не удалось.

Помер он на другой день. Утром он опять плакался насчёт своих денег и обозлился на Билла, когда тот напомнил ему, что с собой он их всё равно не унесёт, и он выудил у Билла обещание, что похоронят его, в чём он есть. После это-

го Билл поправил ему одеяло и, нащупав на старике парусиновый пояс, понял, чего тот хочет добиться.

Погода в тот день была ненастная, слегка штормило, и потому все были заняты на палубе, а смотреть за Томасом оставили юнгу лет шестнадцати, который обычно помогал стюарду на корме. Мы с Биллом сбежали в кубрик взглянуть на старика как раз вовремя.

— Я всё-таки унесу их с собой, Билл, — говорит старик.

— Ну и правильно, — говорит Билл.

— Камень с моей души... тепер ь свалился, — говорит Томас. — Я отдал их Джиму... и велел выбросить их... за борт.

— Что? — говорит Билл, вытаращив на него глаза.

— Всё правильно, Билл, — говорит юнга. — Так он мне велел. Это была маленькая пачка банкнотов. Он дал мне за это два пенса.

Старина Томас, похоже, слушал. Глаза его были открыты, и он этак хитренько глядел на Билла, словно бы потешаясь, какую он сыграл с ним шутку.

— Никому... не тратить... моих денег, — говорит он. — Никому...

Мы отступили от его койки и некоторое время стояли, уставясь на него. Затем Билл повернулся к юнге.

— Иди и доложи капитану, что Томас готов, — говорит он. — И гляди, если тебе шкура дорога, не сболтни кому-нибудь, что ты выбросил деньги за борт.

— Почему? — говорит Джим.

— Потому что тебя посадят за это, — говорит Билл. — Ты не имел права это делать. Ты нарушил закон. Деньги положено кому-нибудь оставлять.

Джим вроде перетрусил, а когда он ушёл, я повернулся к Биллу. Гляжу это я на него и говорю:

— Что это ты затеял, Билл?

— «Затеял!» — говорит Билл и фыркает на меня. — Просто я не хочу, чтобы несчастный юнга попал в беду. Бедный парнишка. Ты ведь тоже когда-то был молод.

— Да, — говорю я. — Но с тех пор я немного вырос, Билл, и, если ты не скажешь мне, что ты затеял, я сам расска-

жу, капитану и всем ребятам тоже. Ему велел старина Томас, так чем же мальчишка виноват?

— И ты думаешь, Джим его послушал? — говорит Билл, скривив свой нос. — Этот змеёныш расхаживает теперь с шестью сотенками в кармане. Держи только язык за зубами, и я о тебе не забуду.

Тут до меня дошло, что затеял Билл.

— Идёт, — говорю я, а сам гляжу на него. — За половину я молчать согласен.

Я думал, он лопнет со злости, а уж наговорил он мне столько, что я едва успевал отвечать.

— Ладно, раз так, — говорит он наконец. — Пусть будет пополам. И никакого грабежа тут нету, потому как деньги никому не принадлежат, и они не мальчишкины, потому как ему было сказано выбросить их за борт.

На следующее утро беднягу Томаса похоронили, а когда всё кончилось и мы пошли обратно в кубрик, Билл взял юнгу за плечо и говорит:

— Теперь бедняга Томас ищет свои деньги. Интересно, найдёт или нет? Большая была пачка, Джим?

— Нет, — говорит юнга, качая головой. — Их там было шестьсот фунтовых билетов и два соверена, и я завернул соверены в билеты, чтобы они потонули. Ведь это подумать, Билл, — выбросить такие деньги! Это грех, как ты считаешь?

Билл ему не ответил, и после обеда, пока в кубрике никого не было, мы взялись за мальчишкину койку и обшарили её всю как есть, однако ничего не нашли, и в конце концов Билл сел и объявил, что он, должно быть, носит их на себе.

Мы дождались ночи и, когда все захрапели кто во что горазд, прокрались к мальчишкиной койке, обыскали его карманы и ощупали подкладку, а затем мы вернулись на свои места, и Билл шёпотом рассказал, какое у него мнение о Джиме.

— Наверное, он привязал их к животу прямо на голое тело, как Томас, — говорю я.

Мы стояли и шептались в темноте, а затем у Билла лопнуло терпение, и он на цыпочках снова отправился на поиски. Он весь так и трясся от волнения, да и я был не лучше, и тут

вдруг кок с ужасным хохочущим визгом подскочил на своей койке и завопил, что кто-то его щекочет.

Я мигом забрался на свою койку, Билл забрался на свою, и мы лежали и слушали, как наш кок, который страшно боялся щекотки, излагает, что он намерен сделать, если это повторится ещё раз.

— Ложись и спи, — говорит Уолтер Джонс. — Тебе всё это приснилось. Сам подумай, кому взбрѣдет в голову тебя щекотать?

— Слово даю, — говорит кок. — Кто-то подкрался ко мне и принялся меня щекотать, и рука у него была с баранью ногой. У меня до сих пор мурашки по всему телу.

В эту ночь Билл утихомирился, но на следующий день, сделав вид, будто считает, что Джим растолстел, схватил мальчишку и истыкал пальцем всего с головы до ног. Как ему показалось, что-то такое он нащупал у него вокруг пояса, но увериться в этом он не успел, потому как Джим издавал такие вопли, что остальные ребята и заставили Билла оставить его в покое.

Целую неделю мы искали эти деньги и ничего не нашли, и тогда Билл сказал, что с некоторых пор Джим постоянно околачивается на корме и это подозрительное обстоятельство наводит его на мысль, что мальчишка спрятал их где-нибудь там. Но как раз в это время, поскольку рабочих рук на судне теперь не хватало, Джима отрядили на нос палубным матросом, и тут стало ясно, что он просто избегает Билла.

Наконец однажды мы застали его одного в кубрике, и Билл обнял его, усадил на рундук и напрямик спросил его, где деньги.

— Да я же выбросил их за борт, — говорит юнга. — Я же тебе сказал уже. Что у тебя с памятью, Билл?

Билл взял его и разложил на рундуке, и мы тщательно обыскали его. Мы даже сняли с него башмаки, а пока он снова обувался, ещё раз осмотрели его койку.

— Ежели ты не виноват, — говорит Билл, — почему ты сейчас не орал и не звал на помощь, а?

— Потому что ты велел мне помалкивать об этом деле, Билл, — говорит юнга. — Но в следующий раз я заору. И очень даже громко.

— Слушай, — говорит Билл, — скажи нам, где они, и мы поделим их на троих. Каждому достанется по двести фунтов, и мы расскажем тебе, как их разменять и не попасть в беду. Мы ведь умнее тебя, и ты это знаешь.

— Знаю, Билл, — говорит юнга. — Но зачем я буду врать? Я выбросил их за борт.

— Ладно, раз так, — говорит Билл и поднимается. — Пойду и расскажу всё капитану.

— Ну и рассказывай, — говорит Джим. — Мне-то что!

— Как только ты сойдёшь на берег, тебя обыщут, — говорит Билл, — и обратно на судно больше не пустят. Из-за своей жадности ты потеряешь всё, а если ты поделишься с нами, у тебя будет двести фунтов.

Я видел, что мальчишке это в голову не приходило, и, как он ни старался, скрыть свои чувства он не смог. Он назвал Билла красноносой акулой, и меня он тоже как-то назвал, только я уже забыл.

— Подумай хорошенько, — говорит Билл, — и не забудь, что полиция схватит тебя за шиворот и обыщет, едва ты сойдёшь с трапа.

— Интересно, а кока они тоже будут щекотать? — говорит Джим злобно.

— И если они найдут деньги, ты пойдёшь в тюрьму, — говорит Билл и даёт ему затрещину. — А там тебе придётся не по вкусу, за это я тебе ручаюсь.

— Что же тебе там так не понравилось, Билл? — говорит Джим, держась за ухо.

Билл поглядел на него и пошёл к трапу.

— Больше трепать с тобой языком я не намерен, дружок, — говорит он. — Я иду к капитану.

Он стал медленно подниматься, и едва он ступил на палубу, как Джим вскочил и позвал его. Билл сделал вид, будто не слышит, и мальчишка выскочил на палубу и побежал за ним следом; немного спустя они оба вернулись в кубрик.

— Ты хотел мне что-то сказать, дружок? — говорит Билл, задирая голову.

— Да, — говорит юнга и ломает пальцы. — Мы поделим деньги, если ты будешь держать пасть на замке.

— Хо! — говорит Билл. — А я-то думал, ты их выбросил за борт.

— Я тоже так думал, Билл, — говорит тихо Джим, — но когда я вернулся в кубрик, они оказались у меня в кармане штанов.

— Где они сейчас? — говорит Билл.

— Это неважно, — говорит юнга. — Тебе до них всё равно не добраться. Я и сам не знаю теперь, как их взять.

— Где они? — снова говорит Билл. — Я сам их буду хранить. Тебе я не доверяю.

— А я не доверяю тебе, — говорит Джим.

— Если ты сию же минуту не скажешь мне, где деньги, — говорит Билл и снова идёт к трапу, — я иду и рассказываю капитану. Они должны быть у меня в руках, по крайней мере моя доля. Почему бы не поделить их прямо сейчас?

— Потому что их у меня нет, — говорит Джим, притопнув ногой, — вот почему, и это всё из-за ваших дурацких штук. Когда вы ночью устроили мне обыск, я перепугался и спрятал их.

— Где? — говорит Билл.

— В матрасе второго помощника, — говорит Джим. — Я прибирал на корме и нашёл в его матрасе снизу дырку, задунил туда деньги и затолкал их палкой поглубже.

— Как же ты думаешь достать их обратно? — говорит Билл, почесав затылок.

— Вот этого я и не знаю, ведь на корму мне теперь не разрешается, — говорит Джим. — Кому-то из нас придётся рискнуть, когда мы придём в Лондон. И гляди, Билл, ежели ты попробуешь здесь смошенничать, я сам всех выдам.

Тут как раз в кубрик спустился кок, и нам пришлось прекратить разговор, но я видел, что Билл очень доволен. Он был так доволен, что деньги не выброшены за борт, что совсем упустил из виду, как же теперь до них добраться. Ну, через несколько дней он уразумел положение так же явственно, как и мы с Джимом, и тогда он мало-помалу совсем озверел и стал бегать на корму при всяком удобном случае и этим наводил страх на нас обоих.

Трап в кормовые каюты был как раз напротив штурвала, и спуститься туда незаметно было так же затруднительно, как незаметно вынуть у человека изо рта вставную челюсть. Один раз, когда у штурвала стоял Билл, Джим спустился туда поискать свой нож, который он якобы там оставил, но едва он скрылся внизу, как выскочил снова в сопровождении стюарда со шваброй в руках.

Больше мы ничего не могли придумать, и нас прямо-таки с ума сводила мысль о том, что второй помощник, ма-

ленький человечек с большой семьёй, никогда не имевший за душой ни гроша, каждую ночь спит на матрасе с нашими шестью сотнями фунтов.

Мы разговаривали об этом при каждом удобном случае, причём Билл и Джим едва удерживались от взаимных грубостей. Юнга считал, что во всём виноват Билл, а Билл всё сваливал на юнгу.

— Я считаю, что есть только один выход, — говорит как-то юнга. — Пускай Билла хватит солнечный удар, когда его будут сменять у штурвала, и пускай он свалится вниз по трапу и покалечится так, что его нельзя будет переносить. То-

гда его поместят внизу в какую-нибудь каюту, а меня, может быть, приставят за ним ходить. Так или иначе, он-то уж будет находиться там, внизу.

— Хорошая мысль, Билл, — говорю я.

— Хо! — говорит Билл и глядит на меня так, словно готов сожрать со всеми потрохами. — А почему бы не свалиться по трапу тебе самому, если так?

— По мне, лучше, если это будешь ты, Билл, — говорит юнга. — А вообще-то мне всё равно, кто из вас. Можете бросить жребий.

— Иди отсюда, — говорит Билл. — Иди отсюда, пока я чего-нибудь тебе не сделал, кровожаждущий убийца!.. У меня у самого есть план, — говорит он, понизив голос, когда юнга вылетел из кубрика. — И, ежели я не придумаю чего-либо получше, я пушу его в ход. Только гляди, ни слова мальчишке.

Ничего получше он не придумал, и однажды ночью, как раз когда мы входили в Ла-Манш, он пустил в ход свой план. Он был в вахте второго помощника, и вот он облакачивается на штурвал и говорит ему тихим голосом:

— Это моё последнее плавание, сэр.

— О, — говорит второй помощник, никогда не гнушавшийся беседой с простым матросом. — Почему же?

— Я нашёл себе койку на берегу, сэр, — говорит Билл, — и я хочу попросить вас об одном одолжении.

Второй помощник буркнул что-то и отошёл на шаг-другой.

— Мне нигде не было так хорошо, как на этом судне, — говорит Билл. — И остальным ребятам тоже. Прошлой ночью мы говорили об этом, и все сошлись, что это из-за вас, сэр, и из-за вашей к нам доброты.

Второй помощник кашлянул, но Билл видел, что это ему понравилось.

— И вот я подумал, — говорит Билл, — что, когда я покину море навсегда, хорошо бы унести с собой что-нибудь на память о вас, сэр. И мне пришла мысль, что, если бы я заполучил ваш матрас, я бы вспоминал о вас каждую ночь в своей жизни.

— Мой... что? — говорит второй помощник, вытаращив на него глаза.

— Ваш матрас, сэр, — говорит Билл. — Я бы предложил вам за него фунт, сэр. Мне хочется иметь что-нибудь из ваших вещей, и это был бы для меня лучший памятный подарок.

Второй помощник покачал головой.

— Мне очень жаль, Билл, — говорит он мягко, — но я не могу отдать его за такую цену.

— Я лучше дам тридцать шиллингов, чем откажусь от него, сэр, — смиренно говорит Билл.

— Я уплатил за этот матрас большую сумму, — говорит второй помощник. — Не помню, сколько именно, но сумма была велика. Ты понятия не имеешь, какой это дорогой матрас.

— Я знаю, что это хорошая вещь, иначе вы не стали бы её держать у себя, — говорит Билл. — А пара фунтов вас не устроит, сэр?

Второй помощник мекал и экал, но Билл поостерёгся набавлять ещё. Со слов Джима он знал, что красная цена этому матрасу была не больше восемнадцати пенсов — для того, кто не очень брезгливый.

— Я спал на этом матрасе годы и годы, — говорит второй помощник, а сам глядит на Билла краем глаза. — Не знаю уж, смогу ли я спать на каком другом. Но, чтобы уважить тебя, Билл, я отдам его тебе за два фунта, если ты оставишь его у меня до берега.

— Спасибо, сэр, — говорит Билл, едва удерживаясь, чтобы не заплясать от радости. — Я передам вам эти два фунта, как только нас рассчитают. Я буду хранить его всю свою жизнь, сэр, на память о вас и о вашей доброте.

— Только смотри, никому ничего не рассказывай, — говорит второй помощник, которому не улыбалось, чтобы об этой сделке узнал капитан, — потому что иначе ко мне начнут приставать другие желающие купить что-нибудь на память.

Билл со всем пылом пообещал ему молчать, и когда он мне об этом рассказывал, то чуть не плакал от счастья.

— И заметь, — говорит он, — я купил этот матрас, закупил его весь целиком, и к Джиму это не имеет никакого отношения. Мы с тобой уплатим по фунту и разделим то, что внутри, пополам.

Он в конце концов убедил меня, но этот мальчишка следил за нами, как кот за канарейками, и мне простым глазом было видно, что уж его надуть будет нелегко. Похоже, к Биллу он относился более подозрительно, нежели ко мне, и чуть что, всё приставал к нам, как мы решили с этим делом.

Из-за встречного ветра мы четыре дня проболтались в проливе, пока нас не подцепил буксир и не привёл в Лондон.

Переживания у нас напоследок были ужасные. Прежде всего нам нужно было заполнить матрас, а затем нам нужно было исхитриться и избавиться от Джима. Билл было предложил, чтобы я увёл его с собой на берег. Сказал бы, что Билл-де подойдёт попозже, и там удрал бы от него. Но я на это заявил, что, пока я не получу свою долю, мне не вынести расставания с Биллом хотя бы на полсекунды.

И, кроме того, Джим нипочём бы не ушёл без него. Весь путь вверх по реке он торчал возле Билла и то и дело спрашивал, что же мы собираемся делать. Он так переживал, что чуть не плакал, и Билл даже испугался, как бы это не заметили остальные ребята.

В конце концов мы отшвартовались в Ист-эндских доках и сразу повалили в кубрик помыться и переодеться в выходную одежду. Джим всё это время не спускал с нас глаз, а затем он подходит к Биллу, кусает ногти и говорит:

— Как же это сделать, Билл?

— Держись поблизости, когда все уйдут на берег, и надейся на удачу, — говорит Билл и поглядывает на меня. — Посмотрим, как пойдут дела, когда получим аванс.

Мы пошли на корму получать по десять шиллингов на карманные расходы. Я с Биллом получил раньше всех, и тогда второй помощник, незаметно подмигнув, с таким беспечным видом вышел за нами следом и вручил Биллу матрас, завёрнутый в мешок.

— Вот тебе, Билл, — говорит он.

— Премного благодарен, сэр, — говорит Билл. Руки у него так тряслись, что он едва не выронил этот мешок, и он хотел сразу уйти, пока Джим не поднялся на палубу. Но болван помощник останавливает его и произносит перед нами маленькую речь. Дважды Билл порывается идти, но помощник кладёт ему руку на плечо и всё рассказывает, как он всегда старался ладить с командой и как это ему всегда удавалось, и вот пожалуйста — в самый разгар этого представления появляется мистер Джим.

Он весь так и задрожал при виде свёртка с матрасом и широко раскрыл глаза, а затем, когда мы двинулись на нос,

он взял Билла под руку и обозвал его всеми бранными словами, какие только знал.

— Ты даже молоко из блюдца у кошки готов спереть, — говорит он. — Но только знай, ты с этого судна не уйдёшь, пока я не получу свою долю.

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — говорит Билл, сияясь улыбнуться.

— Можешь подавиться своими сюрпризами, Билл, мне они не по вкусу, — говорит юнга. — Где ты собираешься вспарывать его?

— Я думаю вспороть его у себя на койке, — говорит Билл. — Ежели мы понесём его через пристань, нас может остановить полиция и спросить, что там внутри. Так что пошли в кубрик, старина Джим.

— Ну да, держи карман шире, — говорит юнга и кивает ему. — А там уж вы что-нибудь придумаете, когда я останусь с вами один. Ничего, мою долю ты выбросишь мне сюда, а затем ты сойдёшь с судна прежде меня. Ты понял?

— Пошёл к чёрту! — говорит Билл.

Мы поняли, что последний шанс у нас пропал, спустились вниз, и он кинул свёрток на свою койку.

В кубрике оставался только один парень. Он повозился минут десять со своей причёской, кивнул нам и убрался.

Через полминуты Билл распорол матрас и принялся шарить в набивке, а я зажигал спички и приглядывал за ним. Матрас был не так чтобы очень велик, и набивки в нём было не так чтобы очень много, но мы никак не могли найти эти деньги. Билл ворошил набивку снова и снова, а затем выпрямился, посмотрел на меня и перевёл дух.

— Может, помощник нашёл их? — говорит он охрипшим голосом.

Мы снова перетряхнули набивку, и тогда Билл поднялся до середины трапа и тихонько окликнул Джима. Он окликнул его три раза, а затем вылез на палубу, и я следом за ним. Юнги нигде не было видно. Увидели мы только судового кока, который мылся и причёсывался перед выходом на берег, да капитана, который стоял на корме и разговаривал с владельцем.

Мы никогда больше не видели этого юнгу. Он не вернулся за своим сундучком и не пришёл получать жалованье. Вся остальная команда была, конечно, тут, и когда я получил свои деньги и вышел на палубу, я увидел беднягу Билла. Он стоял, привалившись спиной к стене, и пристально глядел на второго помощника, а тот с доброй улыбкой осведомлялся, как ему спалось.

Бедный парень засунул руки в карманы штанов и со всей мочи старался ответить улыбкой на улыбку. Таким я в последний раз видел Билла.

IN BORROWED PLUMES.

By W. W. Jacobs.

В ПАВЛИНЬИХ ПЕРЬЯХ

Капитан «Сары Джейн» пропадавал уже два дня, и это обстоятельство наполняло радостью всех на борту, если не считать юнги, которого никто не спрашивал. До этого капитан, чью натуру можно было бы, вероятно, определить как беспорядочную, дважды опаздывал к отплытию своего корабля, и прошёл слух, будто третий раз будет для него последним. Место было выгодное, и на него претендовал помощник, а на место помощника целился матрос Тед Джонс.

— Ещё два часа, и я отчаливаю, — озабоченно объявил помощник матросам, которые стояли, облокотившись на борт.

— Да, примерно два часа, — отозвался Тед, наблюдая, как прилив медленно заливает полосу прибрежного ила. — Интересно, что со стариком?

— Не знаю и знать не хочу, — сказал помощник. — Стойте за меня, ребята, и нам всем будет хорошо. В последний раз мистер Пирсон ясно выразился, что, ежели капитан опять опоздает к отплытию, пусть больше не появляется на судне, и он прямо перед стариком приказал мне, чтобы я не ждал ни одной лишней минуты, а прямо отчаливал бы.

— Старый дурень, — сказал Билл Лох, другой матрос. — И никто не пожалеет о нём, кроме как юнга. Всё утро он как на иголках, я даже дал ему пинка во время обеда, чтобы он смотрел бодрее. Вон, поглядите на него.

Помощник бросил в сторону юнги презрительный взгляд и отвернулся. Юнга не подозревал, что на него обратили внимание.

Забравшись за брашпиль, он извлёк из кармана письмо и внимательно перечитал его в четвёртый раз.

«Дорогой Томми, — начиналось оно. — Я беру в руку перо сообщить тебе, что нахожусь тут и не могу уйти по причине что вчера вечером я праиграл маи адежды в карты и ещё деньги и всё остальное. Негавари ниадной живой душе об этом потомукак помощник целит на мою должность а сабери какойнибудь адежды и принеси мне неговоря никому. Пойдёт адежда помощника потому — что иной какой у меня нет и не гавари ему. Про наски небеспокойся как мне их аставил. Галава у миня так балит что я тут канчаю. Твой любящий дядя и капитан Джо Бросс. Ещё непападись наглаза памощнику когда пойдёшь а то он тибя непустит».

— Ещё два часа, — вздохнул Томми, засовывая письмо обратно в карман. — А как мне взять одежду, когда она вся под замком? И ведь тётка приказала присматривать за ним, чтобы он не попал в беду...

Он сидел, глубоко задумавшись, но тут команда по приглашению помощника сошла на берег пропустить по стаканчику, и юнга опять спустился в каюту и снова тщательно обыскал её. На виду была только одежда, принадлежавшая миссис Бросс, которая вплоть до этого рейса плавала вместе с

капитаном, чтобы самой присматривать за ним. Юнга устался на платье.

— Возьму это и попробую махнуть в обмен на что-нибудь мужское, — решил он и принялся сдирать платье с вешалки. — Тётка не станет браниться.

Он поспешно скатал женские туалеты в свёрток и вместе с парой кожаных туфель капитана засунул в старый короб из-под сухарей. Затем, взвалив эту ношу на плечо, он осторожно вышел на палубу, прыгнул на берег и пустился бегом по адресу, указанному в письме.

Путь был долгий, а короб был тяжёлый. Первая попытка совершить товарообмен закончилась неудачно, ибо хозяйка ломбарда незадолго до этого навестила полиция и он пребывал в столь разрушительном состоянии духа, что юнга едва успел подхватить свой груз и выскочить из лавки. Встревоженный, он поспешно зашагал дальше и свернул в какой-то переулок, и тут взгляд его упал на булочника скромной и добродушной наружности, который стоял за прилавком в своей лавчонке.

— Ежели позволите, сэр, — произнёс Томми, входя и ставя короб на прилавок. — Нет ли у вас какой-либо бросовой одежды, которая вам не требуется?

Булочник повернулся к полке, выбрал чёрствую краюху, разрезанную пополам, и одну половинку положил перед юнгой.

— Мне не нужен хлеб, — сказал Томми в отчаянии. — Но у меня только что померла мать, и отцу нужен траур для похорон. У него есть только новый костюм, и если он сможет, обменять вот эти вещи матери на какой-нибудь поношенный, он тогда продаст свой новый и выручит деньги на похороны...

Он вытряхнул одежды на прилавок, и жена булочника, которая только что вошла в лавку, не без благосклонности их осмотрела.

— Бедный мальчик, ты, значит, потерял свою мать, — сказала она, переворачивая какой-то предмет туалета. — Это хорошая юбка, Билл.

— Да, мэм, — сказал Томми скорбно.

— А отчего она умерла? — осведомился булочник.

— От скарлатины, — со слезами в голосе сказал Томми, потому что это была единственная болезнь, о которой он слышал.

— От скар... Забирай сейчас же это барахло! — вскричал булочник, сбрасывая одежду на пол и отбегая следом за женой в противоположный угол лавки. — Забирай это сейчас же отсюда, негодяй ты этакий!

Голос его был столь громок, а поведение столь решительно, что перепуганный юнга, не пытаясь спорить, кое-как запихал одежду в короб и отчалил. Прощальный взгляд на часы привёл его почти в такой же ужас, в каком пребывал булочник.

— Времени терять нельзя, — пробормотал он и пустился бегом. — И пусть старик надевает это либо пусть остаётся там, где он есть.

Он достиг цели, совершенно запыхавшись, и остановился перед небритым человеком в заношенном грязном платье, который стоял перед дверью и с видимым удовольствием покуривал короткую глиняную трубку.

— Капитан Бросс здесь? — пропыхтел он.

— Наверху, — отвечивал человек со злорадной ухмылкой. — Сидит во власянице, посыпав голову пеплом, и пепла на нём больше, чем власяницы. Ты принёс ему во что одеться?

— Послушайте, — сказал Томми. Он уже стоял на коленях и открывал крышку короба, совершенно в стиле бывалого торговца вразнос. — Отдайте мне за это какой-нибудь старый костюм. Торопитесь. Вот прекрасное платье...

— Чтоб мне провалиться! — произнёс человек, вытаращив глаза. — Да у меня есть только то, что на мне! За кого ты меня принимаешь? За герцога?

— Ну, тогда достаньте где-нибудь, — сказал Томми. — Если вы не достанете, капитану придётся идти в этом...

— Забавно, на что он будет тогда похож, — сказал человек, ухмыляясь. — Чтоб мне сдохнуть, я непременно приду наверх поглядеть!

— Достаньте мне одежду! — умолял Томми.

— Да я за пятьдесят фунтов доставать не стану! — сказал человек с возмущением. — Так и норовит испортить людям удовольствие! Ступай, ступай, покажи своему хозяину, что ты ему приволок, а я послушаю, что он тебе на это скажет. Он с десяти утра бранится на чём свет стоит, но уж об этом он должен сказать что-то совсем особенное.

Он повёл отчаявшегося юнгу вверх по голой деревянной лестнице, и они вошли в маленькую грязную комнатушку, в центре которой восседал капитан «Сары Джейн» в носках и в газете за прошлую неделю.

— Вот юный джентльмен пришёл и принёс вам одежду, капитан, — сказал небритый человек, забирая у юнги короб.

— Ты чего так долго? — проворчал капитан, поднимаясь. Небритый человек запустил руку в короб и извлёк платье.

— Что вы об этом думаете? — произнёс он выжидающе. Капитан тщетно пытался произнести хоть слово, ибо язык его из милосердия отказался служить ему и предпочёл застрять между зубами. В мозгу капитана гремели выражения, предающие анафеме зло и пороки.

— Ну, хоть поблагодарите, если вам нечего больше сказать, — предложил небритый человек с надеждой в голосе.

— Ничего другого не было, — поспешно сказал Томми. — Все вещи были под замком. Я попытался сменить это на что-нибудь подходящее и чуть было не попал за решётку. Одевайтесь поскорее, пожалуйста.

Капитан облизнул губы.

— Помощник отчалит сразу же, как только шхуна будет на плаву, — продолжал Томми. — Одевайтесь же, надо испортить ему удовольствие. Сейчас идёт дождик. Никто вас не заметит, а на борту вы займёте одежду у кого-нибудь из матросов.

— Платье самое модное, капитан, — сказал небритый человек. — Господи, в вас будут влюбляться с первого взгляда!

— Скорее же! — сказал Томми, пританцовывая от нетерпения. — Скорее!

Совершенно обалдевший капитан стоял смиренно, дико ворочая глазами, а двое помощников обряжали его, пререкаясь по поводу деталей туалета.

— Говорят тебе, его нужно туго зашнуровать, — сказал небритый человек.

— Да нельзя же туго зашнуровывать без корсета, — презрительно возразил Томми. — Уж вам-то надо бы знать.

— Ну да, нельзя, — в замешательстве пробормотал небритый человек. — Ты-то уж что-то много знаешь для своих лет... Ладно, тогда обмотаем его шнурком.

— Шнурок искать некогда, — сказал Томми, привставая на цыпочки, чтобы закрепить на голове у капитана капор. — Обвяжите ему шарф вокруг подбородка, чтобы, закрыть бороду, и нацепите эту вуаль. Слава богу, что у него нет усов.

Человек повинился, а затем, отступив на два шага, полюбовался на дело рук своих.

— Не мне, понятно, говорить, но глядеть на вас — одно удовольствие, — провозгласил он гордо. — Ну, молодчик, бери его под руку. Веди его по задним переулкам, а если заметишь, что на тебя кто-нибудь глазеет, назови его мамой.

Будучи реалистом от рождения, небритый человек попытался на пороге сорвать у капитана поцелуй, и парочка пустилась в путь. К счастью, шёл проливной дождь, и, хотя некоторые прохожие поглядывали на них с любопытством, никто на пути к пристани к ним не приставал. На пристань же они явились как раз в ту минуту, когда шхуна отчаливала.

Увидев это, капитан задрал юбки и припустил бегом.

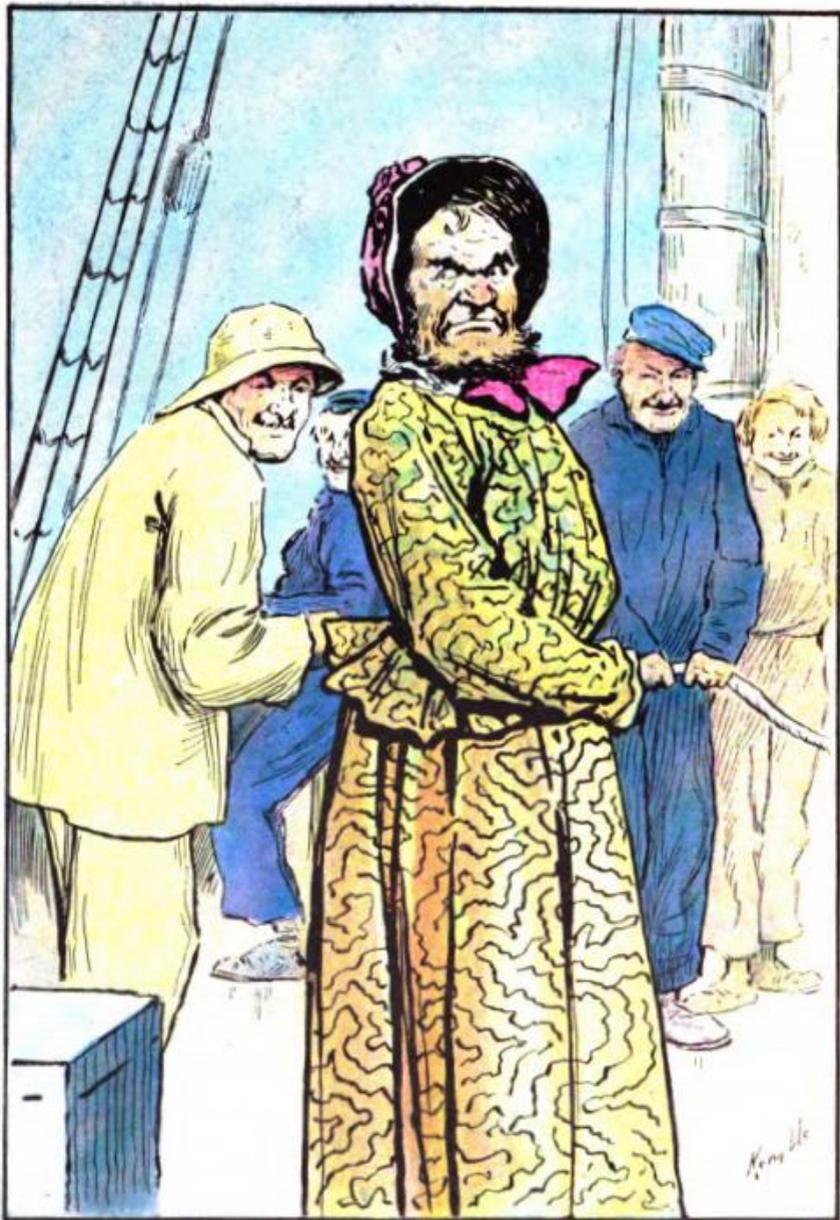
— Эхой! — заорал он. — Стойте!

Помощник бросил на необычную фигуру изумлённый взгляд и отвернулся, но в этот момент корма шхуны оказалась на расстоянии прыжка от пристани, и дядя с племянником, движимые единым порывом, обрушились на палубу.

— Вы почему не задержались, когда я вас окликнул? — набросился капитан на помощника.

— А откуда мне было знать, что это вы? — угрюмо возразил помощник, осознавший своё поражение. — Я, может, думал, что это русская императрица.

Капитан яростно уставился на него.

— Впрочем, мой вам совет, — продолжал, помощник, с ядовитой улыбкой, — оставайтесь в этой одежде. Вы никогда ещё так мило не выглядели.

— Я хочу занять у вас какую-нибудь одежду, Боб, — сказал капитан и пристально на него поглядел.

— А где у вас своя? — спросил помощник.

— Не знаю, — сказал капитан. — Прошлой ночью у меня был приступ. Боб, и, когда сегодня утром я очнулся, одежды на мне не было. Кто-то воспользовался моим беспомощным положением и раздел меня.

— Весьма возможно, — сказал помощник. Он отвернулся и крикнул команду матросам, которые возились с парусами.

— Ну, так где же она, старина? — спросил капитан.

— Откуда мне знать? — удивился помощник.

— Я говорю о вашей одежде, — сказал капитан, быстро утрачивая терпение.

— А, о моей... — сказал помощник. — Ну, честно говоря, не люблю я одолживать свою одежду. Я, знаете ли, очень брезгливый. А вдруг у вас в ней случится приступ?

— Так вы не одолжите мне вашу одежду? — спросил капитан.

— Нет, не одолжу! — произнёс помощник очень громко и значительно поглядел на настороживших уши матросов.

— Очень хорошо! — сказал капитан. — Тед, иди сюда. Где твоя запасная одежда?

— Очень сожалею, сэр, — проговорил Тед, неловко переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на помощника в поисках поддержки, — она будет совсем вам не по вкусу.

— Об этом лучше судить мне, — резко сказал капитан. — Неси её сюда.

— Сказать по правде, сэр, я вроде помощника, — сказал Тед. — Я всего только бедный матрос, но свою одежду я не одолжу и королеве Англии.

— Неси сюда одежду! — взревел капитан, срывая с головы капор и швыряя его на палубу. — Неси сию же минуту! Ты хочешь, чтоб я так и ходил в этих юбках?

— Не дам, — упрямо сказал Тед.

— Очень хорошо, я возьму одежду у Билла, — сказал капитан. — Только имей в виду, приятель, ты у меня за это

жестоко заплатишься. Билл — вот единственный честный человек на борту. Дай мне твою руку, Билл, старина.

— Я с ними заодно, — сказал Билл хрипло и отвернулся. В ярости кусая губы, капитан поворачивался то к одному, то к другому, а потом, разразившись проклятьями, зашагал на ют. Но Билл и Тед опередили его, и, когда он спустился в кубрик, они уже сидели рядом на своих сундуках лицом к нему. Угрозы и мольбы они выслушали в каменном молчании, и отчаявшемуся капитану пришлось в конце концов вернуться на палубу всё в тех же ненавистных юбках.

— Пошли бы в каюту и прилегли, — предложил помощник. — Я бы принёс вам добрую кружку горячего чаю. А то ведь вас так кондрашка хватит.

— Заткнитесь, а то я вам все зубы повывиваю! — сказал капитан.

— Это вы-то? — весело сказал помощник. — Силёнок не хватит. Вы лучше поглядите на того вон беднягу.

Взглянув в указанном направлении, капитан раздулся от бессильной злости и яростно погрозил кулаком краснорожемому мужчине с седыми бакенбардами, который посылал ему бесчётные воздушные поцелуи с мостика проходящего парохода.

— Правильно, — одобрительно сказал помощник. — Их нужно отшивать. Любовь с первого взгляда ломаного гроша не стоит.

Ужасно страдая от подавляемых эмоций, капитан ушёл в каюту, а команда, подождав немного и убедившись, что он больше не появится, тихонько приблизилась к помощнику.

— Если в Бэтлси он прибудет в таком виде, всё будет в порядке, — сказал тот. — Стойте за меня, ребята. На борту у него только туфли и зюйдвестка. Выбросьте все иголки за борт, иначе он попытается сшить себе одежду из старого паруса или чего-нибудь другого. Если мы доставим его в этих юбках к мистеру Пирсону, всё в конце концов выйдет не так уж и плохо.

Пока наверху договаривались об одних мероприятиях, внизу капитан и юнга обсуждали другие. Все поразительные проекты захвата матросской одежды, выдвинутые капитаном,

были отвергнуты мальчиком как совершенно противозаконные и, что хуже всего, непрактичные. Битых два часа обсуждали они пути и способы, но завершилось это всего лишь монологами по поводу гнусного поведения команды; в конце концов капитан, чья голова ещё трещала после вчерашних излишеств, впал в состояние мрачного отчаяния и замолчал.

— Клянусь богом, Томми, я нашёл выход! — вскричал он вдруг, выпрямляясь и ударяя кулаком по столу. — Где твоя запасная одежда?

— Да она ведь такого же размера, что и эта, — сказал Томми.

— Давай её сюда, — сказал капитан, кивая со значительным видом. — Хорошо, так. А теперь ступай в мою каюту и сними то, что на тебе.

Ничего не понимая и опасаясь, что великое горе повредило разум его родственника, Томми повиновался и вскоре возвратился в кают-компанию, завёрнутый в одеяло и с одеждой под мышкой.

— Ты понял, что я собираюсь сделать? — спросил капитан, широко улыбаясь.

— Нет.

— Теперь давай сюда ножницы. Так. Теперь ты понял?

— Вы хотите разрезать два костюма и сделать из них один! — догадался Томми и содрогнулся от ужаса. — Пойдите! Не надо!

Но капитан нетерпеливо отпихнул его и, разложив одежду на столе, несколькими удалыми взмахами ножниц расчленил её на составные части.

— А я что теперь буду носить? — спросил Томми, принимаясь всхлипывать. — Об этом вы подумали?

— Ты? Что будешь носить ты, себялюбивый поросёнок? — строго произнёс капитан. — Ты вечно думаешь только о себе! Иди и принеси мне несколько иголок и нитки. Если что-нибудь останется и ты будешь хорошо себя вести, я погляжу, что можно будет сделать для тебя.

— Нету иголок, — прохныкал Томми, вернувшись после затянувшихся поисков.

— Ступай тогда в кубрик и принеси ящик с парусными иглами, — сказал капитан. — И смотри, чтоб никто не заметил, зачем ты пришёл, и не забудь нитки.

— Чего же вы не сказали раньше, когда у меня одежда была цела? — простонал Томми. — Как же я теперь пойду в этом одеяле? Они же будут смеяться надо мной!

— Иди сейчас же! — прикрикнул капитан. Он повернулся к юнге спиной и, тихонько насвистывая, принялся раскладывать на столе куски материи.

— Смейтесь, ребята, смейтесь! — весело произнёс он, когда взрыв хохота возвестил о появлении Томми на палубе. — Подождите ещё самую малость.

Но ждать пришлось ему самому, и притом целых двадцать минут, после чего Томми, наступив на край одеяла, скатился по трапу и упал у его ног. Поднявшись и оцупав голову, он торжественно провозгласил:

— На борту нет ни единой иглы. Я обыскал всё.

— Что? — взревел капитан. Он поспешно спрятал обрезки ткани и позвал: — Эй, Тед! Тед!

— Здесь, сэр, — сказал Тед, сбегая в каюту.

— Мне очень нужна парусная игла, — произнёс капитан. — У меня, видишь ли, порвалась юбка.

— Последнюю иглу я сломал вчера, — сказал Тед со злой ухмылкой.

— Тогда дай какую-нибудь другую, — сказал капитан, сдерживаясь.

— Вряд ли такие вещи имеются на борту, — сказал Тед, который в точности выполнил дальновидные указания помощника. — Да и ниток у нас нет. Я только вчера докладывал об этом помощнику.

Капитан вновь погрузился в бездну мрачного отчаяния. Отослав Теда взмахом руки, он присел на край рундука и угрюмо задумался.

— Очень жаль, что вы всё делаете с такой поспешностью, — мстительно произнёс Томми. — Насчёт иголки вы могли бы побеспокоиться и раньше, до того, как испортили мою одежду. Теперь вот вдвоём будем ходить курам на смех.

Капитан «Сары Джейн» пропустил эту дерзость мимо ушей. В минуты глубочайших переживаний сознание человека, обыкновенно прикованное к вещам низменным, обращается к проблемам высокой морали. Потрясённый бедой и разочарованием, капитан сунул правую руку в карман (ему понадобилось время, чтобы отыскать его), попросил обмотанного одеялом отрока присесть напротив и начал:

— Ты видишь, мальчик, к чему приводят карты и пьянство. Вместо того чтобы твёрдой рукой сжимать кормило своего корабля, соревнуясь в навигационном искусстве с капитанами других судов, я вынужден прятаться здесь, как какая-нибудь... э... какая-нибудь...

— ... актриса, — подсказал Томми. Капитан оглядел его с головы до ног. Томми, не подозревая, какое он нанёс оскорбление, честно смотрел ему в глаза.

— Что бы ты сделал, — продолжал капитан, — если бы в разгар веселья почувствовал, что принял уже слишком много, и, задержав кружку с пивом на полпути ко рту, вспомнил обо мне?

— Не знаю, — сказал Томми, зевнув.

— Что бы ты сделал? — повторил капитан, повысив голос.

— Наверное, засмеялся бы, — произнёс Томми после недолгого раздумья.

Звук оплеухи огласил каюту.

— Гнусный, неблагодарный жабенок! — яростно сказал капитан. — Ты не заслуживаешь того, чтобы о тебе заботился такой хороший, добрый дядя!

— Пусть лучше заботится о ком угодно, только не обо мне! — рыдал негодующий племянник, осторожно ощупывая ухо. — И вообще вы больше смахиваете на тётю, а не на дядю!

Выпалив этот последний выстрел, он скрылся, только одеяло мелькнуло, а капитан, подавив мгновенно вспыхнувшее желание разрезать его на части и затем вышвырнуть за борт, снова уселся на рундук и закурил трубку.

Когда судно вышло из устья реки в море, он вновь появился на палубе и, не без труда игнорируя хихиканье матросов и колкости помощника, взял команду на себя. Единственным изменением, которое ему удалось внести в свой наряд,

была зюйдвестка, сменившая капор, и в таком виде он выполнял свои обязанности, в то время как обиженный Томми кутался в одеяло и уклонялся от своих. Три дня в море были кошмаром для всех. Так алчен был взгляд капитана, что матросы то и дело хватались за свои штаны и, проходя мимо него, наглухо застёгивались на все пуговицы. В грот-парусе он видел только куртки, из кливера выкраивал себе прозрачные брюки и в конце концов принялся бессвязно лепетать что-то о голубой сарже и о шотландском сукне. Презрев гласность, он решил войти в гавань Бэтлси глухой ночью; однако намерению его не было суждено исполниться. Неподалёку от дома ветер упал, и Бэтлси, серый берег справа по носу, показался на горизонте, когда солнце было уже высоко.

Капитан держался, пока до гавани осталась миля, а затем руки его, сжимавшие штурвал, ослабели, и он озабоченно огляделся, ища взглядом помощника.

— Где Боб? — крикнул он.

— Помощник очень болен, сэр, — ответил Тед, покачивая головой.

— Болен? — Испуганный капитан даже задохнулся. — А ну, возьми штурвал на минуту...

Он передал управление и, подхватив подол, торопливо отправился вниз. Помощник полулежал на своей койке и уныло постанывал.

— Что случилось? — спросил капитан.

— Я умираю, — сказал помощник. — У меня внутри всё узлом завязалось. Я не в силах выпрямиться.

Капитан кашлянул.

— Тогда вам лучше снять одежду и немного отлежаться, — сказал он благожелательно. — Давайте я помогу вам раздеться.

— Не стоит... беспокоиться, — сказал помощник, глубоко дыша.

— Да нет же, никакого беспокойства, — сказал капитан дрожащим голосом.

— Пусть моя одежда будет на мне, — тихо проговорил помощник. — Я всю жизнь лелеял мечту умереть в своей одежде. Может быть, это глупо, но ничего не поделаешь.

— Ваша мечта исполнится, будьте покойны! — заорал взбешённый капитан. — Вы негодяй! Вы притворяетесь больным, чтобы заставить меня ввести судно в порт!

— А почему бы и нет? — спросил помощник тоном наивного удивления. — Вводить судно в порт — это обязанность капитана. Ступайте, ступайте наверх. Наносы в устье всё время меняются, знаете ли.

Капитан сдержался огромным усилием воли, вернулся на палубу и, взяв штурвал, обратился к команде. Он с чувством говорил о послушании, которым матросы обязаны своим начальникам, и об их моральном долге одалживать оным свои брюки, когда последние требуются таковым. Он перечислил ужасные наказания, следующие за мятеж на борту, и со всей очевидностью доказал, что предоставление капитану вводить судно в порт в юбках есть мятеж самого злостного свойства. Затем он отослал матросов в кубрик за одеждой. Они послушно скрылись внизу, но их так долго не было, что капитан понял: никакой надежды нет. А тем временем бухта уже раскрылась перед кораблём.

Когда «Сара Джейн» приблизилась к берегу на расстояние оклика, на набережной было всего два или три человека. Когда она прошла мимо фонаря в конце причала, там было уже две или три дюжины, и толпа росла со скоростью в три человека на каждые пять ярдов, которые она проходила. Добросердечные, исполненные истинного гуманизма граждане, блюдя интересы своих ближних, подкупили мальчишек медяками, посылая их за своими друзьями, дабы те не пропустили такого грандиозного и дарового зрелища, и к тому времени, когда шхуна подошла к своему месту у причала, уже большая часть населения порта собралась там, лезла на плечи друг дружке и выкрикивала дурацкие и развесёлые вопросы в адрес капитана.

Новость достигла ушей владельца шхуны, он поспешил в порт и явился туда как раз в тот момент, когда капитан, не обращая внимания на горячие увещевания зевак, готовился уйти к себе в каюту.

Мистер Пирсон был человеком быстрых решений, и он появился на пристани, кипя от гнева. Затем он увидел капи-

тана, и его обуяло веселье. Трое крепких парней поддерживали его, чтобы он не упал, и чем мрачнее становился капитан, тем тяжелее становилась их работа. Наконец, когда он совершенно ослабел от истерического хохота, ему помогли подняться на палубу, где он последовал за капитаном в его каюту и ломающимся от эмоций голосом потребовал объяснений.

— Это самое восхитительное зрелище, какое я видел в жизни, Бросс, — сказал он, когда капитан закончил свой рассказ. — Я бы не пропустил его ни за что на свете. Я чувствовал себя неважно всю эту неделю, но теперь мне значительно лучше. Уйти с корабля? Не болтайте глупостей. После всего этого я ни за что не расстанусь с вами. Но если вы пожелаете взять себе нового помощника и набрать новую команду, это ваша воля. Ну, а если бы вы согласились сейчас пойти ко мне домой и показаться миссис Пирсон... она, видите ли, заболела... я бы дал вам пару фунтов. Надевайте ваш капор, и пойдём.

“CHOICE SPIRITS.”

BY W. W. JACOBS.

БЕДНЫЕ ДУШИ

День был прекрасный, а лёгкий ветер, дувший в старые залатанные паруса, нёс шхуну со скоростью всего в три узла. Невдалеке снежно сияли два-три паруса, в воздухе за кормой парила чайка. И никого не было на палубе от кормы до камбуза и от камбуза до неряшливой груды такелажа на юте, кто мог бы подслушать беседу капитана и помощника, обсуждавших зловредный дух мятежа, который с недавнего времени обуял команду.

— Они явно делают это назло, вот что я вам скажу, — заявил капитан, маленький пожилой человечек с растрёпанной бородой и светлыми голубыми глазками.

— Явно, — согласился помощник, личность от природы немногословная.

— Вы бы нипочём не поверили, что мне приходилось есть, когда я был юнгой, — продолжал капитан. — Нипочём, даже если б я поклялся на Библии.

— Они лакомки, — сказал помощник.

— Лакомки! — с негодованием воскликнул капитан. — Да как это смеет голодный матрос быть лакомкой? Еды им даётся достаточно, что им ещё надо? Вот, глядите! Взгляните туда!

Задохнувшись от возмущения, он указал пальцем на Билла Смита, который поднялся на палубу, держа тарелку в вытянутой руке и демонстративно отвернув нос. Он притворился, что не замечает капитана, расхлябанной походкой приблизился к борту и соскрёб пальцами в море еду с тарелки. За ним последовал Джордж Симпсон и тоже тем же возмутительным манером избавился от еды, которая, по мысли капитана, должна была насытить его организм.

— Я им отплачу за это! — пробормотал капитан.

— Вон идут ещё, — сказал помощник.

Ещё двое матросов вышли на палубу с застенчивыми ухмылками и тоже расправились со своим обедом. Затем наступила пауза — пауза, в течение которой и матросы, и капитан с помощником чего-то, видимо, ждали; это что-то как раз в этот самый момент старалось собраться с духом у подножия трапа в кубрике.

— Если и юнга туда же, — произнёс капитан неестественным, сдавленным голосом, — я изрежу его на куски.

— Тогда готовьте нож, — сказал помощник. Юнга появился на палубе, бледный как привидение, и жалобно поглядел на команду, ища поддержки. Их грозные взгляды напомнили ему, что он забыл нечто весьма существенное; он спохватился, вытянул перед собой тощие руки на полную длину и, сморщив нос, с превеликим трепетом направился к борту.

— Юнга! — рявкнул вдруг капитан.

— Есть, сэр! — поспешно откликнулся мальчишка.

— Поди сюда, — строго сказал капитан.

— Сперва выбрось обед, — произнесли четыре тихих угрожающих голоса.

Юнга поколебался, затем медленно подошёл к капитану.

— Что ты собирался сделать с этим обедом? — мрачно осведомился тот.

— Съесть его, — робко ответил парнишка.

— А зачем тогда ты вынес его на палубу? — спросил капитан, нахмутив брови.

— Я так думал, что на палубе он будет вкуснее, сэр, — сказал юнга.

— «Вкуснее»! — яростно прорычал капитан. — Обед хорош и без того, не так ли?

— Да, сэр, — сказал юнга.

— Говори громче! — строго приказал капитан. — Он очень хорош?

— Он прекрасен! — пронзительным фальцетом прокричал юнга.

— Где ещё тебе давали такое прекрасное мясо, как на этом судне? — произнёс капитан, личным примером показывая, что значит говорить громко.

- Нигде! — проорал юнга, следуя примеру.
- Всё, как положено? — проревел, капитан.
- Лучше, чем положено! — провизжал трусишка.
- Садись и ешь, — скомандовал капитан.

Юнга сел на светлый люк каюты, достал складной нож и приступил к еде, старательно закатывая глаза и причмокивая, а капитан, опершись на борт спиной и локтями и скрестив ноги, благосклонно его разглядывал.

— Как я полагаю, — произнёс он громко, налюбовавшись юнгой всласть, — как я полагаю, матросы выбросили свои обеды просто потому, что они не привыкли к такой хорошей пище.

- Да, сэр, — сказал юнга.

— Они так и говорили? — прогремел капитан. Юнга заколебался и взглянул в сторону юта.

— Да, сэр, — проговорил он наконец и содрогнулся, когда команда отозвалась тихим зловещим рычанием.

Как он ни медлил, еда на тарелке вскоре кончилась, и по приказанию капитана он вернулся на ют. Проходя мимо матросов, он боязливо покосился на них.

— Ступай в кубрик, — сказал Билл. — Мы хотим поговорить с тобой.

— Не могу, — сказал юнга. — У меня много работы. У меня нет времени на разговоры.

Он оставался на палубе до вечера, а когда злость у команды несколько поулеглась, он тихонько спустился в кубрик и забрался на свою койку. Симпсон перегнулся и хотел схватить его, но Билл отпихнул его в сторону.

— Оставь его пока, — сказал он спокойно. — За него мы возьмёмся завтра.

Некоторое время Томми лежал, мучаясь дурными предчувствиями, но затем усталость сморила его, он перевернулся на другой бок и крепко уснул. Тремя часами позже его разбудили голоса матросов; он выглянул и увидел, что команда ужинает при свете лампы и все молча слушают Билла.

— От всего этого меня так и подмывает объявить забастовку, — закончил Билл свирепо, попробовал масло, скривился и принялся грызть сухарь.

— И отсидеть за это шесть месяцев, — сказал старый Нед. — Так не пойдёт, Билл.

— Что же, шесть или семь дней сидеть на сухарях и гнилой картошке? — яростно воскликнул тот. — Это же просто медленное самоубийство!

— Хорошо, если бы кто-нибудь из вас покончил самоубийством, — сказал Нед, оглядывая лица товарищей. — Это бы так напугало старика, что он бы сразу очухался.

— Что ж, ты у нас старше всех, — сказал Билл со значением.

— И ведь утопиться прямо ничего не стоит, — подхватил Симпсон. — Ну чего тебе ещё ждать от жизни в твои годы, Нед?

— И ты бы оставил капитану письмо, что тебя, мол, довела до этого плохая пища, — добавил взволнованно кок.

— Говорите по делу, — коротко сказал старик.

— Слушайте, — сказал вдруг Билл, — я вам объясню, что надо делать. Пускай кто-нибудь из нас притворится, будто бы покончил самоубийством, и напишет письмо, как предложил здесь Слаши: что мы, дескать, решили лучше попрыгать за борт, нежели помереть от голода. Это напугает старика, и он, может, позволит нам начать новые припасы, не заставляя сперва доесть эту тухлятину.

— Как же это сделать? — спросил Симпсон, вытаращив глаза.

— Да просто пойти и спрятаться в носовом трюме, — сказал Билл. — Там ведь груза немного. Нынче же ночью, когда кто-нибудь из нас будет на вахте, мы откроем люк, и тот, кто захочет, пойдёт и спрячется внизу, пока старик не очухается. Как вы полагаете, ребята?

— Мысль, конечно, неплохая, — медленно произнёс Нед. — А кто пойдёт?

— Томми, — просто сказал Билл.

— Вот уж о ком я не подумал? — с восхищением сказал Нед. — А ты, кок?

— Мне это в голову бы не пришло, — сказал кок.

— Понимаете, что хорошо, если это будет Томми? — сказал Билл. — Даже если старик об этом узнает, он всего-навсего задаст Томми трёпку. Мы не признаемся, кто закрывал за ним люк. Он там устроится с какими хотите удобствами, ничего не будет делать и будет спать сколько пожелает. А мы, само собой, ничего об этом не знаем и не ведаем, мы просто хватились Томми и нашли на этом вот столе его письмо.

Тут кок наклонился, с довольным видом оглядывая своих коллег, и вдруг поджал губы и многозначительно мотнул головой в сторону одной из верхних коек: через её край заглядывало вниз бледное и встревоженное лицо Томми.

— Хэлло! — сказал Билл. — Ты слышал, что мы здесь говорили?

— Я слышал, что вы будто бы собираетесь утопить старого Неда, — ответил Томми осторожно.

— Он слышал всё, — сердито сказал кок. — Ты знаешь, Томми, куда попадают мальчишки, которые лгут?

— Лучше попасть туда, чем в носовой трюм, — сказал Томми и принялся тереть глаза костяшками пальцев. — Не пойду я. Всё расскажу капитану.

— Ты ничего не расскажешь, — строго сказал Билл. — Это тебе наказание за всё, что ты сегодня наврал про нас, и ещё считай, что ты дешёво отделался. А теперь вылезай из койки. Вылазь, пока я сам не вытащил тебя!

Парнишка с жалобным воплем нырнул под одеяло. Он отчаянно цеплялся за края койки и конвульсивно отбрыкивался, но его подняли вместе с постелью и усадили за стол.

— Перо, чернила и бумагу, Нед, — сказал Билл. Старик представил требуемое. Билл стёр с бумаги комок масла, представший к ней на столе, и разложил её перед жертвой.

— А я не умею писать, — объявил неожиданно Томми.

Матросы в смятении переглянулись.

— Врёт, — сказал кок.

— Честно говорю, не умею, — сказал мальчишка с пробудившейся надеждой в голосе. — Меня и в море-то послали потому, что я не умею ни читать, ни писать.

— Дёрни его за ухо, Билл, — сказал Нед, которого оскорбила эта клевета на благороднейшую из профессий.

— Это ничего не значит, — сказал Билл спокойно. — Я сам за него напишу. Старик всё равно не знает моей руки.

Он уселся за стол, расправил плечи, с плеском погрузил перо в чернила и, почесав в голове, задумчиво устался на бумагу.

— Побольше ошибок, Билл, — предложил Нед.

— Ага, — сказал тот. — Как ты полагаешь, Нед, как бы мальчишка написал слово «самоубийство»?

Старик подумал.

— Са-ма-ву-бис-тво, — сказал он по слогам.

— А как же тогда будет без ошибок? — озадаченно спросил кок, переводя взгляд с одного на другого.

— Напиши лучше просто «убил себя», — сказал старик. — Наверное, мальчишка всё равно не стал бы писать такое длинное слово.

Билл склонился над бумагой и медленно написал письмо, стремясь, видимо, всячески учитывать пожелания своих приятелей не писать слишком грамотно.

— Ну как? — спросил он, отодвигаясь от стола.

«Дарагой капитан я беру моё перо в руку последний раз сообщить вам что я немог дальше есть жудкие памои кторые вы называете еда я утопился это боле лекая смерть чем помирать сголоду я оставил мой складной нож билу и мои сиребряные часы ему тяжело помереть таким маладым томми браун».

— Прекрасно! — сказал Нед, когда Билл закончил чтение и вопросительно оглядел слушателей.

— Насчёт ножа и часов я вставил, чтобы ещё больше походило на правду, — сказал Билл со скромной гордостью. — Но если хочешь, я оставлю их тебе, Нед.

— Мне это не нужно, — великодушно сказал старик.

— Одевайся, — сказал Билл, поворачиваясь к всхлипывающему Томми.

— Не пойду я в этот трюм! — сказал Томми в отчаянии. — Так и знайте, ни за что не пойду!

— Кок, — спокойно сказал Билл, — давай сюда его барахло. Ну-ка, Томми!

— Говорю тебе, я не пойду! — сказал Томми.

— И ещё вон тот линёк, кок, — сказал Билл. — Он у тебя как раз под рукой. Ну-ка, Томми!

Самый молодой член экипажа перевёл взгляд со своей одежды на линёк и снова с линька на одежду.

— А как меня будут кормить? — мрачно спросил он, принимаясь одеваться.

— Сейчас ты возьмёшь с собой бутылку воды и несколько сухарей, — ответил Билл, — а по ночам мы будем опускать тебе немного мяса, которое так тебе по вкусу. Прячь всё это среди груза и, если услышишь, что люк открывают днём, сразу прячься сам.

— А как насчёт свежего воздуха? — осведомился приговорённый.

— Свежий воздух будет тебе по ночам, когда поднят люк, — сказал Билл. — Не беспокойся, я обо всём позаботился.

Наконец приготовления были закончены. Дождавшись, пока Симпсон не сменил у штурвала помощника, они вышли на палубу, то волоча, то легонько подпихивая сопротивляющуюся жертву.

— Он у нас будто на пикник собрался, — сказал старый Нед: юнга мрачно стоял на палубе, держа в одной руке бутылку, а в другой — сухари, завернутые в старую газету. — Помоги-ка, Билл. Потихоньку...

Двое моряков бесшумно сняли с люка крышку, и, поскольку Томми наотрез отказался участвовать в этой процедуре, Нед первым спустился в трюм, чтобы принять его. Билл взял отчаянно брыкающегося юнга за шиворот и подал его вниз.

— У тебя? — спросил он.

— Да, — отозвался Нед придушенно и, выпустив мальчишку из рук, поспешно выкарабкался наружу, вытирая ладонью рот.

— Ты что, приложился к бутылке? — спросил Билл.

— Врезал каблуком, — коротко объяснил Нед. — Давайте крышку.

Установив крышку на место, Билл и его сообщники тихонько вернулись в кубрик и не без некоторого страха перед завтрашним днём улеглись спать. Томми тоже свернулся в углу трюма и заснул, подложив под голову бутылку, ибо проплавал в море достаточно долго и научился принимать вещи такими, как они есть.

Лишь к восьми часам следующего утра хозяин «Солнечного луча» узнал, что у него пропал юнга. Он задал коку вопрос, сидя за завтраком, и тот, будучи человеком весьма нервным, побледнел, уронил на стол кружку с кофе и пулей вылетел наверх.

Некоторое время капитан громогласно призывал его в самых изысканных выражениях, какие приняты в открытом море, а затем, весь кипя, поднялся за ним на палубу, где обнаружил смущённых матросов, сбившихся в тесную кучку.

— Билл, — встревоженно сказал капитан, — что с этим проклятым коком?

— Его постиг удар, — сказал Билл, покачивая головой.
— И нас всех тоже.

— Сейчас вас постигнет ещё один, — пообещал капитан с чувством. — Где юнга?

На секунду собственная дерзость повергла Билла в смятение, и он беспомощно оглянулся на товарищей. Те поспешно отвели глаза и уставились в море за бортом, и тогда капитаном овладел панический ужас. Он молча взглянул на Билла, и Билл протянул ему грязный листок бумаги.

В полном остолбенении капитан прочёл письмо с начала до конца, а затем передал помощнику, который вышел на палубу за ним следом. Помощник прочёл и вернул капитану.

— Это вам, — сказал он кратко.

— Не понимаю, — сказал капитан, качая головой. — Ведь только вчера он ел свой обед вот здесь, на палубе, и приговаривал, что нигде ещё не получал такой хорошей еды. Вы ведь тоже слышали, Боб?

— Слышать-то я слышал, — сказал помощник.

— И вы все слышали его, — сказал капитан. — Ну что же, у меня есть пятеро свидетелей. Видимо, он просто сошёл с ума. Никто не слышал, как он прыгнул за борт?

— Я слышал всплеск, сэр, во время моей вахты, — сказал Билл.

Почему же ты не побежал и не посмотрел, что там такое? — спросил капитан.

— А я подумал, это кто-нибудь выбросил за борт свой ужин, — ответил Билл.

— А! — произнёс капитан и закусил губу. — Вот как? Вы всё время скулите из-за еды. Что с ней такое?

— Это отравы, сэр, — сказал Нед, качая головой. — Мясо ужасное.

— Оно вкусное и питательное, — сказал капитан. — Ладно, коли так. Можете брать мясо из другого ящика. Теперь довольны?

Матросы несколько оживились и принялись подталкивать друг друга локтями.

— Масло тоже плохое, сэр, — сказал Билл.

— Масло плохое? — сказал капитан, нахмурившись. — Как это так, кок?

— Да я его не порчу, — сказал кок беспомощно.

— Давай им масло из бочонка в моей каюте, — проворчал капитан. — Я твёрдо уверен, что ты плохо обращался с юнгой. Еда была прекрасная.

Он ушёл, забрав письмо с собой; за завтраком он положил письмо на стол, прислонив к сахарнице, и потому ел без всякого аппетита.

В этот день матросы катались как сыр в масле, по выражению Неда: в дополнение к прочим роскошным блюдам им выдали ещё и пудинг — угощение, которым они лакомились прежде только по воскресеньям. На Билла смотрели как на хитроумнейшего благодетеля рода человеческого; радость и веселье царили в кубрике, а ночью крышка люка была поднята, и пленника попотчевали отложенной для него порцией. Благодарности он, впрочем, не выразил, вместо этого он задал скучный и неуместный вопрос: что с ним будет, когда плавание кончится.

— Мы тайком переправим тебя на берег, не бойся, — сказал Билл. — Никто из нас не собирается оставаться на этом старом корыте. А тебя я возьму с собой на какой-нибудь другой корабль... Что ты сказал?

— Ничего, — солгал Томми.

Каковы же были гнев и растерянность команды, когда на следующий день капитан снова вернул их на прежнюю дилету. Вновь выдали старую солонину, и прекратились роскошные поставки с кормы. Билл разделил судьбу всех вождей, дела которых пошли плохо, и из кумира своих сотоварищей превратился в мишень для их насмешек.

— Вот что вышло из твоей замечательной мысли, — презрительно проворчал за ужином старый Нед, с треском разгрыз сухарь и бросил обломки в свой котелок с чаем.

— Да, ты не так умён, как о себе думаешь, Билл! — заявил кок с видом первооткрывателя.

— И бедный мальчишка ни за что ни про что сидит взаперти в тёмном трюме, — сказал Симпсон с запоздалым сожалением. — И коку приходится работать за него.

— Я не собираюсь сдаваться, — мрачно сказал Билл. — Старик вчера здорово перепугался. Нужно устроить ещё одно самоубийство, и всё будет в порядке.

— Пусть Томми ещё раз утопится, — легкомысленно предложил кок, и все расхохотались.

— Двоих за одно плавание старику хватит выше головы, — продолжал Билл, неблагосклонно взглянув на дерзкого кока. — Ну, кто у нас пойдёт следующим?

— Мы и так уже доигрались, — сказал Симпсон, пожимая плечами. — Не зарывайся, Билл.

— А я и не зарываюсь, — возразил Билл. — Я не желаю сдаваться, вот и всё. Тот, кто пойдёт вниз, будет жить без забот, приятно и легко. Будет спать весь день, если захочет, и вообще ничего не делать. Вот у тебя, Нед, за последнее время очень усталый вид.

— О? — холодно произнёс старик.

— Ну ладно, побыстрее разбирайтесь между собой, — сказал Билл беззаботным тоном. — По мне, всё равно, кто из вас пойдёт.

— Хо! А как насчёт тебя самого? — удивился Симпсон.

— Меня? — возмущённо спросил Билл. — Да ведь мне нужно оставаться здесь и всё устраивать!

— Ничего, мы здесь останемся и всё сделаем за тебя, — насмешливо сказал Симпсон.

Нед и кок расхохотались, и Симпсон присоединился к ним. Тогда Билл поднялся, подошёл к своей койке и извлёк из-под тюфяка колоду засаленных карт.

— Младшая карта — самоубийство, — объявил он. — Я тоже тяну.

Он протянул колоду коку. Тот заколебался и поглядел на остальных двоих.

— Не валяй дурака, Билл, — сказал Симпсон.

— Что, трусите? — насмешливо ухмыльнулся Билл.

— Говорят тебе, это глупость, — сказал Симпсон.

— Ну и что же, мы все сидим в ней по уши, — сказал Билл. — Только вы все перепугались; вот в чём дело. Просто перетрусости. Юнгу туда отправили, а как дело дошло до самих, тут-то вы и сдрейфили.

— А, была не была, — сказал Симпсон бесшабашно. — Пусть будет так, раз Биллу хочется. Тяни, кок.

Кок повиновался с видимой неохотой и вытянул десятку; Нед после долгих пререканий вытянул семёрку. Симпсон с королём в руке прислонился спиной к рундуку и небрежно разгладил бороду.

— Валяй, Билл, — сказал он. — Поглядим, что выйдет у тебя.

Билл взял колоду и перетасовал её.

— Мне нужно взять не меньше семёрки, — медленно проговорил он.

Он вручил колоду Неду, вытянул карту, и остальные трое залились громким хохотом.

— Тройка! — сказал Симпсон. — Bravo, Билл! Письмо за тебя напишу я, иначе он узнает твой почерк. Что в нём написать?

— Пиши что хочешь, — резко ответил Билл, у которого дух занимался при мысли о трюме.

Горько и насмешливо улыбаясь, он отодвинулся от стола, а остальные трое весело уселись за сочинение, и, когда Симпсон спросил его, не желает ли он присовокупить к письму поцелуи, он ответил презрительным молчанием. Письмо передали ему на освидетельствование, и он сделал только одно замечание.

— Я-то думал, что ты пишешь грамотнее, Джордж, — заявил он высокомерно.

— Да я же писал за тебя, — сказал Джордж. Тут надменность Билла куда-то пропала, и он снова стал самим собой.

— Если ты хочешь получить в глаз, Джордж, — сказал он с чувством, — то ты так и скажи, понял?

Настроение у него было настолько скверное, что половина удовольствия от вечера была испорчена, и церемония препровождения его в убежище не сопровождалась ни колкими словечками, ни жизнерадостным смехом, а больше всего походила на похороны. Последние штрихи добавил Томми, который, совсем сомлел от ужаса, узнав, кто теперь будет его сожителем.

— Для вас ещё одно письмо, — сказал утром помощник, когда капитан, застёгивая жилет, вышел из своей каюты.

— Что такое? — проговорил тот, бледнея.

— Оно у старика Неда, — продолжал помощник, ткнув большим пальцем в сторону трапа на палубу. — Не понимаю, что это на них нашло.

Капитан ринулся на палубу и механическим движением принял из рук Неда письмо. Прочитав его от начала до конца, он некоторое время постоял словно во сне, затем спустился, пошатываясь, в кубрик и обшарил все койки, не преминув заглянуть даже под стол, после чего вернулся на палубу и, склонив голову набок, остановился возле люка. Матросы затаили дыхание.

— Что всё это значит? — проговорил он наконец, не поднимая глаз, и безвольно опустил на крышку люка.

— Плохая еда, сэр, — сказал Симпсон, ободрённый видом капитана. — Так нам и придётся рассказывать, когда мы сойдём на берег.

— Об этом вы должны молчать! — сказал капитан, ментально всплыв.

— Таков наш долг, сэр, — возразил Нед с выражением.

— Послушайте меня, — сказал капитан и поглядел умоляюще на остатки своего экипажа. — Довольно с нас самоубийств. Старая солонина уже кончилась, и вы можете приняться за свежую, а когда мы придём в порт, я возьму на борт свежего масла и овощей. Только не надо никому говорить о том, что пища была плохая, или об этих письмах. В порту я просто скажу, что эти двое исчезли, пропали куда-то, и вас я прошу говорить то же самое.

— Это невозможно, сэр, — строго сказал Симпсон. Капитан поднялся и подошёл к борту.

— А как насчёт суммы в пять фунтов? — спросил он тихонько.

— Это несколько меняет дело, — осторожно сказал Нед. Капитан взглянул на Симпсона. Лицо Симпсона выражало готовность принять самое добродетельное решение. Капитан снова взглянул себе под ноги.

— Или по пяти фунтов каждому? — всё так же тихо сказал он. — Больше я дать никак не могу.

— Пусть будет двадцать фунтов на всех — и по рукам. Как вы считаете, ребята? — осведомился Симпсон у приятелей.

Нед сказал, что это дело, и даже кок забыл о своих нервах и объявил, что раз уж капитан захотел их облагодетельствовать, они, само собой, будут на его стороне.

— А чьи это будут деньги? — спросил помощник, когда капитан спустился к завтраку и изложил ему, как было дело. — От меня, к примеру, они ничего не получают.

Светлый люк был открыт; капитан взглянул на него, затем нагнулся к помощнику и что-то прошептал ему на ухо.

— Что?! — проговорил помощник.

Он сделал попытку подавить хохот горячим кофе и беконом; в результате ему пришлось выскочить из-за стола и терпеливо вынести увесистые тумаки, которые капитан нанёс ему по спине.

Имея в перспективе целое богатство, матросы взялись за дополнительную работу дружно и весело; кок работал за юнгу, а Нед и Симпсон поделили между собой долю Билла. Когда же наступила ночь, они снова подняли крышку люка и стали не без любопытства ждать, что скажут их жертвы.

— Где мой обед? — прорычал алчно Билл, выбравшись на палубу.

— Обед? — удивлённо сказал Нед. — Нет для тебя никакого обеда.

— Что? — произнёс Билл с яростью.

— Понимаешь, капитан выдаёт теперь еду только на троих, — сказал кок.

— Почему же вы не оставили немного для нас?

— Нам самим её не хватает, Билл, — сказал Нед. — Нам теперь приходится работать больше, и нам не хватает даже самим. У вас же есть сухари и вода, чего вам ещё?

Билл выругался.

— Хватит с меня, — сказал он злобно. — Я выхожу, и пусть старик делает со мной что хочет. Мне наплевать.

— Не стоит, Билл, не надо, — сказал Нед успокаивающе. — Ведь всё идёт прекрасно. Ты был прав насчёт старика, а мы были неправы. Он ужасно напугался, и он даёт нам двадцать фунтов, чтобы мы ничего не разболтали, когда будем на берегу.

— Десять фунтов из них мои, — сказал Билл, несколько просветлев. — И оно того стоит. Поди-ка попробуй просидеть целый день там, внизу. У меня из-за этого уже черти в глазах мерещатся.

— Да-да, конечно, — согласился Нед, незаметно пнув кока, который уже раскрыл было рот, чтобы высказаться по поводу такого способа делёжки.

— Старик проглотил всё и не поморщился, — произнёс кок. — Он совсем обалдел. Забрал все твои вещи и одежду и Тома тоже и собирается передать их твоим друзьям. В жизни не слышал такой забавной шутки!

— Дурак ты, — коротко сказал Билл. Он раскурил трубку, отошёл и присел на корточки на носу, отчаянно борясь с дурным расположением духа.

В течение следующих четырёх дней всё шло как по маслу. Погода стояла прекрасная, и потому ночную вахту несли матросы, и каждую ночь им приходилось переживать пренеприятные минуты, когда они поднимали крышку люка и из трюма, подобно чёртику из коробочки, выскакивал Билл. Выслушивать его бесчисленные жалобы и обвинения в бессердечии было поистине тяжким испытанием, а убедить его вернуться на рассвете в своё логово можно было только столь же бесконечными воззваниями к его здравому смыслу и напоминаниями о его доле в деньгах.

Так без всяких происшествий они обогнули Лэндс-Энд. День выдался сырой и душный, но к ночи подул свежий ветер, и шхуна стала набирать хороший ход. С облегчением покинув спёртую атмосферу трюма, узники сидели на юте и страдали от аппетита, который ещё сильнее давал себя чувствовать на ночной прохладе.

Нед стоял на штурвале, остальные двое спустились в кубрик и улеглись спать, и тихие жалобы голодных слушать было некому.

— Глупая получилась игра, Томми, — сказал Билл, качая головой.

— Игра? — Томми презрительно фыркнул. — Ты мне лучше скажи, как мы выберемся отсюда, когда придём в Нортси.

— Предоставь это мне, — сказал Билл. — А старый Нед, кажется, здорово простыл, — добавил он.

— Он прямо задыхается от кашля, — сказал Томми, наклоняясь вперёд. — Гляди, он машет нам рукой!

Они торопливо вскочили, но удрать им не удалось: капитан и помощник, поднявшись на палубу, уже направлялись в их сторону.

— Вы только посмотрите, — произнёс капитан, поворачиваясь к помощнику и указывая рукой на преступников. — Вы и теперь не будете верить снам?

— Невероятно! — отозвался помощник, протирая глаза. Билл стоял в мрачном молчании, ожидая дальнейших событий, а несчастный Томми прятался за его спиной.

— Мне приходилось слышать о чём-то подобном, — продолжал капитан с выражением, — но я никогда не думал, что мне доведётся увидеть это своими глазами. Теперь уже вы не скажете, Боб, что не верите в привидения.

— Невероятно! — повторил помощник, покачав головой. — Совсем как живые.

— На борту привидения, Нед! — воскликнул капитан глухим голосом. — Вон они, души Билла и юнги, стоят против брашпиля!

Старый матрос от смущения промолчал; меньший из призраков засопел и вытер нос рукавом, а тот, что был крупнее, принялся тихонько насвистывать.

— Бедные души, — проговорил капитан, обсудив с помощником это невероятное происшествие. — Вы видите брашпиль сквозь юнгу, Боб?

— Я вижу их обоих насквозь, — насмешливо сказал помощник.

Они достояли на палубе ещё немного, а затем пришли к заключению, что их присутствие здесь ничем не поможет и даже, кажется, смущает ночных гостей, и вернулись в свои каюты.

— Что это он затеял? — спросил Симпсон, осторожно выбираясь на палубу.

— Не знаю, будь он неладен! — свирепо сказал Билл.

— Может, он и впрямь решил, что вы привидения? — неуверенно предположил кок.

— Держи карман! — сказал Билл с презрением. — Он что-то такое затеял. Ладно, я иду к себе на койку. Ты тоже ступай, Томми. Завтра всё выяснится, можешь быть уверен,

Утром кое-что действительно выяснилось, ибо после завтрака кок испуганно прибежал на ют и сообщил, что мяса и овощей выдано только на троих. Все погрузились в оцепенение.

— Пойду поговорю с ним, — произнёс Билл, проглотив слюну.

Капитан и помощник над чем-то от души хохотали, но, когда матрос к ним приблизился, капитан замолчал, отступив на шаг, и принялся холодно его разглядывать.

— Доброе утро, сэр, — сказал Билл, шаркая ногой. — Нам хотелось бы знать, мне и Томми, будут ли теперь выдаваться на нас обеденные пайки, как раньше?

— Обеденные пайки? — сказал капитан с изумлением. — А зачем вам нужны обеды?

— Чтобы есть, — сказал Билл, глядя на него с упрёком.

— Чтобы есть? — сказал капитан. — Да какой же смысл кормить привидения обедами? Вам же некуда их поместить.

Огромным усилием воли Билл заставил себя улыбнуться призрачной улыбкой и похлопал себя по животу.

— Это всё один сплошной воздух, — сказал капитан и отвернулся.

— Тогда позвольте хоть получить наши вещи и одежду, — сказал Билл, скрипнув зубами. — Нед сказал, что вы их забрали.

— Ничего вы не получите, — сказал капитан. — Я доставлю их домой и передам вашим ближайшим родственникам. По закону ведь так следует, Боб?

— Так, — отозвался помощник.

— Они получают ваши вещи, — а также ваше жалованье по ту ночь, когда вы совершили самоубийство, — сказал капитан.

— Не совершали мы никакого самоубийства, — сказал Билл. — Мы же на борту живые и здоровые.

— Ничего подобного, — возразил капитан. — В доказательство у меня в кармане ваши письма: ну, а если вы действительно живы и здоровы, мне придётся по прибытии в порт немедленно отдать вас под стражу за дезертирство.

Он переглянулся с помощником, и Билл, постояв сначала на одной ноге, потом на другой, побрёл прочь. Остаток утра он провёл в кубрике, где показывал младшему привидению дурной пример безудержным сквернословием и угрожал своим собратьям самыми ужасными карами.

До обеда капитана никто не беспокоил, но едва он поел и раскурил трубку, как на палубе послышался топот, и через секунду в каюту вломился старый Нед, красный и рассерженный.

— Билл отнял у нас обед, сэр! — выпалил он, не переводя дыхания.

— Кто? — холодно спросил капитан.

— Билл, сэр. Билл Смит, — ответил Нед.

— Кто? — спросил капитан ещё более холодно.

— Призрак Билла Смита! — рявкнул Нед. — Он отнял у нас обед, и теперь он сидит в кубрике с призраком Томми Брауна, и они жрут наш обед, не разжёвывая, с ужасной скоростью!

— Гм, право, не знаю, чем я тут могу помочь, — лениво проговорил капитан. — Как же вы это ему разрешили?

— Вы же знаете Билла, сэр, — сказал Нед. — Я уже стар, кок ни на что не годится, а Симпсону теперь нужен кусок сырого мяса, чтобы приложить к глазам, иначе он неделю не будет видеть.

— Чепуха! — весело сказал капитан. — Вот ещё новости — трое взрослых мужчин испугались одного привидения! Нет, я вмешиваться не стану. Но ты знаешь, что нужно сделать?

— Нет, сэр! — живо сказал Нед.

— Ступай наверх и почитай ему молитвенник, и он сразу исчезнет, как клуб дыма, — сказал капитан.

Секунду Нед безмолвно взирал на него, затем вышел на палубу, перегнулся через борт и принялся ругаться. Кок и Симпсон, тоже выйдя наверх, почтительно слушали и лишь время от времени оказывали ему поддержку, когда стариковская память подводила его.

Весь остаток плавания два преступника претерпевали разнообразные неудобства, связанные с утратой гражданства.

Капитан нарочито не замечал их, а в двух или трёх случаях вёл себя прямо-таки вызывающе, пытаясь пройти сквозь Билла, когда тот появлялся на палубе. Много предположений было высказано в кубрике относительно судьбы привидений, когда они придут в порт, и, только когда на горизонте показался Нортси, капитан раскрыл свои карты. Он появился на палубе с их вещами, аккуратно упакованными в два узелка, и бросил эти узелки на крышку люка. Команда выжидательно смотрела на него.

— Нед! — резко сказал капитан.

— Сэр? — откликнулся старик.

— Как только мы ошвартуемся, — сказал капитан, — ступайте на берег и пригласите сюда управляющего и полисмена. Я пока не решил, кто из них нам понадобится.

— Слушаюсь, сэр, — пробормотал старик.

Капитан отвернулся и, переняв у помощника штурвал, повёл судно в гавань. Он был так погружён в своё дело, что, по-видимому, не замечал, как Билл и Томми украдкой пробрались поближе к своим узелкам и как нетерпеливо они ждали, пока шхуна приближалась к причалу. Затем капитан повернулся к помощнику и разразился громовым хохотом, когда преступники, подхватив узелки, перевалились через борт, спрыгнули на берег и пустились наутёк. Помощник тоже расхохотался, и слабое, но совсем невесёлое эхо донеслось с другого конца шхуны.

A LOVE PASSAGE.

BY W. W. JACOBS.

РОМАНТИЧЕСКОЕ ПЛАВАНИЕ

Облокотившись на борт шхуны, помощник капитана лениво разглядывал солдат в красных куртках, слонявшихся по Тауэрской набережной. Осторожные моряки вывешивали отличительные огни, а бесшабашные лихтеры пробирались вверх по реке, отталкиваясь от судов, стоявших на дороге. Зарываясь в пенистые «усы», с пыхтением прошмыгнул мимо буксир, и слабый испуганный вскрик донёсся с приближающегося ялика, который подбросило на волне.

— Эй, на «Джессике»! — проревел голос на ялике, когда он подошёл к шхуне.

Помощник, очнувшись от задумчивости, механически подхватил чалку; в одном из пассажиров ялика он узнал дочь своего капитана, и, прежде чем он успел оправиться от изумления, она была уже на палубе со своим багажом, а капитан расплачивался с перевозчиком.

— Это моя дочь Хетти, вы уже, кажется, знакомы, — сказал капитан. — В это плавание она пойдёт с нами. Ступайте вниз, Джек, и постелите ей на свободной койке в чулане.

— Есть! — послушно отозвался помощник и повернулся, чтобы идти.

— Спасибо, я сама постелю! — сказала шокированная Хетти, поспешно заступая ему дорогу.

— Как хочешь, — сказал капитан и направился к трапу. — Зажгите-ка свет, Джек.

Помощник чиркнул спичку о подошву и зажёл лампу.

— Кое-что отсюда придётся убрать, — заметил капитан, открывая дверь. — Куда нам деть этот лук, Джек?

— Для лука место найдётся, — уверенно сказал помощник, стаскивая с койки мешок и водружая его на стол.

— Я не желаю здесь спать, — решительно объявила гостья, заглядывая в каморку. — Фу, вон какой-то жук! Фу!

— Так он же дохлый, — успокоил её помощник. — Живых жуков у нас на борту я сроду не видел.

— Я хочу домой, — сказала девушка. — Ты не смеешь принуждать меня, раз я не хочу!

— Надо было вести себя как следует, — наставительно сказал её отец. — Как насчёт простыней, Джек, и насчёт подушек?

Помощник уселся на стол и задумался, ухватив себя за подбородок. Затем его взгляд упал на хорошенькое негодующее лицо пассажирки, и он моментально потерял нить размышлений.

— Придётся ей обойтись моими вещами, — сказал капитан.

— А почему, — спросил помощник, снова взглянув на девушку, — почему бы не устроить её прямо в вашей каюте?

— Моя каюта нужна мне самому, — холодно ответил капитан.

Помощник покраснел за него; девушка оставила их решать эту проблему, как им заблагорассудится, и они с грехом пополам устроили ей постель. Когда они поднялись на палубу, девушка, объект любопытства и почтительного восхищения всей команды, которая к этому времени возвратилась на борт, стояла у камбуза. Она оставалась на палубе до тех пор, пока шхуна не вышла на более широкие водные просторы, где задул свежий ветер, а затем, коротко пожелав отцу спокойной ночи, скрылась внизу.

— Как видно, она надумала идти с нами совсем неожиданно, — сказал помощник, когда она удалилась.

— Ничего она не надумала, — сказал капитан. — Это мы с женой надумали за неё. Весь замысел наш.

— Для укрепления здоровья? — предположил помощник.

— Здесь вот какое дело, — произнёс капитан. — Видите ли, Джек, есть у меня один друг, крупный торговец провиантом; так вот, он задумал жениться на нашей девчонке. Мы с женой тоже хотим, чтобы он на ней женился, а она, конечно, хочет выйти за другого. Ну, мы с женой пораскинули умом и решили, что дома ей сейчас быть ни к чему. Видеть Таусона

она всё равно не желает и, чуть мать отвернётся, удирает гулять с этим сопливом клерком...

— Красивый парень, наверное? — несколько встревоженно осведомился помощник.

— Ни капельки, — уверенно сказал капитан. — У него такой вид, словно он сроду не ел досыта. Вот мой друг Таусон совсем другое дело — фигура у него почти как у меня самого.

— Она выйдет за клерка, — объявил помощник.

— Спорим, что нет, — сказал капитан. — Я ведь человек страшный, Джек, и если чего-нибудь задумаю, то добьюсь непременно. Разве смог бы я ужиться в мире и согласии со своей женой, если бы не управлялся с нею по-своему?

Было уже темно, и помощник позволил себе ухмыльнуться: всё управление капитана в семейном кругу состояло в рабском повиновении.

— У меня с собой его большой фортиграфический патрет, — продолжал коварный отец. — Таусон мне дал его с целью. Я поставлю его на полку в каюте. Хетти будет всё время видеть его, а не этого клерка и помаленьку начнёт думать по-нашему. Иначе я её отсюда не выпущу.

— Хитро вы это придумали, капитан, — произнёс помощник в притворном восхищении.

Капитан приставил палец к носу и заговорщицки подмигнул грот-мачте.

— Я кого угодно перехитрю, Джек, — тихо отозвался он. — Кого угодно. Но вы тоже должны помочь мне. Надо, чтобы вы как можно больше разговаривали с нею...

— Есть, сэр, — сказал помощник, подмигивая грот-мачте в свою очередь.

— Всё время расхваливали бы патрет на полке, — продолжал капитан.

— Непременно, — сказал помощник.

— Рассказывали бы ей, как все ваши знакомые девушки повыходили замуж за молодых людей в годах и с каждым днём влюблялись в них всё больше и больше, — продолжал капитан.

— Достаточно, — сказал помощник. — Я понял, чего вы хотите. Насколько это будет зависеть от меня, за клерка она не выйдет.

Капитан крепко пожал ему руку.

— Если вы когда-нибудь сами будете отцом, — проговорил он с чувством, — пусть возле вас окажется человек, который встанет за вас горой, как вы встали за меня!

Увидев на следующее утро портрет Таусона на полке, помощник с облегчением вздохнул. Он пригладил усики и сразу почувствовал, что с каждым новым взглядом на эту образину будет казаться себе всё красивее.

После завтрака капитан, простоявший у штурвала всю ночь, отправился к себе в каюту. Помощник вышел на палубу, принял вахту и стал с большим интересом следить за действиями пассажирки, которая заглянула на камбуз и учинила коку разнос за его способ мытья посуды. Потом она подошла и присела на светлый люк каюты.

— Вы любите море? — вежливо осведомился помощник.

— А что мне остаётся делать? — проговорила она, уныло покачав головой.

— Ваш отец кое-что рассказал мне об этом, — осторожно сказал помощник.

— Коку и юнге он заодно не рассказал? — спросила мисс Олсен, вспыхнув. — Что он вам говорил?

— Ну, говорил о человеке по имени Таусон, — сказал помощник, оглядывая паруса, — и о... ещё об одном человеке.

— Я морочила голову одному, чтобы отделаться от другого, — сказала девушка. — Вовсе он мне не нужен. Я не понимаю девушек, которым нравятся мужчины. Громадные неуклюжие уроды!

— Значит, вы его не любите? — спросил помощник.

— Разумеется, нет! — Девушка вскинула голову.

— И всё же вас отправили в море, чтобы разлучить с ним, — сказал помощник раздумчиво. — Ну что ж, вам, остаётся только...

В этот критический момент смелость покинула его.

— Продолжайте, — сказала девушка.

— Я ведь вот что подумал, — сказал помощник, кашлянув. — Они отправили вас в море, чтобы разлучить с этим парнем... ну, а если вы влюбитесь в кого-нибудь здесь, на корабле, вас немедленно отправят домой.

— Правильно! — живо воскликнула девушка. — Я при творюсь, что влюбилась в этого красивого матроса, которого зовут Гарри! Вот будет здорово!

— Я бы не стал этого делать, — сказал помощник сурово.

— Почему? — удивилась девушка.

— Это нарушение дисциплины, — очень строго произнёс помощник. — Никуда не годится. Его место на носу, в кубрике.

— А, понятно, — сказала мисс Олсен презрительно.

— Да нет, вы меня не так поняли, — сказал помощник, заливаясь краской. — Нужно только делать вид. Я хотел только помочь вам...

— Ну да, разумеется, — сказала спокойно девушка. — Ладно, а как мы должны будем вести себя?

Помощник сделался совсем багровым.

— Не очень-то я разбираюсь в таких вещах, — проговорил он наконец. — Нужно будет бросать друг на друга взгляды и всё такое прочее...

— Что ж, я не возражаю, — сказала девушка.

— Мы будем действовать постепенно, — сказал помощник. — Я думаю, помаленьку мы привыкнем, и дальше нам будет легче...

— Всё что угодно, лишь бы вернуться домой, — сказала девушка, поднялась и медленно пошла прочь.

Помощник взялся за роль влюблённого, не теряя ни минуты, и больше уже не спускал глаз с предмета своих чувств, так что едва не налетел на какой-то шлюп. Как он и предполагал, дальше ему стало легче, и в течение дня у него появились и расцвели пышным цветом новые симптомы влюблённости, как-то: потеря аппетита и пристрастие к ярким расцветкам в одежде. Он пять раз умывался между завтраком и чаем и едва не довёл капитана до точки кипения, пытаясь удалить с пальцев смолу сливочным маслом из судовых запасов.

К десяти часам вечера помощник впал в глубочайшую меланхолию. Девушка до сих пор не удосужилась бросить на него ни единого взгляда, и, стоя у штурвала, он искренне сочувствовал несчастному Таусону. Его горестные размышления были прерваны появлением на палубе лёгкой фигурки; секунду поколебавшись, девушка подошла и заняла прежнее место на светлом люке.

— Тихо и спокойно на палубе, — сказал он, несколько обеспокоенный её молчанием. — И звёзды нынче какие яркие и красивые.

— Не смейте разговаривать со мной! — резко произнесла мисс Олсен. — Почему это несчастное судёнышко всё время подпрыгивает? Вы это нарочно с ним проделываете!

— Я? — изумился помощник.

— Да, вы! Вот этим колесом...

— Уверю вас... — начал помощник.

— Я так и знала, что вы станете оправдываться, — сказала девушка.

— А вы бы попробовали сами встать за штурвал, — сказал помощник. — Вы бы тогда увидели...

К его несказанному удивлению, она подошла к нему и, мягко опершись о штурвал, взялась за рукоятки. Помощник принялся объяснять ей тайны компаса. Воодушевившись, он отважился положить ладони на те же рукоятки, а затем, совершенно уже осмелев, стал поддерживать её за талию всякий раз, когда шхуна давала крен.

— Благодарю вас, — холодно произнесла вдруг мисс Олсен, отстраняясь. — Спокойной ночи.

С лёгким смешком она удалилась в каюту, и перед помощником возникла громадная тёмная фигура, мужественно выскребающая из глаз остатки сна костяшками пальцев.

— Ясная ночь, — прогудел матрос, берясь за штурвал тяжёлыми лапами.

— Ужасная, — невпопад отозвался помощник и, подавив вздох, спустился вниз и улёгся.

Некоторое время он лежал с раскрытыми глазами, затем, удовлетворённый ходом дел за день, повернулся на бок и заснул. Проснувшись утром, он с радостью обнаружил, что за

ночь волнение улеглось и что на шхуне не слышно никакого движения. Пассажирка была уже за столом с завтраком.

— Капитан на палубе, я полагаю? — начал помощник, намереваясь возобновить беседу с того места, на котором она была прервана прошлой ночью. — Надеюсь, теперь вы чувствуете себя лучше.

— Да, спасибо, — сказала она.

— Со временем из вас вышел бы хороший моряк, — сказал помощник.

— Ну уж нет, — сказала мисс Олсен, которая решила, что сейчас самое время загасить искорки нежности, отчётливо сияющие в глазах помощника. — Я не стала бы моряком, даже если бы была мужчиной.

— Почему? — спросил помощник.

— Не знаю, — задумчиво произнесла девушка. — Но почти все моряки — такой ничтожный малорослый народец...

— Ничтожный? — ошеломлённо повторил помощник.

— Я бы уж скорее стала солдатом, — продолжала она. — Мне нравятся солдаты — они такие мужественные. Хотелось бы мне, чтобы здесь сейчас был хоть один солдат.

— Это зачем же? — спросил помощник, надувшись, словно обиженный школьник.

— Если бы сейчас здесь был такой человек, — задумчиво сказала мисс Олсен, — я бы подговорила его намазать горчицей нос старику Таусону.

— Что сделать? — спросил поражённый помощник.

— Намазать горчицей нос Таусону, — повторила мисс Олсен, переводя взгляд с судка с горчицей на портрет.

Только секунду колебался влюблённый по уши помощник, а затем потянулся к судку, выхватил из горчичницы ложку и мстительно ткнул её в классические черты торговца провиантом. Поведение подстрекательницы не принесло ему облегчения: вместо того чтобы вознаградить его за проявленную храбрость, она только захихикала с самым глупым видом, прижав к губам платок.

— Отец! — вдруг сказала она: наверху застучали каблуки. — Ну, сейчас вам достанется!

Она вскочила из-за стола, посторонилась, чтобы пропустить отца, и выбежала на палубу. Капитан грузно опустился на рундук, взял чайник и налил себе чашку чая, после чего отлил чаю в блюдце. Подняв блюдце к губам, он вдруг тупо уставился на портрет и снова поставил блюдце на стол.

— Кто... что... кто, чёрт подери, это сделал? — осведомился он внезапно охрипшим голосом.

— Я, — сказал помощник.

— Вы? — проревел капитан, — Вы? Зачем?

— Не знаю... — смущённо сказал помощник. — Что-то на меня вроде бы накатило, и я вдруг почувствовал, что мне надо это сделать.

— Но для чего? Зачем это? — спросил капитан.

Помощник только покачал головой.

— Что это за глупая выходка? — заорал капитан.

— Не знаю я, — упрямо сказал помощник. — Ну сделал и сделал, и нечего об этом больше разговаривать.

Онемев от бешенства, капитан глядел на него.

— Вот вам мой совет, Джек, — проговорил он наконец. — Я давно уже замечаю, что с вами что-то неладно. Так вот, когда мы придём в порт, пойдите и покажите вашу голову доктору.

Помощник промычал что-то нечленораздельное и отправился утешаться на палубу, но там выяснилось, что мисс Олсен вовсе и не собирается благодарить его, и он отошёл от неё, тихонько посвистывая. И тут появился капитан, вытирая ладонью рот.

— Вот что, Джек, — сказал он грозно. — Я там поставил, на полку другой патрет! Он у меня последний, и потому зарубите себе на носу: если он хотя бы запахнет горчицей, я устрою вам такой разнос, что вы сами себя за шумом слышать не будете.

Он с достоинством удалился, и тогда его дочь, которая слышала каждое слово, бочком приблизилась к помощнику и очень мило ему улыбнулась.

— Он поставил там другой портрет, — тихонько сказала она.

— Горчица в судке, — холодно отозвался помощник.

Мисс Олсен поглядела вслед отцу, а затем, к удивлению помощника, без единого слова отправилась вниз. Помощник сгорал от любопытства, но он был слишком горд, чтобы вступить в переговоры, и потому удовлетворился тем, что подошёл к трапу.

— Послушайте! — слышался снизу тихий шёпот.

Помощник равнодушно озирает морские просторы.

— Джек! — позвала девушка ещё более тихим шёпотом. Его бросило в жар, и он немедленно спустился в каюту. И он увидел, что мисс Олсен со сверкающими глазами, с горчицей в одной руке и с ложкой — в другой, исполняет воинственный танец перед новым портретом.

— Не надо! — встревоженно произнёс помощник.

— Почему? — спросила она, приближаясь к портрету вплотную.

— Он подумает, что это сделал я, — сказал помощник.

— Для этого я вас и позвала, — сказала она. — Уж не думаете ли вы, что мне захотелось вас видеть?

— Положите ложку! — сказал помощник, которому несколько не улыбалось ещё одно интервью с капитаном.

— А вот не положу! — сказала мисс Олсен. Помощник подскочил к ней, но она увернулась и обежала вокруг стола. Он перегнулся через стол, схватил её за руку и притянул к себе; её раскрасневшееся смеющееся лицо оказалось совсем близко, он забыл обо всём и поцеловал её.

— О! — негодуяще сказала Хетти.

— Теперь вы отдадите мне ложку? — произнёс помощник, обмирая от собственной храбрости.

— Берите, — сказала она.

Помощник снова потянулся к ней, и тут она злорадно шлёпнула его ложкой — раз, другой и ещё раз. Затем она бросила ложку и горчичницу на стол, а помощник, испуганный шагами за дверь, повернул к вошедшему капитану пылающую физиономию, украшенную тремя мазками горчицы. Ошарашенный капитан не сразу обрёл дар речи.

— Великий боже! — произнёс он. — Теперь он мажет горчицей уже собственную личность! Сроду я не слыхивал о таких штуках. Не подходи к нему близко, Хетти. Джек!

— Что? — отозвался помощник, вытирая саднящую физиономию носовым платком.

— Вас раньше никогда так не разбирало?

— Конечно, нет, — сказал уязвлённый помощник.

— Он ещё отвечает мне «конечно, нет»! — взревел капитан. — Да на вас впору смирительную рубаху надеть! Нет, я пойду и поговорю с Биллом, как быть. У него родной дядя в сумасшедшем доме. И ты тоже ступай отсюда, красавица!

Он отправился искать Билла и не заметил, что дочь его не последовала за ним, а только дошла до дверей и там остановилась, с состраданием разглядывая свою жертву.

— Вы уж простите меня, — сказала она. — Очень жжёт?

— Немного, — сказал помощник. — Вы не беспокойтесь обо мне.

— Это вам за то, что вы плохо себя вели, — рассудительно сказала мисс Олсен.

— Так ведь это того стоило, — произнёс помощник, просяив.

— Боюсь, как бы не распухло. — Она подошла к нему и, склонив голову, с видом знатока обозрела повреждённые места. — Три отметины, — сказала она.

— А пострадал я только за один, — напомнил помощник.

— За какой такой один? — спросила Хетти.

— А вот за такой, — сказал помощник.

И он снова поцеловал её — прямо на виду у капитана, который в этот момент осторожно заглянул в светлый люк, чтобы удостовериться, что предполагаемый сумасшедший всё ещё находится в каюте.

— Ты можешь идти, Билл, — сказал капитан эксперту охрипшим голосом. — Ты слышишь? Убирайся отсюда и смотри, никому об этом ни слова!

Эксперт с ворчанием удалился. Отец, снова заглянув в светлый люк и убедившись, что дочь его удобно прильнула к плечу помощника, тоже удалился на цыпочках, мрачно раздумывая над новым осложнением. Кто-нибудь другой на его месте немедленно помчался бы вниз и разогнал парочку, но капитан «Джессики» был уверен, что достигнет своих целей при помощи дипломатии. И столь осторожно он повёл себя, что влюблённые даже не заподозрили, что их тайна ему известна: помощник покорно выслушал лекцию о симптомах начальной стадии идиотизма, которую капитан счёл уместным прочесть.

До обеда следующего дня капитан не выдал себя ничем. Пожалуй, он был даже более обходителен, чем обычно, хотя гнев так и закипал в нём, когда он замечал, какими взглядами обмениваются через стол молодые люди.

— Да, кстати, Джек, — произнёс он вдруг, — а как у тебя с Китти Лони?

— С кем? — спросил помощник. — Кто это Китти Лони?

Теперь очередь вытаращивать глаза настала для капитана, и он проделал это превосходно.

— Китти Лони! — сказал он, делая удивлённое лицо. — Это девушка, на которой ты собираешься жениться...

Под взглядом, брошенным через стол, помощник густо покраснел.

— О чём это вы? — проговорил он.

— Не знаю, что это с вами такое, — сказал капитан с достоинством. — Я говорю про Китти Лони, про эту девушку в красной шляпке с белыми перьями, которую вы представили мне, как свою будущую супругу.

Помощник откинулся назад и уставился на него в испуганном изумлении, приоткрыв рот.

— Да неужто вы бросили её? — продолжал безжалостно капитан. — Вы же брали у меня аванс на обручальное кольцо. Вы же купили ей кольцо?

— Ничего я не купил, — сказал помощник. — Я... Да нет же... Ну разумеется... Господи, о чём вы говорите?

Капитан поднялся из-за стола и поглядел на несчастного с жалостью, но строго.

— Прошу прощения, Джек, — чопорно произнёс он, — если я сказал что-нибудь такое или оскорбил вас в ваших чувствах. Разумеется, меня это не должно касаться. Но может быть, вы скажете, что вы никогда и не слыхивали о Китти Лони?

— Конечно, не слыхивал! — проговорил ошеломлённый помощник. — В жизни не слыхивал!

Капитан сурово оглядел его и покинул каюту, не сказав более ни слова.

«Если она в свою мамашу, — сказал он себе, хихикая, — то дело сделано».

После его ухода в каюте воцарилась неловкая тишина.

— Не знаю, что вы теперь думаете обо мне, — произнёс наконец помощник, — но я понятия не имею, о чём здесь говорил ваш отец.

— Я ничего не думаю, — сказала холодно Хетти. — Передайте, пожалуйста, картофель.

Помощник поспешно передал картофель.

— По-моему, это он так шутил, — сказал он.

— И соль, — сказала она. — Благодарю вас.

— Не верьте этому, — жалобно сказал помощник.

— Не валяйте дурака, — холодно сказала девушка. — Какое это имеет значение — верю я или нет?

— Очень большое значение, — мрачно сказал помощник. — Для меня это вопрос жизни и смерти.

— Чепуха, — сказала Хетти. — Она не узнает о ваших шалостях. Я не скажу ей.

— Уверяю вас, — сказал помощник в отчаянии, — никакой Китти Лони никогда не было! Как вы можете подумать об этом?

— Я могу думать, что вы очень низкий человек, — сказала девушка с презрением. — И вообще я вас прошу больше не разговаривать со мной.

— Ну, как угодно, — сказал помощник, потеряв терпение. Он оттолкнул свою тарелку и вышел, а девушка, злая и возмущённая, переложила картофель обратно в кастрюльку.

Последние дни плавания она обращалась с помощником очень вежливо и доброжелательно, и сквозь эту стену доброжелательства пробиться ему не удавалось. К удивлению Хетти, отец не возражал, когда она попросила разрешения вернуться домой поездом. Вечером накануне её отъезда они зашли в каюте за вист, и помощник капитана в самых безразличных тонах говорил о трудностях предстоящего пути по железной дороге.

— Да, поездка будет долгая, — сказала Хетти, которая всё-таки была слишком влюблена, чтобы отказаться от мелких уколов. — Какие у нас козыри?

— Ничего тебе не сделается, — заметил её отец. — Пики.

Он выигрывал третий раз и, радуясь удаче, решил окончательно доконать удручённого помощника.

— А ведь от карт вам придётся отказаться, когда вы поженитесь, Джек, — сказал он.

— Совершенно верно, — отважно сказал помощник. — Китти терпеть не может карт.

— А мне было сказано, что Китти никогда не было, — заметила девушка, взглянув на него с презрением.

— Да, она терпеть не может карт, — продолжал помощник. — Помните, капитан, как мы здорово покутили с нею в тот вечер в «Хрустальном дворце»?

— Да, это было здорово, — подтвердил капитан.

— Помните карусель? — сказал помощник.

— Помню! — весело отозвался капитан. — В жизни эту карусель не забуду.

— Вы и эта её подружка, Бесси Уотсон, — продолжал помощник как бы в экстазе. — Господи, как вы тогда веселились!

Капитан вдруг напрягся в своём кресле.

— О чём это вы говорите? — резко осведомился он.

— Бесси Уотсон, — сказал помощник тоном невинного удивления. — Та девушка в синем платье, которая была с нами.

— Да вы пьяны! — Капитан заскрипел зубами: он увидел ловушку, в которую угодил.

— Вы разве не помните, как вы с нею потерялись и как мы с Китти искали вас по всему парку? — спросил помощник во власти сладостных воспоминаний.

Он поймал взгляд Хетти и с трепетом различил в нём нежное и уважительное восхищение.

— А ты, конечно, всё маме расскажешь! — вскричал взбешённый капитан. — Тебе то известно, какая она у нас. Только знай, что всё это дурацкая выдумка.

— Прошу прощенья, капитан, — произнёс помощник, — если я сказал что-нибудь такое или оскорбил вас в ваших чувствах. Разумеется, меня это не должно касаться. Но, может быть, вы скажете, что вы никогда и не слыхивали о Бесси Уотсон?

— О ней услышит мама, — сказала Хетти, между тем как её родитель только беспомощно хватал ртом воздух.

— Может быть, вы скажете нам, кто эта самая Бесси Уотсон и где она живёт? — спросил наконец капитан.

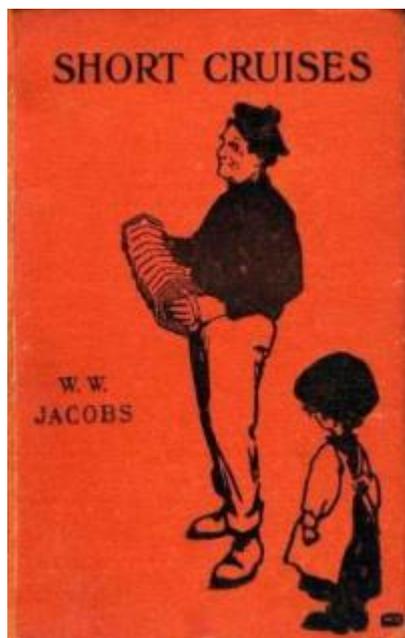
— Она живёт там же, где Китти Лони, — ответил помощник просто.

Капитан поднялся, и вид у него был столь грозный, что Хетти инстинктивно бросилась под защиту к Джеку. И тот

прямо на глазах у капитана обнял её за талию, и так они стояли перед капитаном некоторое время в полном молчании. Затем Хетти подняла глаза.

— А домой я поеду морем, — сказала она.

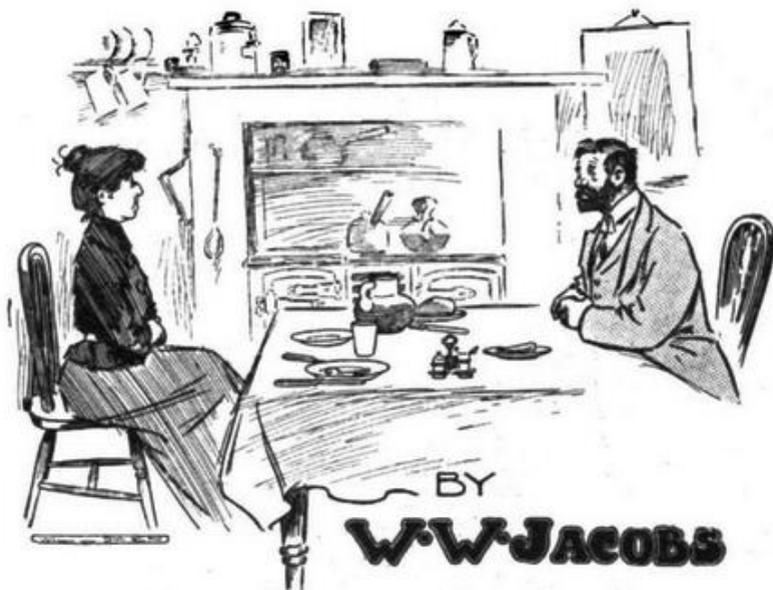

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Перевод С. Н. Трофимова

THE CHANGELING

ДВОЙНИК

Мистер Хеншоу вошёл через парадную дверь, и некоторое время тщательно вытирал обувь о коврик. В маленьком доме царил зловещая тишина, у него появилось чувство, что за время, прошедшее после завтрака, что-то случилось. Он кашлянул — сухо кашлянул — и, замурлыкав какую-то мелодию, повесил шляпу на вешалку и вошёл в кухню.

Миссис Хеншоу только что отообедала. На тарелке рядом с ней лежала гладкая кость от отбивной; небольшое блюдо, на котором прежде располагался рисовый пудинг, опустело; единственной едой, остававшейся на столе, был маленький кусочек сыра и кусок чёрствого хлеба. Лицо мистера

Хеншоу вытянулось, но он сел на свой стул за обеденным столом и замер в ожидании.

Его жена смотрела на него пристальным, оскорбительным взглядом. Лицо её было красным, глаза сверкали. Трудно было игнорировать её взгляд; ещё труднее — взглянуть ей в глаза. Мистер Хеншоу, стараясь избежать крайностей, принялся рассеянно осматривать комнату, на мгновение задержав взгляд на её сердитом лице.

— Ты так рано пообедала? — произнёс он наконец дрожащим голосом.

— Пообедала? — был ответ.

Мистер Хеншоу искал выход из ситуации.

— Часы спешат, — сказал он, поднялся и поправил часы.

Его жена поднялась почти одновременно с ним и медленными, выверенными движениями стала убирать со стола.

— А как... как насчёт обеда? — спросил мистер Хеншоу, пытаясь контролировать свой страх.

—обеда! — повторила миссис Хеншоу страшным голосом. — Вы можете спросить насчёт обеда у того существа, с которым были в омнибусе.

Мистер Хеншоу сделал жест, свидетельствующий об его отчаянии.

— Я уже сказал тебе, — решительно произнёс он, — это был не я. Я уже всё объяснил прошлым вечером. Но ты вбила себе в голову и...

— Это были вы, — обвиняющим тоном сказала жена. — Я видела вас, Джордж Хеншоу, так же ясно, как вижу сейчас. Вы щекотали ей ухо соломинкой, а этот бездельник, ваш друг, Тед Стокс, сидел рядом с другой красоткой. В то время как я одна слежу за домом, работаю, не покладая рук, словно рабыня, чтобы сделать его уютным, вы развлекаетесь подобным образом!

— Это был не я, — повторил несчастный.

— Когда я вас окликнула, — продолжала миссис Хеншоу, — вы вздрогнули, натянули вашу шляпу на глаза и отвернулись. Я бы вас поймала, если бы омнибус, в котором вы ехали, не рванулся с места, едва не сбив меня. До сих пор не

пойму, какое чудо меня спасло; я была облита грязью с головы до ног.

Несмотря на огромные усилия, слабая улыбка всё же мелькнула на бледном лице мистера Хеншоу.

— Да, вы можете смеяться, — напустилась на него жена, — и я не сомневаюсь, что тогда вы тоже смеялись. Так вот, я позабочусь о том, чтобы вы больше не смеялись.

Она вышла из комнаты и принялась мыть посуду. Мистер Хеншоу некоторое время пребывал в нерешительности, затем снова надел шляпу и, сунув руки в карманы, вышел из дома.

Он съел плохой обед в маленькой столовой и вернулся в шесть часов вечера, чтобы обнаружить пустой шкаф и отсутствие жены. Он снова отправился в столовую, чтобы выпить чаю, проглотить ужасный ужин и обсудить возникшую ситуацию с Тедом Стоксом. Этот джентльмен сходу отверг предложение о двойнике и призвал говорить разумно.

— Послушай, почему бы тебе не сказать, если моя жена заговорит об этом, — попробовал убедить его мистер Хеншоу, — что это был не я, а кто-то очень похожий на меня? Скажи ей, что тоже прежде ошибался.

Мистер Стокс усмехнулся, но, встретившись с ледяным взглядом друга, сразу же снова стал серьёзным.

— Почему бы тебе честно не признаться, что это был ты? — спокойно спросил он. — Нет ничего плохого в том, чтобы ехать в омнибусе с другом и двумя дамами.

— Разумеется, нет, — горячо поддержал его мистер Хеншоу, — иначе бы я никогда этого не сделал. Но ты же знаешь мою жену.

Мистер Стокс согласно кивнул.

— С тобой уже случалось нечто подобное, — задумчиво сказал он. — Тебе пришлось искать оправдание, после того как ты притворился, будто украл её брошь.

— Полагаю, джентльмен имеет право пошутить? — с достоинством произнёс мистер Хеншоу. — Поэтому я и прошу, в том случае, если моя жена скажет тебе об этом, ответь ей, что это был не я, а некий твой знакомый, который похож на меня, как две капли воды. Идёт?

— По имени Додд, — согласно кивнул мистер Стокс. — Томми Додд.

— Я не собираюсь валять дурака, — с горечью произнёс мистер Хеншоу, — и попросил бы тебя также не делать этого.

— Хорошо, — согласился мистер Стокс, несколько ошеломлённый. — Любое имя, какое тебе нравится, я не против.

Мистер Хеншоу задумался.

— Какое-нибудь обычное имя, — наконец, пробормотал он.

— Белл, — предложил мистер Стокс. — Альфред Белл. Я знал человека с таким именем. Он пытался обманом выманить у меня деньги.

— Хорошо, — согласился мистер Хеншоу, немного подумав. — Но помни, что нужно всё время придерживаться одного и того же имени. Кроме того, хорошо бы что-нибудь придумать о нём — где живёт, и всё такое, — чтобы ты мог выдержать расспросы, не выглядеть дураком и помочь мне.

— Я сделаю для тебя всё, что смогу, — заверил мистер Стокс, — но не думаю, что твоя миссис станет устраивать мне допрос. Она считает тебя достаточно бесхитростным.

Они поднялись и вышли, думая о состоявшемся разговоре. Они молча шли по улице, а потом свернули в ближайшую таверну, чтобы немного освежиться. Мистер Хеншоу выпил с видом человека, исполняющего долг по отношению к самому себе; мистер Стокс, слабо причмокивая, откровенно наслаждался.

— Интересно, что это такое я выпил? — спросил мистер Хеншоу. — Хотя, полагаю, это был *половина четвёртого*, поскольку именно его я и заказывал.

Мистер Стокс сочувственно взглянул на него.

— Неужели всё так плохо, — с беспокойством произнёс он.

— Когда ты женишься, то всё поймёшь сам, — резко сказал мистер Хеншоу. — Ты не стал бы просить меня тебя сопровождать, а я поступил как последний дурак, согласившись на это.

— Придерживайся той версии, которую придумал, и всё будет в порядке, — сказал мистер Стокс. — Скажи ей, что говорил мне об этом, что твоего двойника зовут Альфред Белл, — Б, Е и два Л, — и что он живёт в... — в Ирландии. Вот! Уверю тебя, всё будет в полном порядке!

— Ладно, — пробормотал мистер Хеншоу, стряхивая ладонь, которую его друг положил ему на руку.

— Ты... ты будешь Альфредом Беллом, — сказал мистер Стокс.

Мистер Хеншоу поднялся и с беспокойством посмотрел на него. Глаза его друга сияли и, как ему показалось, были немного дикими.

— Будешь Альфредом Беллом, — повторил мистер Стокс. — Не понимаешь? Притворишься Альфредом Беллом

и поедешь со мной к своей супруге. Я одолжу тебе костюм и новый галстук.

— Что? — воскликнул изумлённый мистер Хеншоу.

— Всё очень просто, — пояснил тот. — Завтра вечером, в новом облике, я привезу тебя к тебе домой, чтобы представить тебя тебе, и спрошу, дома ли ты. Конечно, будет очень жаль, что тебя дома не окажется, но, в таком случае, мы тебя подождём.

— Представить мне меня? — выдохнул мистер Хеншоу. Мистер Стокс подмигнул.

— Из-за удивительной похожести, — улыбнувшись, сказал он. — Неожиданно, не так ли? Подумать только, мы двое сидим, разговариваем с ней и ждём, когда ты придёшь и дашь объяснение своему опозданию!

Мистер Хеншоу некоторое время внимательно смотрел на него, после чего, поднеся кружку к губам, медленно выпил её содержимое.

— А как же голос? — спросил он, почти насмешливо.

— Послушай, — горячо сказал мистер Стокс, — ты был бы не ты, если бы не умел преодолевать созданные самому себе трудности.

— И всё же, как быть с голосом? — упрямо повторил мистер Хеншоу.

— Ты изменишь его, разве нет? — ответил его друг.

В пабе они были одни, и мистер Хеншоу, выслушав ещё несколько доводов, решил провести пару-другую экспериментов. Он говорил басом, от которого у него першило в горле, и фальцетом, от которого у мистера Стокса начинало ломить зубы, но напрасно. Эксперименты пришлось прервать после вмешательства хозяина, который заметил, как несколько посетителей, войдя в паб и увидев, что здесь происходит, развернулись и ушли.

— Вы не в сумасшедшем доме, — строго сказал он.

— Думаю, мы там скоро окажемся, — предсказал мистер Стокс, когда они направлялись к двери. — Ибо от ошибки никто не застрахован.

Он вытолкнул мистера Хеншоу на улицу и последовал за ним. Хозяин проводил их тяжёлым взглядом.

— Тебе нужно простудиться и говорить хриплым шёпотом, — медленно произнёс мистер Стокс. — Ты приехал позавчера на поезде из Ирландии, уже простуженным, и усугубил ситуацию, катаясь в омнибусе со мной и несколькими дамами. Понимаешь? Попробуй говорить хриплым шёпотом.

Мистер Хеншоу попытался, а его друг, видя, что тот проявляет недостаточно энтузиазма, старался подбодрить его.

— Никогда бы не подумал, что у тебя так здорово получится! — заявил он. — Ты просто прирождённый актёр!

Мистер Хеншоу скромно заметил, что до сих пор и сам не знал о своих талантах, надежда окрылила его, и он, хриплым шёпотом, заявил, что им просто необходимо заглянуть куда-нибудь ещё.

— Практикуйся и совершенствуйся, — сказал через некоторое время мистер Стокс, пожимая ему руку на прощанье. — И если достигнешь успеха, заходи ко мне завтра в четыре, и мы отправимся к тебе в гости, пока твоя жена будет думать, что ты на работе.

Мистер Хеншоу поблагодарил друга за удачную придумку, и, уверенный в том, что у них всё должно получиться, возвращался домой в приподнятом настроении. Оно рассеивалось, по мере приближения, но, к его облегчению, свет в доме не горел, а жена спала.

На следующее утро он поднялся рано, пока жена, по всей видимости, всё ещё спала. Шкаф по-прежнему был пуст, какое-то время он бродил, в нерешительности, голодный. Наконец он снова поднялся по лестнице и, с целью подготовить почву на вечер, громко объявил о своём намерении не возвращаться домой до тех пор, пока её настроение не изменится. С точки зрения выражения протеста эффект был смазан, поскольку протест этот был высказан перед закрытой дверью, а кроме того, как только миссис Хеншоу внезапно открыла её и предстала перед ним лицом к лицу, он тут же замолчал. Заключительную часть протестной речи она услышала, когда он добрался до входной двери.

Несмотря на то, что он ушёл на два часа раньше обычного, день тянулся медленно, и мистер Хеншоу добрался до дома мистера Стокса в весьма унылом настроении. У послед-

него, однако, бодрости хватило бы на них обоих, и он, помогая гостю переодеться в новый костюм и делая пробор на голове посередине, а не сбоку, осматривал его с довольной улыбкой. Следуя указаниям мистера Стокса, мистер Хеншоу также подтемнил брови и бородку жжёной пробкой, после чего друг заявил, что его родная мать не узнает.

— Будь осторожен, — напутствовал мистер Стокс своего друга по дороге. — Будь ярким и весёлым, эдаким волокитой, каким она видела тебя в омнибусе. Будь совсем не похожим на себя, не забывай, что ты себя не знаешь, и не назови её случайно ласковым именем так, как называешь наедине.

— Ласково! Наедине! — возмущённо сказал мистер Хеншоу. — После того, как ты женишься, мой друг, у тебя поменяются представления о семейной жизни, вот что я тебе скажу!

Он продолжил путь в скорбной тишине, по мере приближения к своему дому всё сильнее замедляя шаг. А когда мистер Стокс постучался, скромно прислонился к стене соседнего дома.

— Джордж дома? — небрежно спросил мистер Стокс, когда миссис Хеншоу открыла дверь.

— Нет, — был ответ.

Мистер Стокс задумался; мистер Хеншоу инстинктивно стал отступать.

— Его нет, — повторила миссис Хеншоу, собираясь закрыть дверь.

— Мне непременно хотелось бы повидаться с ним, — медленно произнёс мистер Стокс. — Мне хотелось бы познакомиться с ним своего друга, мистера Альфреда Белла.

Миссис Хеншоу, проследив его взгляд, выглянула за дверь.

— Джордж! — резко воскликнула она.

Мистер Стокс улыбнулся.

— Это не Джордж, — радостно произнёс он. — Это мой друг, мистер Альфред Белл. Правда, необычное сходство? Просто удивительное! Вот почему мы здесь; мне хотелось бы познакомиться моего друга с Джорджем.

Миссис Хеншоу переводила взгляд с одного на другого; она недоумевала и была рассержена.

— Как две капли воды, не правда ли? — сказал мистер Стокс. — Это — жена моего друга Джорджа, — добавил он, поворачиваясь к мистеру Беллу.

— Добрый вечер, — хрипло произнёс тот.

— Он немного простудился, возвращаясь из Ирландии, — объяснил мистер Стокс, — и, как это ни глупо, отправился со мной на прогулку в омнибусе следующим вечером, что только ухудшило его состояние.

— Ах! — медленно произнесла миссис Хеншоу. — В самом деле...

— Ему очень хочется повидать Джорджа, — сказал мистер Стокс. — Поскольку, если бы не эта встреча, он сегодня

вечером снова уехал бы в Ирландию. Но ради неё он отложил возвращение на завтра.

Мистер Белл, хриплым голосом, вдруг заявил, что передумал.

— Глупости! — строго сказал мистер Стокс. — Кроме того, Джордж также хотел тебя видеть. Полагаю, он скоро вернётся? — добавил он, поворачиваясь к миссис Хеншоу, которая глядела на мистера Белла так, как голодный кот смотрит на пухленького воробья.

— Я так не думаю, — медленно ответила она.

— Прошу прощения, не могли бы мы немного подождать... — начал мистер Стокс, игнорируя безумный взгляд мистера Хеншоу.

— Входите, — внезапно пригласила миссис Хеншоу.

Мистер Стокс вошёл, но, обнаружив, что его друг остался снаружи, снова вышел и наполовину втянул, наполовину втолкнул его в дом. Застенчивость мистера Белла он объяснил тем, что тот долгое время жил в Ирландии.

— Он любит ухаживать за женщинами, — продолжал он, когда они, вслед за хозяйкой, вошли в переднюю комнату. — Вы могли видеть нас в омнибусе, с нашими подругами-леди; он вёл себя так галантно, что даже кондуктор был удивлён.

Мистер Белл, отнюдь не уверенный в результатах затеи, отчаянно хмурился.

— Галантно, вот как? — сказала миссис Хеншоу, в упор глядя на преступника.

— Можете мне поверить, — заверил её мистер Стокс. — Он называл свою подругу своей маленькой жёнушкой, и спрашивал, где её обручальное кольцо.

— Я этого не делал, — еле слышно пробормотал мистер Белл. — Клянусь, я этого не делал.

— Тебе нечего стесняться, — добродушно произнёс мистер Стокс. — Но разве я не предупреждал тебя? Разве я не сказал тебе: «Альфред, что касается тебя, всё в порядке; но ты как две капли воды похож на одного моего приятеля, Джорджа Хеншоу, и если тебя увидят, то могут подумать, что ты — это он». Разве я тебя не предупреждал?

— Предупреждал, — беспомощно ответил мистер Белл.

— Он мне не верит, — сказал мистер Стокс, обращаясь к миссис Хеншоу. — Вот почему я привёл его познакомиться с Джорджем.

— Мне бы тоже очень хотелось взглянуть на них обоих вместе, — тихо сказала миссис Хеншоу. — Где угодно.

— Вы не стали бы так говорить, если бы видели его прошлым вечером, — сказал мистер Стокс, покачивая головой и улыбаясь.

— Снова галантные ухаживания, не так ли? — быстро спросила миссис Хеншоу.

— Нет! — ответил мистер Белл, громким шёпотом.

Он бросил на мистера Стокса такой яростный взгляд, что тот почти испугался.

— Мне бы не хотелось об этом говорить, — сказал он.

— А если я вас об этом очень попрошу? — спросила миссис Хеншоу с очаровательной улыбкой.

— В самом деле, почему бы тебе не сказать? — пожал плечами мистер Стокс.

— Пролетным вечером, — поспешно ответил шептавший, — я отправился на прогулку по парку Виктории. Там я встретил мистера Стокса, мы зашли в паб и выпили по половине пинты пива. Вот и всё.

Миссис Хеншоу посмотрела на мистера Стокса. Тот подмигнул ей.

— Это так же верно, как то, что моё имя — Альфред Белл, — продолжал джентльмен, вполне естественным тоном.

— Каждый волен поступать так, как ему хочется, — пробормотал мистер Стокс, несколько обеспокоенный тем, что мистер Белл отказывается соответствовать тому образу, который он для него приготовил.

— Как бы мне хотелось, чтобы мой муж проводил вечера подобным же тихим образом, — сказала миссис Хеншоу, покачивая головой.

— А разве он поступает иначе? — сказал мистер Стокс. — Он всегда казался мне очень спокойным человеком. Даже слишком, я бы сказал. В самом деле, я не знаю более спокой-

ного человека, чем он. Я даже подшучивал над ним по этому поводу.

— Это видимость, — сказала миссис Хеншоу.

— И всегда торопитесь вернуться домой, — продолжал добрый мистер Стокс.

— Может быть, он так говорит вам, чтобы побыстрее от вас избавиться, — задумчиво сказала миссис Хеншоу. — Он говорит, что иногда ему очень трудно от вас отстать.

Мистер Стокс выпрямился и бросил быстрый взгляд в сторону мистера Хеншоу.

— Жаль, что он не сказал мне об этом прямо, — с горечью произнёс он. — Я не из тех, кто навязывает свою компанию, если в ней не нуждаются.

— Я говорила ему то же самое, — продолжала миссис Хеншоу. — Почему бы тебе прямо не сказать Теду Стоксу, что тебе не нравится его компания? Но он не хочет. Это не в его правилах. Он скорее будет говорить о вас за вашей спиной.

— И что же такое он говорит? — спросил мистер Стокс, проигнорировав возмущённый возглас своего друга.

— Обещайте мне, что, если я вам это скажу, вы ничего не станете говорить ему, — сказала миссис Хеншоу.

Мистер Стокс пообещал.

— Не знаю, правильно ли я поступаю, — с неохотой сказала миссис Хеншоу, — но мне надоело, что он, возвращаясь домой, постоянно ворчит, говоря о вас.

— Продолжайте, — попросил мистер Стокс.

Миссис Хеншоу посмотрела на него.

— Он говорит, что вы ведёте себя так, будто вы — пуп земли, — тихо сказала она, — и что ваша бессмысленная болтовня утомляет его до полусмерти...

— Продолжайте, — мрачно произнёс мистер Стокс.

— А ещё он говорит, что невозможно заставить вас заплатить за выпитое, и что проще заплатить за вас самому, чем с вами связываться.

Мистер Стокс вскочил с кресла и, сжав кулаки, сердито посмотрел на испуганного мистера Белла. Но сдержался и снова сел.

— Что-нибудь ещё? — спросил он.

— Много чего, — ответила миссис Хеншоу. — Но я не хочу вмешиваться в ваши отношения.

— Не обращайтесь внимания, — сказал мистер Стокс, мрачно глядя на своего дрожавшего друга. — Возможно, я когда-нибудь тоже вам кое-что о нём расскажу.

— Это было бы справедливо, — быстро произнесла миссис Хеншоу. — Скажите мне об этом сейчас, я нисколько не против того, чтобы это услышал мистер Белл.

Который тут же вмешался в разговор.

— Мне не хотелось бы выслушивать столь деликатные вещи, — прохрипел он, умоляюще взглянув на мстительного мистера Стокса. — Это было бы неправильно.

— В самом деле, мне не следует ничего говорить за его спиной, — сказал последний, приходя в себя. — Подождём, пока придёт Джордж, и тогда я расскажу это в его присутствии.

Миссис Хеншоу, обиженно поджав губы, попыталась спорить с ним, но напрасно. Мистер Стокс остался непоколебим и, взглянув на часы, сказал, что Джордж скоро придёт, и что он дождётся его прихода.

Разговор стих, несмотря на все усилия миссис Хеншоу разговорить своего гостя об Ирландии. Едва начав рассказывать, тот окончательно потерял голос и молчал, пока миссис Хеншоу рассказывала мистеру Стоксу об отношениях в семье своего мужа. Она была в середине рассказа о своей свекрови, когда мистер Белл поднялся и, с некоторым трудом, намекнул на своё желание уйти.

— Не повидавшись с Джорджем? — спросила миссис Хеншоу. — Он вот-вот должен прийти, и мне хотелось бы увидеть вас вместе.

— Возможно, мы встретим его по дороге, — сказала мистер Стокс, уже довольно уставший. — Доброй ночи.

Он направился к двери и, вслед за мистером Беллом, вышел на улицу. Зная, что миссис Хеншоу наблюдает за ними из-за двери, он молчал, пока они не повернули за угол, после чего, обернувшись к мистеру Хеншоу, с яростью потребовал у него объяснений.

— Я тебе помог, — перебил он, когда его друг стал отнекиваться. — Я тебе помог выбраться из этой ситуации. И не желаю слушать того, что ты мне тут говоришь.

— В таком случае, прощай, — неожиданно высокомерно произнёс мистер Хеншоу, и повернулся, собираясь уходить.

— Для начала, верни мне мои брюки, — холодно сказал мистер Стокс, — после чего можешь отправляться на все четыре стороны.

— Мне кажется, она меня узнала, и специально говорила так, чтобы нас поссорить, — мрачно отозвался мистер Хеншоу.

Мистер Стокс, не говоря ни слова, отвёл его к себе и презрительно молчал, пока тот переодевался. После этого он не пожал протянутой ему руки, жестом, когда-то виденным на сцене, указал на выход и захлопнул за ним дверь.

Когда мистер Хеншоу оказался один, последние остатки мужества покинули его. Он бродил по улице до десяти, после чего, замёрзший и унылый, отправился домой. На углу улицы он встряхнулся, быстро направился к двери, вложил ключ в замок и повернул.

Дверь осталась заперта, свет не горел. Он постучал, сначала тихо, потом всё сильнее и сильнее. Через некоторое время в комнате наверху вспыхнул свет, окно открылось, и в нём показалась миссис Хеншоу.

— Мистер Белл! — удивлённо воскликнула она.

— Белл? — спросил её муж, удивлённый ещё сильнее.

— Это я, Полли.

— Немедленно уходите, сэр! — возмутилась миссис Хеншоу. — Как вы смеете так обращаться ко мне? Я возмущена вашим поведением!

— Говорю тебе, это я — Джордж! — с отчаянием произнёс её муж. — Что ты имеешь в виду, называя меня Беллом?

— Если вы мистер Белл, в чём я уверена, вам хорошо это известно, — сказала миссис Хеншоу, наклонившись и пристально всматриваясь в него, — а если вы Джордж, вам необязательно это знать.

— Я — Джордж, — поспешно сказал мистер Хеншоу.

— Даже не знаю, как мне следует поступить, — с удивлённым видом сказала миссис Хеншоу. — Сегодня вечером Тед Стокс привёл человека, по имени Белл, похожего на вас, как две капли воды. Не знаю, как мне лучше поступить, но, наверное, мне не следует впускать вас, пока я не увижу вас обоих вместе, чтобы понять, кто есть кто.

— Обоих вместе! — испуганно воскликнул мистер Хеншоу. — Вот же я — смотри!

Он зажёг спичку и, держа её возле лица, смотрел в окно. Миссис Хеншоу внимательно смотрела на него.

— Ничего не могу сказать, — в отчаянии произнесла она. — Я должна увидеть вас обоих вместе.

Мистер Хеншоу заскрежетал зубами.

— Где он?

— Он ушёл с Тедом Стоксом, — сказала его жена. — Если вы — Джордж, вам лучше пойти и спросить его.

Она хотела закрыть окно, но голос мистера Хеншоу остановил её.

— А если его там нет? — спросил он.

Миссис Хеншоу задумалась.

— Если его там нет, приведите с собой Теда Стокса, — сказала она, — и если он подтвердит, что вы — Джордж, я впущу вас.

Окно закрылось, свет погас. Мистер Хеншоу некоторое время напрасно стоял, после чего, размышляя о встрече, какую окажет ему мистер Стокс, побрёл к нему.

Он недооценил своего друга. Мистер Стокс, потревоженный ото сна, являл собой воплощение гнева. Он был жесток, он сыпал обвинениями и оскорблениями, но мистер Хеншоу был в отчаянии, и мистер Стокс, наотрез отказываясь вести его домой, в конце концов, оказался настолько тронут его мольбами, что оделся и вышел.

— Идём, — сказал он, — но, разумеется, после этого я больше никогда не хочу тебя видеть.

Мистер Хеншоу ничего не ответил. События этого дня доконали его, и он молчал до самого своего дома. К своему облегчению, он услышал, как после первого же стука кто-то поднимается вверх по лестнице, вскоре окно осторожно распахнулось, и в него выглянула миссис Хеншоу.

— Это опять вы? — спросила она низким голосом. — Это уже слишком! Что вы себе позволяете?

— Это я, — ответил её муж.

— Да, я вижу.

— Это действительно ваш муж, — вмешался мистер Стокс. — Альфред Белл уехал.

— Как вам не стыдно стоять там и лгать мне? — воскликнула миссис Хеншоу. — Как это только земля не разверзнется и не поглотит вас. Это мистер Белл, и если он не уйдёт, я вызову полицию.

Хеншоу и Стокс, поражённые её словами, застыли. Затем принялись о чём-то переговариваться шёпотом.

— Но почему вы так уверены, что перед вами мистер Белл? — спросил мистер Стокс, снова поворачиваясь к окну.

— Почему я уверена? — повторила миссис Хеншоу. — Почему уверена? Потому что мой муж вернулся домой почти сразу же, как ушёл мистер Белл. Вы с ним не повстречались?

— Вернулся домой? — пронзительно крикнул мистер Хеншоу. — Вернулся домой?

— Да, и не нужно так шуметь, — с яростью произнесла миссис Хеншоу. — Он спит.

Двое джентльменов повернулись и пристально взглянули друг на друга. Мистер Стокс пришёл в себя первым; взяв своего ошеломлённого друга под руку, он осторожно повёл его прочь. В конце улицы он, глубоко вздохнув, после не-

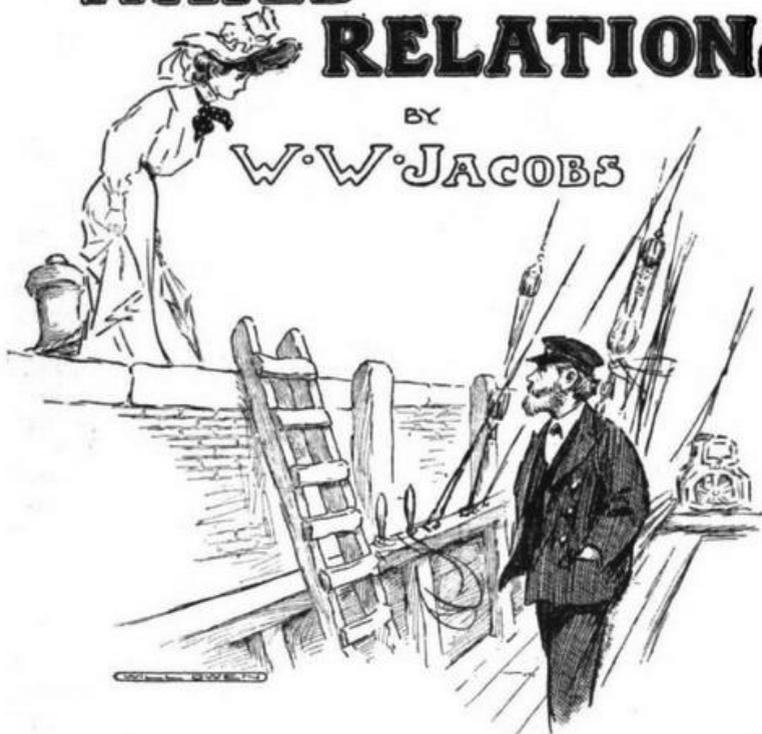
большой паузы, собравшись с мыслями, подвёл итог сложившейся ситуации.

— Она всё поняла с самого начала, — уверенно сказал он. — Сегодня ты проведёшь ночь у меня, а завтра, — и это самое лучшее, что ты можешь сделать, — ты чистосердечно во всём признаешься. Это была глупая затея и, если ты помнишь, я с самого начала был против неё.

MIXED RELATIONS

BY
W. W. JACOBS

ЖЕНСКАЯ ДУША

Бриг *Elizabeth Barstow* входил в устье реки, словно бы спеша к удовольствиям, которые сулил Метрополис. Шкипер, облокотившись на штурвал, горячо спорил с помощником, восхвалявшим перед ним гигиенические, экономические и моральные преимущества воздержания, красноречиво, но малоубедительно.

— Трезвенники больше едят, — наконец заявил шкипер.

Помощник задохнулся и взглянул в сторону камбуза.

— Больше едят? — пробормотал он. — Вчера мясо было похоже на кирпич; сегодня оно напоминало грязную губ-

ку. Всё нынешнее плавание я питался галетами; единственный раз я попробовал картофель, и теперь собираюсь обратиться к врачу, как только сойду на берег. Грех и позор портить еду так, как это делается у нас на судне.

— Теперь я могу нанять другого кока, а этого выгнать, — сказал шкипер. — Кстати, судя по шуму, он чем-то занят.

— Я приказал ему всё вычистить, и быть готовым отправиться на берег, — мрачно объяснил помощник. — А у него хватило наглости сказать мне, что он исправится — *исправится!*

— Я выгоню его, как только найму другого, — повторил шкипер, наклонившись и глядя вперёд. — Он нравится мне не больше, чем тебе. Когда я нанимал его, он сказал, что умеет готовить; сказал, что этому научила его сестра.

Помощник несколько успокоился, хмыкнул и, уходя, заглянул на камбуз и предупредил кока, что сам лично всё проверит. Кок заверил его, что всё будет в полном порядке.

Река сузилась, бриг, изящно лавируя между судами, пробирался к своему обычному месту около причала Баллера. Он бросил якорь, обогнав старую парусную баржу, которая была вынуждена пристать рядом, заняв менее удобное место.

Рабочие на причале отсутствовали, экипаж *Elizabeth Barstow*, после швартовки, занялся приготовлениями к вечеру на берегу. Стоя перед самой большой крышкой кастрюли на камбузе, кок вносил последние штрихи в свой туалет.

Лёгкие быстрые шаги на причале привлекли внимание шкипера, курившего у борта. Они замерли у него за спиной и, обернувшись, он обнаружил, что смотрит в милые карие глаза самой красивой девушки, какую ему только доводилось видеть.

— Скажите, пожалуйста, мистер Джуэл на борту? — с улыбкой спросила она.

— Джуэл? — повторил шкипер. — Джуэл? Мне это имя неизвестно.

— Он должен быть на борту, — удивлённо произнесла девушка. — Это ведь *Elizabeth Barstow*, разве нет?

— А каково его имя? — задумчиво осведомился шкипер.

— Альберт, — ответила девушка. — Берт, — добавила она.

Шкипер кивнул.

— Так зовут нашего кока! — сказал он. — Никогда бы не подумал, что он — мистер Джуэл. Да, он на камбузе.

Он смотрел на неё и удивлялся, какая она маленькая, хрупкая, какое у неё свежее личико...

Девушка прервала его размышления.

— И как он готовит? — по-прежнему улыбаясь, спросила она.

Он собирался ответить, когда вдруг вспомнил слова помощника о том, кто именно учил кока готовить.

— Нормально, — медленно произнёс он, — нормально. А вы — его сестра?

Девушка улыбнулась и кивнула.

— Да, — так же медленно произнесла она. — Вы не могли бы передать ему, что я его жду?

Шкипер оторвался от борта, подошёл к камбузу и сунул голову в иллюминатор.

— Берт, — дружеским тоном произнёс он, — твоя сестра хочет тебя видеть.

— Кто? — осведомился мистер Джуэл. Он высунул голову в дверь, кивнул, а затем, слегка покраснев от смущения, надел пиджак и направился к девушке.

— Спасибо, — сказала она и приятно улыбнулась.

— Всегда рады вас видеть, — ответил шкипер.

Мистер Джуэл сошёл на берег и, с некоторой нерешительностью, пожал руку своей гостье.

— Если вы снова собираетесь прийти к нам, — сказал шкипер, когда они развернулись, собираясь уходить, — может быть, вам будет угодно осмотреть кают-компанию. Сейчас у нас суета, но если вы завтра наведаетесь к Берту...

В глазах девушки ясно читался смех, её губы дрогнули.

— Благодарю вас, — ответила она.

— Некоторым людям очень нравится осматривать кают-компанию, — пробормотал шкипер.

Он поднёс руку к своему берету и отвернулся. Помощник, снова вышедший на палубу, посмотрел вслед удаляющейся паре и присвистнул.

— Какая милая девушка у нашего *Слэша*, — заметил он.

— Это его сестра, — немного резковато ответил шкипер.

— Та самая, которая учила его готовить? — поспешно сказал помощник. — Вот как! Я был бы не против провести с ней пять минут наедине; я бы сказал ей, какой она хороший учитель. Я бы попросился к ней в ученики. Я бы сказал ей всё, что о ней думаю.

— Наверное, — сказал шкипер, — это могло бы сработать. Он не так плох для новичка, я знавал и похуже.

— Не так плох? — повторил помощник. — Не так плох? Надеюсь, — его голос дрогнул, — ты не передумал выкинуть его?

— Я дам ему ещё один шанс, Джордж, — сказал шкипер. — Было бы жестоко с моей стороны не сделать этого. А я не хочу быть жестоким. Живи сам и давай жить другим, вот мой девиз. Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой.

— С возрастом ты становишься сентиментальным, — проворчал помощник.

— С возрастом! — испуганно произнёс шкипер. — О каком возрасте ты говоришь? Мне ещё нет и тридцати семи!

— Это правда, — подтвердил помощник, — но ты выглядишь старше.

Спустя десять минут, в своей каюте, шкипер исследовал себя в зеркале. Он зажал бороду в ладони, пытаясь представить, как будет выглядеть без неё. Найдя компромисс, он подстриг её наполовину. Зеркало одобрило его новый вид; помощник также, застав его за этим занятием; он с улыбкой сказал, что теперь шкипер выглядит подобно собственному внуку.

Кок вернулся поздно; шкипер, находившийся на палубе, остановил его и завёл разговор. Мистер Джуэл, поначалу сильно удивлённый, вскоре почувствовал себя непринуждён-

но, а темой беседы незаметно стала мисс Джуэл, о которой он говорил с братской откровенностью.

— Я так понимаю, вечер вы провели вместе? — небрежно спросил шкипер.

Мистер Джуэл скосил глаза в его сторону.

— Готовили, — ответил он, и неожиданно поднёс ко рту ладонь.

К тому времени, как они расстались, шкипер дружески обнимал кока за плечи и вёл себя по отношению к нему совсем не так, как обычно. Это было так удивительно, что ми-

стер Джуэл был вынужден на некоторое время задержаться, чтобы прийти в себя, прежде чем спуститься в проход, ведущий к его каюте, освещённый тусклой лампой.

На следующее утро кок приготовил отвратительный завтрак, но шкипер, который видел в вязком кофе и подгоревшем беконе руку мисс Джуэл, съел его с удовольствием. Он с нетерпением ожидал вечера, поскольку кок заверил его, что сестра приняла приглашение осмотреть кают-компанию, и говорила мало о чём ещё. Сам он занялся уборкой, и, взяв всё необходимое, занялся ею со всей возможной тщательностью.

Когда мисс Джуэл появилась на трапе, это показалось шкиперу добрым предзнаменованием; восторженные восклицания, когда она осматривала кают-компанию, привели его в восхищение. Кок, с некоторым волнением следивший за ними, успокоился и, сидя на рундуке, прислушивался к разговору.

— Похоже на кукольный домик, — сказала девушка, закончив осмотр. — Спасибо, мне не стоит злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Я совершенно свободен, — поспешно произнёс шкипер. — Я... я собирался пойти на прогулку, но, знаете, так скучно гулять в одиночестве.

Мисс Джуэл была с этим согласна. Слегка склонив голову, она бросила на шкипера взгляд из-под полуопущенных ресниц.

— У меня нет сестры, — продолжал тот, меланхолическим голосом.

— Не думаю, что если бы она у вас была, вам бы хотелось прогуливаться с нею, — сказала девушка.

Шкипер запротестовал.

— Но ведь Берт прогуливается с вами, — сказал он.

— О, он не похож на большинство братьев, — сказала мисс Джуэл, подойдя к рундуку и ласково положив руку на плечо кока.

— Если бы у меня была сестра, — продолжал шкипер едва заметно дрогнувшим голосом, — мы бы гуляли вместе. А сегодня вечером, например, я сводил бы её в театр.

Мисс Джуэл повернула к нему невинное детское лицо.

— Наверное, было бы прекрасно, быть вашей сестрой,
— спокойно произнесла она.

Шкипер хотел что-то сказать, но голос изменил ему.

— В таком случае, представьте себе, что вы — моя сестра, — сказал он, наконец, — и идёмте в театр.

— Представить? — сказала мисс Джуэл, поворачиваясь к коку. — БERTу это не понравится, — решительно произнесла она.

— Н-нет, — нервно произнёс кок, стараясь не смотреть на шкипера.

— Это было бы неправильно, — сказала мисс Джуэл; она была чудо как хороша.

— Я... я имел в виду, чтобы БERT тоже пошёл с нами, — пробормотал шкипер, — конечно же, — добавил он.

Суровое выражение лица мисс Джуэл смягчилось. Она украдкой глянула в сторону кока, и, прочитав в его глазах наставления, подождала, пока они соберутся. Десять минут спустя экипаж *Elizabeth Barstow* с удивлением наблюдал, как их капитан сходит на берег с коком. Помощник до того забылся, что позволил себе присвистнуть, но, когда шкипер резко обернулся, сделал вид, что он здесь ни при чём.

Некоторое расстояние троица прошла в совершенном молчании. Шкипер строил воздушные замки, кок чувствовал себя не в своей тарелке, девушка, поглядывая на него, выглядела слегка смущённой.

К тому времени, когда они добрались до Олдгейта и остановились, в ожидании омнибуса, мисс Джуэл выглядела испуганной и терзаемой сомнениями. Ей не хотелось идти в театр, и она попросила мужчин отпустить её домой и отправиться в театр без неё. Уговоры шкипера оказались тщетными, но на помощь ему пришёл кок; мисс Джуэл, всё ещё протестуя, была помещена в подошедший омнибус и поднялась наверх. Она заняла свободное место впереди, шкипер и мистер Джуэл сели рядом.

Три часа в театре пролетели как один миг, хотя девушка всё время смотрела на сцену и совершенно не обращала внимания на своих спутников. Во время антракта она рассматривала присутствовавших, и несколько раз шкипер замечал, как она пристально рассматривает людей, сидевших в ложах. Она так смотрела на одного из мужчин, что тот, в конце концов, также принялся рассматривать её в театральный бинокль.

— Как это неучтиво, — сказала она, улыбаясь шкиперу.

Она неодобрительно покачала головой, но в следующий момент он заметил, что она снова принялась рассматривать его через свой бинокль.

— Если вы будете так смотреть на него, то сделаете в нём дыру, — сквозь зубы процедил шкипер.

— Да, возможно, так и будет, — сказала мисс Джуэл, но глаз не отвела.

Шкипер сидел, как на иголках, пока огни не погасли и занавес снова не поднялся. Он начал было обсуждать пьесу,

но мисс Джуэл давала такие неопределённые ответы, что было очевидно — мыслями своими она где-то далеко.

— Интересно, кто это? — прошептала она, имея в виду мужчину в ложе.

— Я думаю, официант, — огрызнулся шкипер.

Девушка покачала головой.

— Нет, он слишком представительный, — серьёзно сказала она. — Интересно, узнает ли он меня снова?

Шкипер почувствовал, что ему ужасно хочется что-нибудь уничтожить; и прежде всего, мужчину в ложе. Он влюбился впервые за десять лет, и уже совершенно забыл о неудобствах, приносимых этим чувством. Когда представление закончилось, он бросил угрожающий взгляд на ложу и, прикрывая от неё мисс Джуэл, повёл её к выходу.

— Как тебе понравилось представление? — спросил кок, когда они вышли на свежий воздух.

— Очень, — ответила девушка меланхоличным голосом. — Наверное, когда вы снова уйдёте в плавание, я ещё раз приду его посмотреть.

— Одна? — испуганным голосом осведомился шкипер.

— Я не против одиночества, — тихо сказала мисс Джуэл. — Я привыкла к нему.

Слова кока были заглушены подошедшим омнибусом, и уже второй раз за вечер шкипер был вынужден сесть не на то место, на которое ему хотелось бы. А когда место рядом с мисс Джуэл освободилось, его опередил молодой человек в хорошем костюме, куривший большую сигару.

Они вышли в Олдгейте, и девушка поблагодарила за приятный вечер. Предложение проводить её до дому было сразу же категорически отвергнуто; шкипер смотрел вслед ей и коку, пока те не исчезли из виду, после чего медленно, в задумчивости, направился на своё судно.

Бриг должен был отчалить на следующий вечер в восемь часов, но только в шесть часов кок заметил, что сестра пришла повидаться с ним. Она опоздала на полчаса, не высказала желания снова осмотреть кают-компанию, а также прогуляться на свежем воздухе. В конце концов, удалось уговорить её спуститься; вскоре её настроение изменилось, и она

с мягкой любезностью обратилась к шкиперу, чем привела последнего в совершенный восторг.

— Вы ведь будете добры к Берту, правда? — спросила она, улыбнувшись молодому человеку.

— Я буду относиться к нему, как к собственному брату, — горячо ответил шкипер. — Нет, даже лучше; я буду относиться к нему как к вашему брату.

Кок выпрямился, но шкипер, очарованный мисс Джуэл, не обратил на это внимания.

— В вас я не сомневаюсь, — очень тихо произнесла девушка, — но я не думаю, что другие...

— Другие будут делать то, что хочу я, — строго произнёс шкипер. — Я капитан этого судна; оно — моя вторая половина; и если кому-то что-то не нравится, он будет иметь дело со мной. Если что-то будет не так, Берт, скажи об этом мне.

Мистер Джуэл, чьи маленькие чёрные глазки сверкнули, обещал, после чего, пробормотав что-то о делах, обменявшись взглядом с девушкой, поднялся на палубу.

— Это хорошая каюта, — сказала мисс Джуэл, подвинувшись на полтора дюйма ближе к шкиперу. — Но, полагаю, Берт вынужден принимать пищу в том душном маленьком помещении в другом конце судна, не так ли?

— Да, — ответил шкипер, в котором любовь боролась с дисциплиной.

Девушка вздохнула, а кок, слушавший разговор в про свете над их головами, с тревогой затаил дыхание. Мисс Джуэл снова вздохнула и рассеянно подвинулась так, что расстояние между ней и её собеседником увеличилось на шесть дюймов.

— Так принято, — объяснил шкипер.

— Да, конечно, — холодно ответила девушка.

— Но если Берту нравится принимать пищу здесь, пожалуйста, — с отчаянием произнёс шкипер, — и спать на корме тоже. Мой помощник также не против.

Слышавший его слова помощник, отойдя подальше, поднял к небу сжатые кулаки и, пользуясь тем, что его не

слышат, произнёс несколько подходящих случаю фраз из своего обширного лексикона.

— Знаете, что я о вас думаю? — спросила мисс Джуэл, повернув к нему сияющее лицо.

— Нет, — ответил он, весь дрожа. — Что же?

Девушка помолчала.

— Нет, не стоит вам этого говорить, — произнесла она тихим голосом. — Это могло бы подать вам надежду.

— А знаете, что я думаю о вас? — в свою очередь, спросил шкипер.

Мисс Джуэл пристально взглянула на него, уголки её рта дрогнули.

— Да, — неожиданно ответила она.

Раздался звук тяжёлых шагов, кто-то подошёл к трапу.

— Время прилива почти закончилось, — услышали они грубоватый голос помощника.

Шкипер колебался, но помощник отошёл в сторону, давая девушке возможность пройти; он последовал за ней на палубу и помог сойти на причал. После чего, в течение нескольких часов, размышлял, действительно ли она позволила своей руке задержаться в его на секунду-другую дольше, чем это было необходимо, или это произошло совершенно бессознательно.

Его настроение несколько упало, когда они вышли из Лондона, но необходимость вмешаться в отношения между грубоватым помощником и бледным, но упрямым, коком, немного помогла ему отвлечься.

— Он говорит, что будет спать на корме, — рычал помощник, указывая на кровать в руках кока.

— Совершенно верно, — сказал шкипер. — Я ему разрешил. Также он будет принимать пищу здесь. Ты что-то имеешь против?

Помощник присел на рундук, восстанавливая дыхание. Кок, всё ещё бледный, подкручивал маленькие чёрные усики и, торжествуя, зло смотрел на него.

— Я сказал ему, что это ваше распоряжение, — заметил он.

— А я сказал ему, что не верю, — отозвался помощник.
— И никто бы не поверил. Кто и когда слышал о коке, живущем на корме? Мне бы просто рассмеялись в лицо.

И он рассмеялся сам, но как-то невесело, словно не доверяя услышанному, после чего поднялся на палубу и уда-

лился. Он не вышел к столу, пока кок и шкипер не закончили завтракать.

Мистер Джуэл скверно воспользовался предоставленными ему привилегиями, а неспособность как-то повлиять на решение шкипера плохо повлияла на настроение экипажа. В общении с коком стало проявляться больше сарказма, но тот спокойно сносил насмешки; а те, кто сомневались в его способностях готовить хуже, вскоре убедились, насколько они были неправы.

Бриг добрался до места назначения — Крикхэйвена — на пятый день, и мистер Джуэл был приглашён в качестве почётного гостя в каюту шкипера. Это была очень удобная каюта, но, как заметил кок, слишком большая для одного. Он также упомянул о любви своей сестры к простой жизни, и, развивая эту тему, — что никогда не уставал делать, — дал полную волю своему богатому воображению.

Когда они, через пару недель, вернулись в Лондон, шкипер узнал, что мисс Джуэл отсутствует. В данных обстоятельствах он предпочёл бы держаться поближе к коку, но этот джентльмен, с необыкновенным изяществом, сумел ускользнуть на две ночи из трёх.

На третий день мисс Джуэл вернулась в Лондон и успела на причал как раз вовремя, чтобы помахать на прощанье отходившему от причала бригу.

Из того факта, что повар на палубе отсутствовал, шкипер воспринял этот знак на свой счёт. Это на некоторое время приподняло его настроение, но уже на следующий день он снова выглядел таким унылым, что кок, поразмыслив, предложил написать ей, когда они придут в Крикхэйвен, и сообщить о времени возвращения.

— Было бы хорошо, — сказал шкипер, — чтобы ты, Берг, как-то отстал от нас.

Мистер Джуэл покачал головой.

— Без меня она никуда не пойдёт, — серьёзно ответил он. — Ты её совсем не знаешь. Она ведь как ребёнок.

— Ну, ты мог бы как-нибудь потеряться, — задумчиво сказал шкипер. — Что бы это такое придумать?

— Попробовать можно, — отозвался кок, но как-то без энтузиазма.

К его ужасу, шкипер, прежде чем они вернулись в Лондон, придумал несколько способов, прибегнув к которым, мог бы остаться с мисс Джуэл наедине, причём некоторые оказались настолько изобретательны, что кок, несмотря на все свои усилия, не смог найти против них противоядия.

В Лондоне шкипер воплотил их в жизнь. Между Уопингом и Чаринг Кросс он трижды терял кока. Дважды мисс Джуэл удавалось его отыскать, но в третий раз это оказалось настолько сложно, что шкипер сам был вынужден присоединиться к поискам. Кок слушал, как мисс Джуэл выговаривает ему по поводу его неосторожного поведения, и бросил сочувственный взгляд на шкипера, когда она сделала паузу, переводя дыхание.

— Это так же плохо, как обмануть ребёнка, — сказал шкипер, хорошо имитируя негодование.

— Хуже, — добавила девушка, поджав губы.

С настойчивостью, достойной лучшего применения, шкипер толкнул кока под руку и предпринял очередную попытку. На этот раз он преуспел больше, чем в самых смелых своих мечтах, и после десятиминутных поисков обнаружил, что потерял обоих. Часами блуждал он туда и сюда, и только после одиннадцати вернулся на бриг, где нашёл ожидающего его кока.

— Мы думали, с вами что-то случилось, — сообщил он. — Кейт сегодня была просто великолепна. Спустя пять минут после того, как вы меня потеряли, она меня нашла, после чего мы принялись искать вас.

На следующий вечер, украдкой взглянув на лицо шкипера, мисс Джуэл, по всей видимости, почувствовала что-то, похожее на раскаяние. Не обращая внимания на кока, приглашавшего в театр, она решила совершить длинную поездку на omnibusе, и, сев прямо перед шкипером, предоставила возможность мистеру Джуэлу наблюдать за ними, находясь на три места позади.

Разговор какое-то время не клеился; но затем ярко освещённые улицы и люди на улицах подтолкнули шкипера к

мысли поговорить со своей соседкой о её любви к уединённому образу жизни.

— Я люблю её, — сказала мисс Джуэл со вздохом, — поскольку у меня нет выбора. И нет способа заработать себе на иную жизнь.

— Вы могли бы выйти замуж, — дрогнувшим голосом сказал шкипер.

Мисс Джуэл вздрогнула.

— Замуж! — повторила она.

— Как делают многие, — отозвался шкипер.

— Разумные люди этого не делают, — сказала девушка. — Например, вы ведь не женаты, — добавила она с улыбкой.

— Благодарение Господу, пока нет, — многозначительно ответил шкипер.

— Вот видите! — с торжеством воскликнула она.

— Просто *раньше* я не встретил женщины, которая мне понравилась бы, — сказал шкипер.

— Если я когда-нибудь выйду замуж, — сказала мисс Джуэл с изумительным хладнокровием, — если я окажусь настолько глупа, чтобы это сделать, я выйду замуж за мужчину, на несколько лет моложе меня.

— Моложе? — смущённо спросил шкипер.

Мисс Джуэл кивнула.

— Они лучше прочих годятся в мужья, — серьёзно произнесла она.

Шкипер начал спорить, сидевший до того времени позади мистера Джуэл с жаром к нему присоединился. Более ревностного сторонника трудно было себе представить, а постоянное повторение фразы «май и декабрь» свидетельствовало о наличии такта, наличие которого в нём шкипер мог себе представить с трудом. Однако, день, обещавший стать одним из лучших дней в его жизни, был безнадежно испорчен, и, ложась спать, шкипер впервые подумал, что ему лучше всего отказаться от столь безнадежного проекта.

Впрочем, прекрасное утро вернуло ему решимость; тем не менее, с каждой встречей, шкипер становился всё более и более озадаченным. Преданность кока была очевидна всем, однако мисс Джуэл оставалась изменчивой, как погода. По-

кидая её вечером, шкипер убеждал себя, что будет лучше забыть о её существовании как можно скорее; но при следующей же встрече её манеры были столь мягкими, а взгляды столь приветливыми, что только присутствие надоедливое кока мешало ему сделать предложение. Конец наступил в октябре. Шкипер прибыл из города, нагруженный покупками, поскольку мисс Джуэл, после многочисленных отказов, дала, наконец, согласие, выпить с ним чаю. Стол сгибался под тяжестью всевозможных лакомств, но девушка не приехала. Кок также отсутствовал; в каюте имелся лишь помощник, сидевший в углу и воздававший должное всему, что находилось на столе.

— Ты разве не собираешься пить чай? — спросил он.

— Немного погодя, — ответил шкипер. — Кстати, тебе тоже не мешало бы немного подождать.

— Подождать? — удивился помощник. — Чего?

— Моих гостей, — был ответ.

Помощник прожевал печенье и отхлебнул чая.

— Нет смысла, — с усмешкой сказал он. — Они не придут.

— Что ты имеешь в виду? — спросил шкипер.

— Я имею в виду, — ответил помощник, с большим удовольствием прихлёбывая чай, — я имею в виду, что ты можешь забыть о своей добродетельной жизни. У кока есть причал на берегу, он больше не вернётся. Он тебя покинул; он ушёл к Биллу Хемпу.

— Причал на берегу? — повторил шкипер, глядя на него.

— Послушай, — сказал помощник, делая большой, шумный глоток из своей чашки. — Он всё время дурачил тебя, дожидаясь момента, когда сможет уйти. Спать на корме, и питаться на корме, никто не должен жаловаться на него, ходить и общаться со шкипером; Билл сказал, что когда кок рассказывал ему это, он смеялся так, что слёзы лились у него из глаз подобно дождю. Кок сказал, что никто и никогда в жизни с ним так не обращался.

— Так и было, — пробормотал шкипер.

— Тебе следовало бы слышать, как Билл об этом рассказывал, — с сожалением произнёс помощник. — Я не могу

передать тебе и десятой доли того, как он рассказывал. Мы покатывались со смеху. Но самым смешным было то, что ты решил, будто эта девушка — его сестра.

Шкипер с резким возгласом наклонился вперёд и взглянул на него.

— Они собираются пожениться на Рождество, — сказал помощник, снова отхлёбывая чай.

Шкипер снова выпрямился, пытаясь мужественно выдержать удар. Многие вещи, которые он не мог понять до сих пор, внезапно обрели ясность; он вспомнил, как странно попрощалась с ним девушка накануне, пожелав ему спокойной ночи. Помощник с интересом взглянул на него и собрался было продолжить свой рассказ, когда его внимание привлекли шаги, раздавшиеся на трапе. Он с большой осторожностью поставил чашку и с изумлением уставился на мисс Джуэл, показавшуюся в дверях.

— Я немного опоздала, — сказала она, слегка покраснев.

После чего подошла, самым естественным образом обменялась рукопожатием со шкипером, села и стала снимать перчатки. Помощник, повернувшись, смотрел на неё с разинутым ртом; шкипер, у которого голова шла кругом, молчал. Помощник пришёл в себя первым; он вышел из каюты, потирая руки и бросая яростные взгляды на шкипера.

— Не ожидали увидеть меня? — спросила девушка, снова покраснев.

— Нет, — ответил он.

Девушка взглянула на стол.

— Я пришла попросить у вас прощения, — произнесла она тихим голосом.

— Вам не за что просить прощения, — сказал шкипер, прочистив горло. — По правде, прощения должен просить я. Вы были совершенно правы, смеяться надо мной. Сейчас я это понял.

— Когда вы спросили меня, прихожусь ли я Берту сестрой, мне не хотелось говорить «нет», — продолжала девушка, — и сначала я позволяла вам встречаться со мной, потому что Берт сказал мне, это будет хорошо для него, а потом...

— Да, — сказал шкипер, после долгой паузы.

Девушка отламывала от печенья маленькие кусочки и выкладывала их на скатерть.

— Потом я не возражала, против того чтобы вы встречались со мной, — произнесла она тихим голосом.

Шкипер затаил дыхание и пристально взглянул на неё.

Девушка смахнула крошки и смело встретила его взгляд.

— Но не очень часто, — объяснила она.

— Я был дураком, — сказал шкипер. — Я был дураком. Я стал причиной для насмешек, но, если бы сейчас была возможность вернуться к началу, я всё равно вёл бы себя так же.

— Этого не будет, — сказала девушка, покачав головой.
— Берт не придёт.

— Нет, разумеется, нет, — подтвердил шкипер.

Девушка закусила губу. Шкипер подумал, что никогда не видел таких больших, сияющих глаз. Наступило долгое молчание.

— Прощайте, — сказала, наконец, девушка, поднимаясь.

Шкипер также поднялся.

— Прощайте, — медленно произнёс он. — Желаю счастья вам обоим.

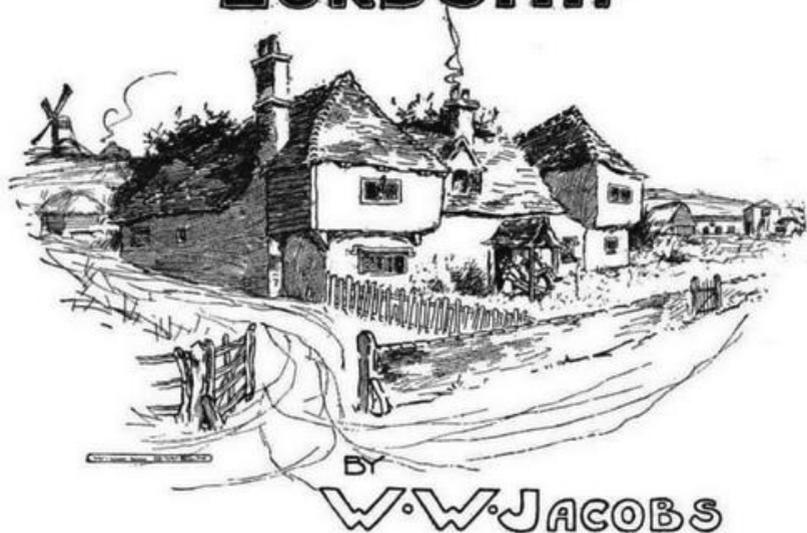
— Счастья? — удивлённо повторила девушка. — Почему?

— Потому что скоро вы поженитесь.

— Я не собираюсь замуж за Берта, — покачала головой девушка. — И сказала ему об этом сегодня днём. Прощайте.

Она успела подняться до вершины лестницы, когда шкипер пришёл в себя. Почувствовав сильную хватку на подоле своей юбки, девушка снова спустилась, и они медленно направились обратно в каюту.

HIS LORDSHIP

ЕГО СВЕТЛОСТЬ

Фермер Роуз, вечерком, сидел на крыльце своего дома и курил трубку. Рядом с ним, в удобном виндзорском кресле, расположился его друг, мельник; он также курил, посматривал сквозь полуприкрытые веки на пейзаж и в тысячный раз выслушивал жалобы хозяина на его дочь.

— Всё обстоит именно так, Крей, — гордо сказал фермер, — она слишком красива.

Мистер Крей хмыкнул.

— Что правда, то правда, я говорю так, несмотря на то, что она моя дочь, — продолжал мистер Роуз. — Она очень симпатичная. Иногда, когда мы с ней идём по рынку, — я сам видел, — люди бросают свои занятия и смотрят ей вслед.

Мистер Крей фыркнул, возможно, более громко, чем собирался.

— Прекрасна, как запах розового куста, — заметил он, когда его друг обернулся и взглянул на него.

— Знаешь, что из этого следует? — спросил фермер, снова расслабившись. — Она смотрит в зеркало, видит себя, и мучается, и чувствует себя несчастной, поскольку в наших местах нет никого, кто был бы достоин взять её в жёны.

— Я тоже удивлён, что она такая красивая, — задумчиво произнёс мельник.

— Ах! — сказал мистер Роуз и замолчал, пытаясь придумать, как ответить на замечание своего друга с подобающей скромностью.

— Она не похожа на свою бедную мать, — продолжал размышлять мистер Крей.

— Да, совсем не похожа, — согласился фермер.

— Это одна из тех вещей, которые невозможно объяснить, — сказал мистер Крей, намереваясь сменить тему, — это как если бы прекрасный цветок вдруг распустился на капустной кочерыжке.

Фермер выбил трубку и принялся снова набивать её.

— Люди говорят, что она совершенно на меня не похожа, — через некоторое время заметил он.

— Но, насколько мне известно, ты не был настолько глуп, чтобы воспринять эти разговоры всерьёз, — сказал мельник. — Хотя она похожа на тебя не более, чем ты — на грелку.

Мистер Роуз пристально взглянул на своего друга.

— Ты умеешь найти подходящие слова, Крей, — грустно заметил он.

— Прежде всего, я не собираюсь льстить, — заявил мельник, — такого никогда не было; кроме того, на всех не угодишь. Но если я скажу, что твоя дочь похожа на тебя, боюсь, она после этого перестанет со мной разговаривать.

— Хуже всего, — сказал фермер, предпочтя пропустить замечание своего друга мимо ушей, — она никак не успокоится. Сейчас она встречается с этим молодым парнем, Уолтером Ломасом, но он ей не нравится. Он славный парень, этот молодой Уолтер, и она даже назвала в честь него одну из свиней, но мне кажется, так поступать не совсем красиво.

— Если бы она была моей дочерью, то непременно вышла бы замуж за молодого Уолтера, — твёрдо сказал мельник. — Что в нём её не устраивает?

— Она считает себя выше него, — вполголоса ответил фермер. — Она читает любовные романы, полные всяких сказок, и постоянно твердит о девушке, которая пошла на сцену, а потом вышла замуж за баронета. Она каждый день отправляется в гостиную и сидит там с книгой. Она просидит так, пока не войдёт в возраст, после чего спохватится, но обвинит во всём меня.

— Ей нужно преподавать урок, — сурово произнёс мистер Крей. — Ей нужно искать своё место в жизни, а не задирать нос перед молодыми парнями и называть свиней их именами. Ей нужно понять, что никто из высшего общества даже не бросит взгляд в её сторону.

— Это было бы сделать легче, если бы они на неё не смотрели, — пробормотал фермер.

— Я имею в виду, — по-прежнему сурово продолжал мистер Крей, — с целью женитьбы. Всё, что тебе нужно сделать, это заманить сюда кого-нибудь, кто прикинется лордом или дворянином, который не будет ни общаться с ней, ни замечать её красоты. А когда она совсем расстроится, придёт Уолтер Ломас, успокоит её, и всё будет в порядке.

Мистер Роуз вытащил трубку и замер с открытым ртом.

— Да, но как... — начал он.

— И мне кажется, — прервал его мистер Крей, — что я знаю такого молодого человека, — это племянник моей жены. Он собирался погостить у нас пару недель, но я могу его тебе одолжить, поскольку мы с ним не слишком ладим.

— Но он, может быть, станет возражать, — с сомнением произнёс фермер.

— Он нам подходит как нельзя лучше, — с воодушевлением произнёс мистер Крей. — Нас бы это позабавило, а для неё стало бы хорошим уроком. Если хочешь, я попрошу его сначала написать тебе, как будто он устал от городских развлечений и хотел бы провести пару недель на свежем воздухе.

— Устал от городских развлечений, — восхищённо повторил фермер. — Устал...

Он откинулся на спинку стула и засмеялся; мистер Крей, придя в восторг, что ему так легко удалось избавиться от назойливого гостя, засмеялся тоже. А за открытым окном рассмеялся третий человек, но так тихо и воспитанно, что никто из них этого не услышал.

Через день или два фермер получил письмо, после чего были начаты переговоры между Джейн Роуз с одной стороны, и лордом Фэрмаунтом — с другой; образование фермера не позволяло ему самому принять участие в переписке.

— Очень жаль, что он хочет, чтобы всё сохранилось в тайне, — сказала мисс Роуз, прочитав последнее письмо. — Мне бы очень хотелось, чтобы Крей и ещё один-два человека знали, кто у нас остановился. Но, должно быть, у него есть на это какие-то причины.

— Нужно сделать так, как он просит, — сказал её отец, используя по назначению носовой платок.

Джейн вздохнула.

— Во всяком случае, надеюсь, он не приезжает сюда ради меня, — заметила она. — Что-то случилось, папа?

— Немного простудился, — невнятно ответил фермер, направляясь к двери и всё ещё держа в руке носовой платок. — Пойду, пройдуся.

Он надел шляпу и вышел, а мисс Роуз, наблюдая за ним из окна, раздумывала, не без опасения, как бы шутка не оказалась для пожилого человека слишком злой. Она смотрела ему вслед, а когда он вернулся, примерно через час, к ужину, то вместо него столкнулся с пылевой бурей, бушевавшей в доме, а она с удовольствием отметила, что с чувством юмора у него полный порядок.

— Ужин? — сказала она, когда он пробирался сквозь загромождение мебели в холле. — У нас нет времени думать об ужине, к тому же, нет места, где ты мог бы поесть. Так что тебе лучше пройти в кладовую и отрезать себе кусок сыра и хлеба.

Отец заколебался и взглянул на служанку, Энни, которая, обмотав голову тряпкой, самозабвенно махала метлой. Затем вздохнул, и медленно побрёл на кухню.

Мисс Роуз что-то сказала у него за спиной.

— Да? — с надеждой обернулся отец.

— Как твоя простуда?

Фермер ничего не ответил, а его дочь удовлетворённо улыбнулась, услышав, как он хлопнул дверью кладовой. Он чем-то поужинал, после чего, наотрез отказавшись помочь Энни двигать пианино, отправился в сад и закурил трубку.

Лорд Фэрмаунт прибыл на следующий день, добравшись со станции пешком, и, приветственно кивнув фермеру издали, попросил его отправить телегу за багажом. Это был высокий, красивый молодой человек, но когда он стоял в холле, с томным видом подкручивая усы, мисс Роуз сознательно решила его уничтожить.

— Это ваши дочери? — небрежно спросил его светлость, проследовав за хозяином в гостиную.

— Только одна, милорд; вторая — это служанка, — ответил фермер.

— У неё ваши глаза, — сказал его светлость, слегка приподняв лицо удивлённой Энни под подбородок. — Думаю, и ваш нос.

— Это служанка, — заметил фермер, слегка приподняв брови.

— О, в самом деле! — спокойно ответил его светлость.

Он повернулся и взглянул на Джейн, которая демонстративно опустила голову; на этот раз он не позволил себе никакой дерзости и промолчал. Последовала длительная пауза, нарушенная Энни, вышедшей на кухню.

— Надеюсь, вашей светлости у нас понравится, — сказала мисс Роуз.

— Я тоже на это надеюсь, дитя моё, — был ответ. — Не будете ли вы столь добры показать мне мою комнату?

Мисс Роуз проводила его по лестнице и распахнула дверь; лорд Фэрмаунт остановился на пороге и с пренебрежением её осмотрел.

— Это самая лучшая комната, которая у вас есть? — чопорно произнёс он.

— О, нет, — с улыбкой ответила мисс Роуз, — комната отца лучше этой. Извольте взглянуть.

Она распахнула ещё одну дверь и, не обращая внимания на стоявшую внизу фигуру, отчаянно жестикулировавшую, взглянула на гостя.

— Если вам комната отца нравится больше, он будет рад уступить её вам.

— Да, пожалуйста, — отозвался лорд Фэрмаунт, входя. — Принесите мне, пожалуйста, горячей воды, а также почистите мою обувь.

Мисс Роуз спустилась вниз с улыбкой на лице и, отмахнувшись от просьбы отца объяснить ему происходящее, поспешила на кухню. Вскоре после этого оттуда показалась Энни с горячей водой.

Для фермера стало шоком ожидать своего обеда, пока насытится его светлость. Приготовление еды под руководством его дочери отняло много времени, и то, что досталось ему, к тому времени уже остыло. Более того, аристократия, похоже, по-своему представляла правила хорошего тона, поскольку выбрала из всех блюд самые лакомые куски.

Он пообедал один, в тишине, а затем принялся искать своего гостя, чтобы договориться с ним о дальнейших действиях. Однако, поскольку Джейн, казалось, присутствовала всюду, он потратил впустую почти целый день, прежде чем получил такую возможность. Но даже тогда разговор вышел коротким. Фермер в двух словах изложил инструкции для лорда Фэрмаунта, чтобы тот изъявил желание обедать со всеми вместе в час пополудни. Инструкции о смене комнаты он дать не успел, поскольку появилась Джейн.

Его светлость отправился на прогулку, а когда возвратился, то некоторое время стоял в гостиной со скучающим видом и смотрел, как мисс Роуз шьёт.

— Очень скучное место, — наконец, недовольным голосом, сообщил его светлость.

— Да, милорд, — согласилась мисс Роуз, потупив глазки.

— Ужасно скучное, — пожаловался его светлость, с трудом подавляя зевок. — Даже не знаю, чем бы занять себя на протяжении этих двух недель.

Мисс Роуз пристально взглянула на него. Никто в их городке никогда не заботился о развлечениях.

— Боюсь, здесь и в самом деле нет никаких развлечений, — тихо сказала она. — Мы живём здесь очень простой жизнью.

— Да, — согласился тот. Он собирался сказать какой-то комплимент, но сдержался, хотя и с трудом. Мисс Роуз склонилась над своей работой и усердно шила. Его светлость взял книгу, и, вспомнив о своей миссии, пару часов читал, не обращая на неё ни малейшего внимания. Мисс Роуз несколько раз бросала быстрые взгляды в его сторону, после чего, скорчив на мгновение весьма выразительную гримасу, возобновляла шитьё.

— У неё прекрасные глаза, — сказал сам себе джентльмен, сидя на своей кровати той ночью и размышляя о дневных событиях. — Приятно наблюдать, как они вспыхивают.

В течение нескольких последующих дней он несколько раз наблюдал эту картину, а мистер Роуз был доволен, как его гость ведёт себя по отношению к его дочери.

— Но мне совершенно не нравится, как вы обращаетесь со мной, — пожаловался он.

— Это — часть плана, — возразил его светлость.

— Эту часть плана можно изменить, — немного резко сказал мистер Роуз. — Я возражаю против того, чтобы со мной разговаривали, как с Энни. Вы можете общаться свысока с моей дочерью, но не со мной. Имейте это в виду!

Его светлость пообещал вести себя с мисс Роуз в соответствии с полученными инструкциями, подчинив им испытываемые им чувства. Но даже лучшие из нас склонны к рассеянности, а потому он частенько забывал о данном им обещании.

— Надеюсь, вам у нас удобно, милорд? — спросила как-то раз она, когда они остались наедине.

— Мне никогда прежде не было так удобно, — последовал любезный ответ.

Мисс Роуз покачала головой.

— О, милорд, — возразила она, — вспомните о вашем особняке.

Его светлость вспомнила. Два или три дня назад он вспоминал о доме, о мебели и тому подобных вещах.

— Я никогда не видела старого родового поместья, — продолжала мисс Роуз, сжимая руки и пристально глядя на него. — Я была бы так благодарна вашей светлости, если бы вы его описали.

Его светлости приходилось изворачиваться, а поскольку девушка настаивала, некоторое время он выбирал между Хэмптон-кортом и Лондонским Тауэром. Наконец, первый перевесил, поскольку недавно был отреставрирован.

— Как вы, наверное, счастливы! — с восторгом произнесла Джейн, когда он закончил.

Он отрицательно покачал головой.

— Моё богатство не приносит мне счастья, — заметил его светлость. — Я бы скорее предпочёл простую жизнь. Жить, где мне нравится, и... с человеком, которого я люблю.

Тон его голоса не оставлял никаких сомнений. Мисс Роуз еле слышно вздохнула и опустила глаза — её ресницы чуть подрагивали. Затем, тихим голосом, она спросила его, какая жизнь ему нравится.

В ответ его светлость с красноречием, удивившим даже его самого, изобразил радость жизни в доме из семи комнат, в пригороде, с теплицей шесть на три фута, и садом, настолько большим, чтобы хватало сил и средств его содержать. Говорил он и в самом деле очень хорошо, а когда закончил, слушательница смотрела на него глазами, полными робкого восхищения.

— О, ваша светлость, — произнесла она, — теперь я вас понимаю. Вы занимаетесь благотворительностью.

— Благотворительностью? — не понял его светлость.

— Вы не могли бы так рассказывать об этом, если бы не видели всё собственными глазами, — сказала мисс Роуз, кивая. — Надеюсь, вы принесли бедным людям много горячего, вкусного супа.

Его светлость пытался объяснить, но безуспешно. Мисс Роуз упорствовала в своём убеждении, что он выступает в качестве миссионера, принося с собой людям тепло и пищу, и говорит о тех, кто живёт в подобных местах. И она также предупредила его об опасности заражения.

— Вы не понимаете, — с нетерпением повторил он. — Это красивые дома, и они достаточно хороши для тех, кто в них живёт. Если вы принесёте суп этим людям, они выльют его на вас.

— Негодяи! — пробормотала возмущённая Джейн.

Взгляд его светлости впился в её лицо, но оно было серьёзным и отражало сильные чувства. Он снова попытался объяснить, но безрезультатно.

— Вам не следует приближаться к таким местам, никогда, милорд, — торжественным тоном произнесла она и встала, собираясь выйти из комнаты. — Даже девушка моего общественного положения не позволила бы себе поступить подобным образом.

Она поклонилась и вышла. Его светлость опустил на стул и, сунув руки в карманы, принялся мрачно рассматривать высохшую траву в изгороди.

В течение следующего дня или двух у него пропал аппетит, проявились и другие очевидные симптомы. Мисс Роуз, рассмотрев их в совокупности, прописала ему какое-то сильное средство. Фермер отнёсся к этому с неодобрением, однако, рассудив, что в случившемся, возможно, имеется и его доля вины, пытался его успокоить. Он также заметил, что вряд ли мнение его дочери об аристократии изменится в лучшую сторону, если единственный её представитель, которого она знает, станет расхаживать по дому с таким видом, будто только что потерял свою бабушку.

— Вы, наверное, всё ещё скучаете по городским увеселениям, милорд, — заметил он однажды утром за завтраком.

Его светлость покачал головой. Его «городские увеселения» включали, помимо прочего, табурет и письменный стол.

— Мне не нравится город, — сказал он, взглянув на Джейн. — Если бы у меня был выбор, я остался бы здесь навсегда. Я скорее предпочёл бы жить в этом очаровательном месте, среди очаровательного общества, чем где бы то ни было.

Мистер Роуз кашлянул, взглянул на него, покачал головой, после чего бросил взгляд на Джейн. Молодой человек проигнорировал его знак и, получив возможность, в течение последующих десяти минут произнёс речь, содержащую столь радикальную ересь, что фермер едва мог усидеть на месте. Социальные различия были решительно осуждены, а Палата лордов названа мусорной корзиной. Фермер пристально взирал на змею, пригретую им на своей груди.

— Мнение вашей светлости изменится, когда вы вернётесь в город, — скромно заметила Джейн.

— Никогда! — значительно произнёс тот.

Девушка вздохнула и с интересом взглянула на своего отца, который, казалось, делал всё возможное, чтобы повлиять на своего гостя и смотрел на него испепеляющим взором.

— Мы будем скучать по вас, — тихо сказала она. — Вы преподали нам урок.

— Урок? — повторил тот, покраснев.

— С тех пор, как вы остановились у нас в доме, мы стали вести себя значительно лучше, — пояснила мисс Роуз, потупив глазки. — Что касается моего отца, он стал совсем другим человеком.

— Что вы имеете в виду, мисс? — возмущённо произнёс фермер.

— Не нужно говорить так в присутствии его светлости, — поспешно сказала его дочь. — Я ни в чём тебя не обвиняю; ты такой же, как и все здесь. Просто у тебя не было возможности раньше научиться хорошим манерам. В этом нет твоей вины.

— Научиться? — проревел фермер, переводя пылающий яростью взгляд на своего гостя. — Вы заметили в моём поведении что-то неправильное?

— Конечно, нет, — поспешно сказал его светлость.

— Тем не менее, — спокойно продолжала мисс Роуз, — мне очень жаль, что вы не можете задержаться здесь ещё хотя бы на полгода ради моего отца...

— Послушай... — начал мистер Роуз, хлопнув ладонью по столу.

— И Энни, — продолжала Джейн, повышая голос. — Не знаю, кому из них это больше пошло бы на пользу. Уверена, что сейчас они пьют чай так...

Мистер Роуз с грохотом отодвинул стул и поднялся. Мгновение он стоял, собираясь что-то сказать, а затем внезапно вышел из-за стола и удалился в комнату, хлопнув за собой дверью так, что было совершенно ясно: с хорошими манерами у него пока далеко ещё не всё в порядке.

— Вы разозлили вашего отца, — заметил его светлость.

— Это для его же блага, — отозвалась мисс Роуз. — А вам действительно не хочется уезжать от нас?

— Не хочется? — повторил тот. — Не хочется — это ещё мягко сказано.

— Вы будете скучать по отцу, — сказала девушка.

Его светлость вздохнул.

— И Энни, — добавила она.

Он снова вздохнул, а Джейн отвела взгляд в сторону.

— И, я надеюсь, хоть немного, обо мне, — добавила она тихим голосом.

— Скучать по вам! — задыхаясь, пробормотал его светлость. — Я меньше буду скучать по солнцу...

— Я так рада это слышать, — улыбнулась Джейн. — Так приятно чувствовать, что о тебе кто-то помнит. Конечно, я вас тоже не забуду. Вы единственный знатный человек, какого я когда-либо встречала.

— Надеюсь, дело не только в этом, — пробормотал его светлость, совершенно измученный.

Мисс Роуз задумалась. И, пока думала, глаза её стали шире и необыкновенно глубокими.

— Не-ет, — наконец, нерешительно протянула она.

— Предположим, что я не тот, за кого себя выдаю, — медленно произнёс он. — Предположим, что я никакой не лорд Фэрмаунт, а простой клерк...

— Клерк? — с дрожью в голосе повторила мисс Роуз. — Как я могу предположить подобную ерунду?

— Но что, если бы это было на самом деле? — лихорадочно спросил его светлость.

— Такое даже нельзя предположить, — покачала головой мисс Роуз. — Высокое происхождение не спрячешь.

Его светлость покачал головой.

— Я бы скорее согласился быть простым рабочим у вас на ферме, чем королём где-нибудь, — с чувством произнёс он.

Мисс Роуз изобразила носком туфельки на полу какой-то узор.

— Самый бедный работник на этой ферме имеет счастье видеть вас каждый день, — страстно продолжал его светлость. — Каждый день он может видеть вас, и чувствовать себя от этого счастливым.

Мисс Роуз бросила на него быстрый взгляд. Совсем недавно бедный рабочий видел её — и не почитал это за честь. Но выражение лица его светлости было абсолютно серьёзным.

— Завтра я уезжаю, — сказал он.

— Да, — тихо произнесла Джейн.

Он пересёк комнату и присел рядом с ней. Мисс Роуз, всё ещё глядя в пол, недоумевала, почему всё ещё не покраснела. Разговор прекратился, повисло неловкое молчание.

— Я был глупцом, мисс Роуз, — сказал он наконец и встал. — Я вёл себя эти две недели как глупец. Я всё это время обманывал вас.

— Ерунда! — живо ответила мисс Роуз.

— Я вас обманывал, — повторил он. — Я заставил вас поверить, будто у меня есть титул.

— Ерунда! — повторила девушка.

Молодой человек с недоумением посмотрел на неё.

— Никто не принял бы вас за лорда, — жёстко произнесла мисс Роуз. — Я никогда их не видела, но даже я не спутала бы. Вы совершенно не похожи на титулованную особу. Даже ваш дядя Крей лучше сыграл бы эту роль.

Племянник мистера Крея с ужасом отступил и увидел, как она смеётся. Но веселье было не заразительно, и он даже не улыбнулся.

— Не понимаю, — сказала мисс Роуз, вытирая глаза, — не понимаю, как вы могли подумать, что я настолько глупа.

— Это я был глупцом, — с горечью произнёс он, отступая к дверям. — Прощайте.

— Прощайте, — сказала Джейн. Она взглянула ему в лицо, и долгожданный румянец появился на её щеках. — Но вам не нужно уходить, если вам этого не хочется, — тихо сказала она. — Дело в том, что глупцы всё-таки нравятся мне больше, чем лорды.

ALF'S DREAM

МЕЧТЫ АЛЬФА

— Я только что выпил за здоровье человека, — сказал ночной сторож, медленно направляясь к причалу и вытирая рот ладонью, — он получил триста двадцать фунтов, и поставил мне полпинты... целых полпинты!

Он подтащил к себе маленький пустой ящик, провёл рукой по его поверхности, уселся и презрительно взглянул через реку.

— Полпинты эля, — сказал он, усмехнувшись, — а когда я спросил, — нужно трезво смотреть на вещи и иногда делать подсказку, — будет ли продолжение, он ответил «да».

Ночной сторож поднялся и принялся беспокойно прохаживаться взад и вперёд по причалу.

— Деньги, — сказал он, вновь обретя прежнее спокойствие и снова садясь на ящик, — деньги всегда выбирают не

тех людей; иные прекрасные люди, которых я знал, никогда не имели за душой больше полпенни; в то время как те, о которых не хочется вспоминать, гребли их лопатой.

Это невыносимо тяжело, ждать денег. Я знавал одного парня, который ждал более сорока лет, чтобы умерла его бабушка и оставила ему все свои сбережения; но она умерла, простудившись на его похоронах. А другой парень, которого я знал, после долгих лет ожидания, пока умрёт его богатая тётка, был повешен по обвинению в её убийстве, хотя она сама наложила на себя руки.

Это всегда огромный риск, ждать, когда родственники умрут и оставят вам деньги. Иногда они не умирают; иногда они снова женятся или выходят замуж; а иногда просто оставляют их другим людям.

Кстати, о женитьбе; мне вдруг вспомнилось, что случилось с одним молодым человеком, которого я знал, по имени Альф Симмс. Он остался сиротой, его воспитывал дядя, Джордж Хэтчард, вдовец шестидесяти лет. Альф время от времени уходил в море, став моряком; его дядя владел домом, долженствовавшим отойти после его смерти к Альфу. Дядя хотел, чтобы тот чаще бывал дома, Альф тоже этого хотел, поскольку работать не любил, так что в этом их желания совпадали.

Я иногда говорил Альфу, что шестьдесят — опасный возраст для мужчины, особенно когда он вдовствует достаточно долго, чтобы забыть, что такое быть женатым; но, следует отдать ему должное, он в моих замечаниях не нуждался. У него была своя голова на плечах, и он всегда выбирал экономку так, чтобы уберечь старика от неприятностей. Я видел двух из них, и, смею сказать, смотреть на остальных не было нужды.

Голова на плечах — вещь хорошая, но если она слишком умная — жди беды; и последняя экономка, нанятая Альфом, скончалась от старости спустя неделю после того, как он ушёл в море. Она скончалась, когда несла пиво Джорджу Хэтчарду, так что тот одновременно потерял экономку и десять галлонов лучшего горького эля.

Альф вернулся домой спустя четыре месяца, и единственный взгляд, брошенный на открывшую ему дверь новую экономку, расстроил его ужасно. Она была куда моложе предыдущих, чистенькая, словно новая булавка, и разодета так, будто была приглашена на чай.

— О, вы, должно быть, Альфред? — спросила она, увидев его.

— Меня зовут мистер Симмс, — ответил тот, входя и раздеваясь.

— Я узнала вас по вашей фотографии, — сказала экономка. — Входите. Как прошло плавание? Вытирайте ноги.

Альфред вытер ноги, прежде чем успел понять, что делает. После чего прошёл в гостиную, приняв суровый вид.

— Присаживайтесь, — произнесла экономка приятным голосом.

Альфред машинально сел, — и снова, — прежде чем понял, что делает.

— Людям должно быть удобно, — сказала экономка, — таково моё мнение. Тёплая погода для этого времени года, не так ли? Джордж наверху, он сейчас спустится.

— Кто? — спросил Альфред, не поверив своим ушам.

— Джордж, — ответила экономка.

— Джордж? Какой Джордж? — с недоумением спросил Альфред.

— Конечно же, ваш дядя, — ответила экономка. — Или вы думаете, что в доме имеется ещё какой-нибудь Джордж?

Молодой Альф сидел, смотрел на неё, и не мог сказать ни слова. Он обратил внимание, что каминная полка появилась большая фотография. Он сидел и сучил ногами, пока экономка строго не взглянула на него, после чего встал и направился наверх.

Его дядя, сидевший на кровати, когда он вошёл, сделал вид, будто не слышал его появления, и поздоровался так, словно тот никуда не уходил.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, Альф, — пробормотал он, произнеся обычное «как поживаешь?», и заговорил о погоде, пока племянник от этого не устал.

— Пока тебя не было, я совершил глупость, и не знаю, как ты к этому отнесёшься.

— Ты взял новую экономку и попросил её выйти за тебя замуж? — спросил Альф, внимательно глядя на него.

Дядя покачал головой.

— Я не просил её об этом; я бы снова женился на своей Дэви, если бы мог, — ответил он.

— Значит, ты не собираешься жениться на ней? — выдохнул Альф.

Дядя снова покачал головой.

— Она не стала бы меня слушать, — проговорил он, очень медленно и печально. — Но однажды я случайно обнял её за талию, и всё решилось само собой.

— Случайно? Как такое можно сделать случайно? — покачал головой Альф.

— Откуда мне знать? — ответил Джордж Хэтчард. — Насколько мне помнится, это вышло случайно, поэтому я так тебе и сказал.

— Значит, ты не хочешь жениться на ней? — спросил Альф. — Если ты не хочешь этого делать, тебе не нужно этого делать.

Джордж Хэтчард посмотрел на него и поморщился.

— Когда ты узнаешь её так же хорошо, как узнал её я, ты не станешь говорить подобные глупости, — сказал он. — Но нам лучше спуститься, иначе она подумает, что мы говорим о ней.

Они спустились вниз и вместе выпили чаю; молодой Альф скоро понял, что означали слова его дяди. Миссис Пирс — так звали экономку — называла дядю «дорогой» всякий раз, заговаривая с ним, а после чая села рядом с ним на диван и взяла за руку.

Альф никак не мог заснуть тем вечером, размышляя над тем, как выставить миссис Пирс из дома, а когда проснулся на следующее утро, эти мысли всё ещё занимали его. Каждый раз, оставаясь с дядей наедине, он предлагал ему выплатить миссис Пирс жалованье и отказаться от её услуг, но Джордж Хэтчард не хотел его слушать.

— Она обвинила бы меня в нарушении обещания и погубила, — ответил он. — Каждое воскресенье она читает мне газету, в основном рубрику нарушенные обещания, и она погубила бы меня, попробуй я её уволить. У неё куча моих любовных писем.

— Ещё и любовные письма! — ахнул Альф. — Любовные письма, которые ты писал ей в этом самом доме!

— Она первая начала, — ответил дядя. — Однажды утром она подсунула письмо под мою дверь, и я вынужден был ответить на него. Она не спустилась вниз и не приготовила мне завтрак, пока я этого не сделал. Я должен был писать ей каждое утро.

— Ты подписывал их своим именем? — спросил Альф, немного подумав.

— Нет, — ответил дядя, покраснев.

— Тогда о чём ты беспокоишься? — осведомился Альф.

— Ты не понимаешь, — ответил дядя и снова покраснел. — Достаточно того, что они написаны моим почерком. Я попытался забрать их обратно, но у меня ничего не получилось. И не предпринял бы второй попытки даже за пятьдесят фунтов. Слышал бы ты её...

— Если бы её первый муж был жив, она не смогла бы выйти за тебя замуж, — медленно и задумчиво протянул Альф.

— Нет, — согласился дядя противным тоном, — и если бы я был старой женщиной, она тоже не смогла бы выйти за меня замуж. Но тебе следует знать, что он пропал вместе с «Вечерней Звездой» пятнадцать лет назад.

— Она знает, — сказал Альф, — что четверо спаслось, но почему бы не спастись пятерым? Почему бы ему не зацепиться за какой-нибудь обломок и не быть спасённым? Почему бы тебе не сказать ей, что он снился тебе три ночи подряд, а потому ты уверен — он спасся?

— Даже если бы он снился мне пятьдесят ночей подряд, это всё равно ничего не меняет, — сказал Джордж Хэтчард. — Послушай, что ты задумал? Или, может быть, ты просто сошёл с ума? С твоей идеей, ты причинишь мне кучу неприятностей.

— Её первый муж жив, — улыбаясь, ответил Альф.

— Что? — пробормотал дядя.

— Он ухватился за какой-то обломок, — кивнул Альф, — как это обычно происходит в книгах; его подобрала, когда он был скорее мёртв, чем жив, и отвезли в Мельбурн. Теперь он живёт там и разводит овец.

— Ты это выдумал? — спросил его дядя.

— Это факт, — сказал Альф. — Я это знаю, потому что встретил его и говорил с ним. Она ведь не может выйти за тебя замуж, пока он жив, не так ли?

— Конечно, нет, — дрожа, ответил Джордж Хэтчард. — Но ты уверен, что здесь нет никакой ошибки?

— Разумеется, уверен, — сказал Альф.

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Джордж Хэтчард.

— Разумеется, — отозвался Альф, — но она этого не узнает. Взгляни; ты напишешь всё то, что она тебе о себе рассказывала, и отдаёшь мне, а я скоро найду парня, который скажет, что встречался с ним. За соответствующее вознаграждение, этот парень встретит кого угодно.

Сначала Джордж Хэтчард не понял его, а когда понял, наотрез отказался участвовать в этом, поскольку был уверен, что миссис Пирс сразу же их разоблачит. Но, наконец, сдался, и всё, что знал, написал: её девичью фамилию, место рождения и пр.; после чего предупредил Альфа, что, если тот осмелится обмануть ничего не подозревающую, любящую женщину, он никогда ему этого не простит.

— Ещё мне хотелось бы получить пару соверенов, — сказал Альф.

— Ни за что, — ответил его дядя. — Говорю тебе, я не хочу иметь к этому никакого отношения.

— Всего лишь на конфеты, — сказал Альф.

— Хорошо, — ответил Джордж Хэтчард; он поднялся наверх в свою спальню, спустился с тремя фунтами и протянул ему. — Если этого недостаточно, — сказал он, — дай мне знать, и я дам тебе ещё.

Альф подмигнул ему, но старик, пристально посмотрев на него, повернулся и ушёл, покачивая головой.

Назавтра у него не было возможности поговорить с Альфом; миссис Пирс, как говорится, присутствовала одновременно везде, и нагрозила последнего таким количеством мелких заданий, что времени на разговоры у того просто не осталось. Однако, на следующий день, когда экономка вышла из комнаты, дядя подошёл к племяннику и спросил, купил ли тот конфеты.

— Да, — ответил Альф, доставая пару из кармана и отправляя в рот. — Немного.

Джордж Хэтчард кашлянул и помялся.

— А когда собираешься покупать ещё? — спросил он.

— Как только кончатся эти, — ответил Альф. — Если купить сразу много, они испортятся.

Джордж Хэтчард снова кашлянул.

— Надеюсь, ты не собираешься претворять в жизнь тот план, о котором говорил со мной позавчера? — снова спросил он.

— Конечно, нет, — ответил Альф, подмигивая, — после того как ты мне это запретил. Или я не прав?

— Разумеется, прав, — ответил старик. — Прошу прощения за этот брак, Альф, но он — ради тебя. Конечно, я собирался оставить своё имущество тебе, но, полагаю, теперь мне придётся оставить его ей. Что ж, молодому человеку лучше добиваться всего самому.

— Я тоже так думаю, — сказал Альф.

— Только сегодня миссис Пирс спрашивала, когда ты снова собираешься отправиться в плавание, — сказал дядя, взглянув на него.

— Гм! — буркнул Альф.

— Кажется, она тебя невзлюбила, — сказал старик. — Это очень тяжело для меня, мой любимый, единственный племянник. Кстати, я забыл тебе сказать, что у её первого мужа, Чарли Пирса, на левом ухе была бородавка. Она часто упоминала об этом в разговоре со мной.

— Вот как! — отозвался Альф.

— Да, — сказал его дядя, — на левом ухе, и ещё — шрам на лбу; его как-то раз ударил какой-то его приятель.

Альф кивнул и подмигнул ему. Джордж Хэтчард в ответ не подмигнул, но похлопал его по плечу и сказал, что тот хорошо выглядит и с каждым днём всё больше походит на свою мать.

— Прошлой ночью мне приснился сон, — сказал Альф. — Мне снилось, что человек, который известен мне под именем Билл Флери, — но который во сне называл себя другим именем, мне не знакомым, — пришёл сюда как-то вечером, когда мы все сидели за ужином, включая Джо Моргана и его жену, и сказал, что первый муж миссис Пирс жив и здоров.

— Это очень странный сон, — сказал его дядя, — но почему в нём присутствовали Джо Морган и его жена?

— В качестве свидетелей, — ответил Альф.

Джордж Хэтчард присел, крайне удивлённый.

— Продолжай, — сказал он, потирая ногу. — Это странно, но я собирался пригласить Морганов к нам на ужин в следующую среду.

— Или во вторник? — уточнил Альф.

— Так я и сказал — во вторник, — отозвался дядя, глядя поверх его головы. — И чем же закончился твой сон, Альф?

— Вы с миссис Пирс были очень расстроены, — ответил Альф, — поскольку, конечно же, не могли пожениться, ввиду того, что жив её первый муж; последнее, что я видел, были её вещи на крыльце, ожидающие кэба.

Джордж Хэтчард собирался расспросить его поподробнее, но в этот момент появилась миссис Пирс, с носками

Альфа, которые он оставил посреди комнаты, вместо того, чтобы бросить под кровать. Последовавшая сцена была весьма неприятна, и если бы не мысль о том, что должно было случиться во вторник, Альф вряд ли сдержался бы.

Следующие день или два Джордж Хэтчард находился в таком состоянии нервозности и возбуждения, что Альф боялся, как бы экономка этого не заметила. Во вторник утром он дрожал так сильно, что она велела ему лечь в постель, опасаясь простуды, и собиралась поставить горячую горчичную припарку. Джордж побоялся сказать «нет», однако, пока она возилась на кухне, готовя припарку, выскользнул на прогулку и вылечил дрожь тремя стаканчиками виски. Она была так рассержена, что едва не поставила припарки Альфу.

За обедом она была крайне неприветлива, но после полудня немного отошла, а когда вечером пришли Морганы, и она обнаружила, что у миссис Морган на носу имеется неприятная красная опухоль, к ней вернулось хорошее настроение. Она говорила об этом почти весь ужин, наставляя её, как следует поступать, приводя в пример одного своего друга,

которому много чего пришлось испытать из-за сходной опухоли.

— Оставьте мой нос в покое, — наконец сказала миссис Морган.

— Главное, что он не влияет на её аппетит, — заявил Джордж Хэтчард, пытаясь сказать что-нибудь приятное.

Миссис Морган поднялась, но после того, как Джордж Хэтчард поспешил объяснить, что вовсе не то имел в виду, она снова села и заговорила с миссис Пирс о её одежде, о том, какая она замечательная. Она даже попросила миссис Пирс дать ей образцы, поскольку намеревалась сшить себе такую же, как только постареет.

— Люди всегда должны быть одеты в соответствии со своим возрастом, — с улыбкой произнесла она.

— Думаю, вам нужны будут более глубокие тона, чем эти, — сказала миссис Пирс.

— Нет, иначе они будут подчёркивать мой возраст, — ответила миссис Морган.

Миссис Пирс, наполнявшая в это время её бокал, пролила пиво на скатерть, и была настолько поражена, что сидела, подобно каменной статуе, почти десять минут. К тому времени ужин был почти закончен, все начали оживлённо переговариваться, кусочек сыра попал мистеру Джо Моргану не в то горло, и он чуть не задохнулся.

После ужина они затеяли игру в карты, используя в качестве денег орешки, и совсем развеселились. Они смеялись и болтали, а Джо Морган притворялся, будто хочет стащить орешки у миссис Пирс, когда Джордж Хэтчард внезапно поднял руку.

— Кажется, кто-то стучится в дверь, — сказал он.

Молодой Альф поднялся, чтобы открыть, и вскоре оставшиеся услышали мужской голос в коридоре, спрашивающий, здесь ли живёт миссис Пирс, после чего в комнату вернулся Альф, ведя за собой Билла Флери.

— Джентльмен, которого зовут Смит, спрашивает вас, — сказал он, глядя на миссис Пирс.

— Что вам угодно? — довольно неприязненно осведомилась миссис Пирс.

— Это она, — сказал Билл, поглаживая длинную белую бороду, глядя в потолок. — Вы не помните меня, миссис Пирс, но я видел вас много лет назад, когда вы и бедный Чарли Пирс жили в Поплере.

— И что из этого? — спросила миссис Пирс.

— Я здесь, — сказал Билл Флери. — Я два месяца вас разыскивал, так что теперь минута-другая не играют никакой роли. Кроме того, я должен вам сказать кое-что, но очень аккуратно, чтобы вы не подумали, будто я хочу вас разыграть.

— Чепуха! — заявила миссис Пирс. — Меня не так-то просто обмануть.

— Надеюсь, ничего неприятного? — спросил Джордж Хэтчард, наливая гостью виски.

— Совсем наоборот, — ответил Билл. — Думаю, это лучшая новость, какую она слышала за пятнадцать лет.

— В конце концов, вы собираетесь сказать мне то, ради чего пришли, или нет? — вмешалась миссис Пирс.

— К этому я и веду, — сказал Билл. — Шесть месяцев назад я был в Мельбурне, и, прогуливаясь однажды по магазинам, заметил лицо, показавшееся мне знакомым. Оно постарело, с тех пор как я видел его в последний раз, а усы посерели, но, сказал я себе...

— Кажется, я догадываюсь, что он сейчас скажет, — миссис Морган, красная от волнения, и сжала руку Джо.

— Я сказал себе, — продолжал Билл Флери, — или это призрак, или Чарли...

— Продолжайте, — сказал Джордж Хэтчард; пальцы его рук, лежавших на столе, сжались в кулаки, он широко открытыми глазами смотрел на гостя.

— Пирс, — закончил Билл Флери.

Если бы кто-то уронил булавку, это прозвучало бы, подобно грому. Все сидели и смотрели на него; затем Джордж Хэтчард достал платок и поднёс к лицу.

— Но ведь он утонул вместе с «Вечерней звездой», — пробормотал Джо Морган.

Билл Флери не ответил ему. Он налил в бокал виски и протянул его миссис Пирс, но та оттолкнула его. Оглядевшись и беспомощно покачав головой, он прикончил его сам.

— Это не мог быть он, — сказал Джордж Хэтчард, промокая глаза платком. — Я не могу в это поверить. Это было бы слишком жестоко.

— Говорю вам, что это он, — настаивал Билл. — Он ухватился за обломок, когда корабль пошёл ко дну, а через два дня был поднят на борт барка, шедшего в Новую Зеландию. Он рассказал мне об этом сам, и ещё просил, что если я когда-нибудь увижу его жену, передать ей самые лучшие его пожелания.

— Лучшие пожелания! — воскликнул Джо Морган. — Почему же он не дал знать ей, что жив?

— То же самое сказал ему я, — произнёс Билл Флери. — А он ответил, что у него на это были свои причины.

— Ну, разумеется, — кивнула миссис Морган. — Значит, теперь вы не сможете пожениться, — сказала она, обращаясь к Джорджу Хэтчарду.

— Жениться? — повторил Билл Флери, в то время как Джордж Хэтчард издал стон, удививший его самого. — О Боже! Какое счастье, что я нашёл вас!

— Полагаю, вы знаете, где его можно сейчас найти? — тихо сказала миссис Пирс, обращаясь к Биллу.

— Нет, мадам, — ответил тот, — но я думаю, вы найдёте его где-нибудь в Австралии. Он меняет имя и место жительства, но, думаю, вам удастся отыскать его без особого труда.

— Это ужасный удар для меня, — сказал Джордж Хэтчард, промокая глаза.

— Уверена, что это так, — отозвалась миссис Пирс, — потому что вы, мужчины, все одинаковы. Думаю, что если бы не получилось сейчас, вы придумали бы что-нибудь ещё.

— О, как ты можешь так говорить? — с упрёком воскликнул Джордж Хэтчард. — Это единственное, что могло нам помешать пожениться. Я удивлён.

— В таком случае, всё в порядке, — сказала миссис Пирс. — И мы всё-таки поженимся.

— Но вы не можете, — сказал Альф.

— Это двоемужие, — подтвердил Джо Морган.

— Вы получите шесть месяцев, — заявила его жена.

— Не волнуйтесь, дорогая, — сказала миссис Пирс и улыбнулась Джорджу Хэтчарду. — Этот человек ошибается.

— Ошибается! — повторил Билл Флери. — Я же говорю вам, я разговаривал с ним. Это был Чарли Пирс. Шрам на лбу, бородавка на левом ухе и всё остальное...

— Это прекрасно, — сказала миссис Пирс. — И я не знаю, от кого вы всё это узнали.

— От кого я всё это узнал? — снова повторил Билл, глядя на неё. — Конечно, от него самого.

— Разумеется, — улыбнулась миссис Пирс. — Я как-то об этом не подумала; но от этого всё становится ещё более замечательным, не так ли? Потому что он, видите ли, не отплыл на «Вечерней звезде».

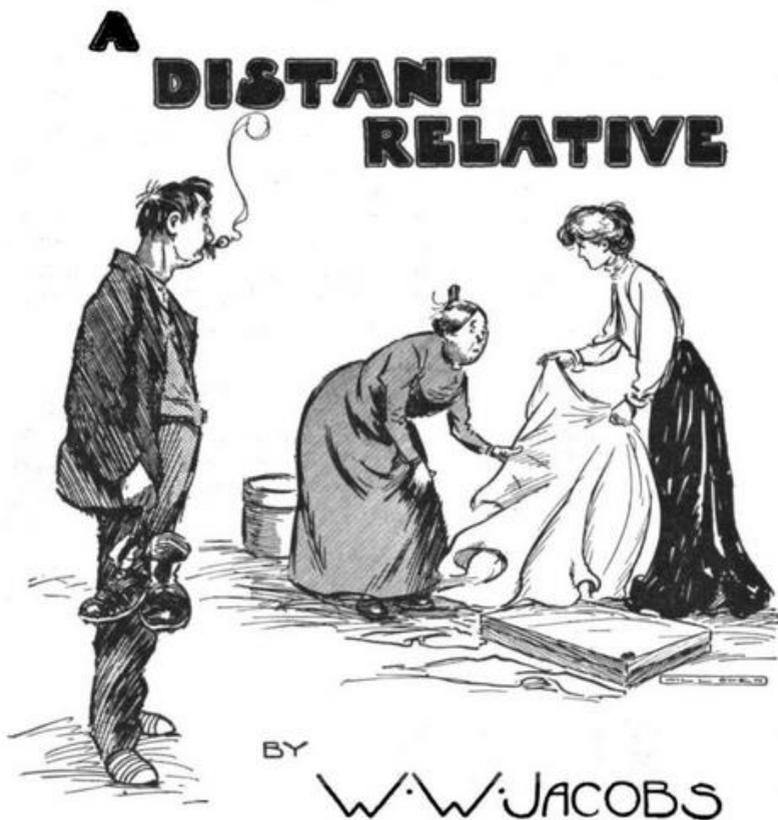
— Что? — удивился Джордж Хэтчард. — Но ведь вы сами мне говорили...

— Знаю, — согласилась миссис Пирс, — но это для того, чтобы прекратить всякие разговоры о нём. Чарли собирался в море, но ему помешали.

— Помешали? — спросили остальные в один голос.

— Да, — ответила миссис Пирс. — В ночь, когда он должен был отплыть, случилась неприятная история с бриллиантовым кольцом, и ему дали пять лет. Он назвался в полицейском участке другим именем; естественно, все думали, что Чарльз Пирс отплыл на «Вечерней звезде». А когда он умер в тюрьме, я не стала раскрывать его тайну.

Она стала доставать свой носовой платок, и, пока была занята этим, Билл Флери поднялся и вышел на цыпочках. Молодой Альф поднялся через секунду или две, чтобы посмотреть, куда тот пошёл; последними вышли Джо Морган с супругой, глядя на счастливую пару, сидевшую бок о бок; при этом Джордж Хэтчард делал жалкие попытки улыбнуться.

ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК

Мистер Поттер зашёл в кухню, чтобы попрощаться с Этель Сприггс; в маленькой передней комнате мистер Сприггс, в нетерпеливом ожидании, теребил пальцами парадный белый воротничок.

— Им, для прощания, требуется всё больше и больше времени, — пожаловался он.

— Это так обычно, — сказала миссис Сприггс, отрываясь от шитья и глядя на него. — Разве ты не помнишь...

— Нет, — упрямо заявил её муж. — Я знаю, что твой отец не надевал воротничок ради меня; и, разумеется, я не стану носить его после того, как они поженятся, даже если вы

все встанете передо мной на колени и станете меня упрашивать.

Когда дверь открылась, его лицо приняло спокойное выражение; он кивнул и пожелал спокойной ночи хорошо одетому молодому человеку, прошедшему через комнату с его дочерью.

Девушка открыла входную дверь и, выпустив мистера Поттера, оставила её слегка приоткрытой. Раздражённый мистер Сприггс ощутил поток холодного воздуха. Он громко кашлянул.

— Твой отец простудился, — обеспокоенно сказал мистер Поттер.

— Нет, это всё из-за курения, — ответила девушка. — Он курит весь день.

Возмущённый мистер Сприггс снова кашлянул; но молодые люди уже нашли новую тему для разговора. Через несколько минут между ними возникла шутивная ссора, на протяжении которой дверь постоянно открывалась и закрывалась.

— Это всего лишь на пару недель, — поспешно сказала миссис Сприггс, когда муж поднялся.

— После того, как они поженятся, — отозвался мстительный мистер Сприггс, снова садясь на своё место, — я тоже буду вот так запросто заявляться к ним в гости и забавляться с входной дверью, пока...

Он осёкся, когда его дочь захлопнула дверь, от чего лампа едва не погасла, повернула ключ и вернулась в комнату. Увидев её радостное, улыбающееся лицо, мистер Сприггс сдержался.

— Что случилось? — спросила она, взглянув на него. — Ты выглядишь странно.

— Сильный сквозняк, — ответил мистер Сприггс. — Боюсь, как бы у твоей мамы снова не разыгралась астма.

Он снова занялся воротничком и, наконец, ему удалось освободиться от своего врага; бросив его на стол, он снял ботинки. Однако попытка избавиться от костюма была быстро пресечена его дочерью.

— Сделаешь это, когда мы уйдём, — сказала она.

Мистер Сприггс вздохнул и зажёл короткую глиняную трубку, запрещённую в присутствии будущего зятя, и стал смотреть, как мать и дочь священнодействуют над платьем.

— Тот, кто не может быть счастливым с ней, — сказал он через полчаса, когда дочь, чмокнув его в макушку, пожелала спокойной ночи и удалилась, — не заслуживает того, чтобы быть счастливым.

— Скорее бы, — прошептала его жена. — Если что-нибудь случится, её сердце будет разбито, и — и Гасси зайвится через день или два.

— Девушка не может нести ответственность за своего дядю, — с яростью произнёс мистер Сприггс, — и если Альфред бросит её после этого, он — не мужчина.

— Гордыня — его огромный недостаток, — скорбно сказала его жена.

— Не следует навлекать неприятности, думая о них, — заметил мистер Сприггс. — Возможно, Гасси сюда не придёт.

— Он зайвится прямо сюда, — убеждённо сказала его жена. — Он зайвится прямо сюда и попытается затеять со мной ссору, как он обычно делал, когда мы были детьми, и у меня имелось полпенни. Я его знаю.

— Не падай духом, старушка, — сказал мистер Сприггс, — если он придёт, мы должны попытаться избавиться от него; а если он не уйдёт, мы скажем Альфреду, что он был в Австралии, точно так же, как сказали Этель.

Его жена слабо улынулась.

— Это вариант, — продолжал мистер Сприггс. — С одной стороны, я считаю, что ему будет стыдно здесь показаться; но, если это произойдёт, — он прибыл из Австралии. Понимаешь? Для него это тоже будет приятно. Ты же не думаешь, что он захочется похвастаться, где именно он был?

— А если он придёт, когда Альфред будет здесь? — спросила его жена.

— Тогда я скажу: «Как там, в Австралии?» и подмигну ему, — с готовностью ответил мистер Сприггс.

— А если тебя не окажется дома? — возразила его жена.

— Тогда скажешь это и подмигнёшь ему ты, — ответил он. — Нет, я знаю, что ты не можешь, — поспешно добавил

он, видя, что миссис Сприггс собирается возразить, — ты для этого слишком воспитана. Но ты можешь попробовать.

Слабым утешением для миссис Сприггс стало то, что мистер Август Прайс, по крайней мере, выбрал удачное время для своего появления. Через пару дней раздался слабый стук в дверь, когда они с мужем пили чай, и в комнате появилось беспокойное лицо с бегающими глазами.

— Эмма! — послышался скорбный голос, и за лицом последовала верхняя часть посетителя.

— Гасси! — в замешательстве воскликнула миссис Сприггс.

Мистер Прайс втащил свои ноги в комнату и, с необычайной осторожностью закрыв дверь, провёл рукавом пальто по глазам и нежно взглянул на неё.

— Я пришёл домой, чтобы умереть, — медленно произнёс он, пошатываясь, прошёл по комнате и обнял сестру.

— От чего же вы собираетесь умереть? — спросил мистер Сприггс, неохотно пожимая протянутую руку.

— Проблемы с сердцем, — ответил его шурин, плюхнувшись на стул.

Мистер Сприггс хмыкнул и, немного отодвинув стул, наблюдал за визитёром, пока его жена ставила перед тем тарелку. Тревожный взгляд жены напомнил ему о том, о чём он собирался поговорить с шурином, и он несколько раз прочистил горло, собираясь начать.

— Очень жаль, что мы не можем оставить вас у себя, Гасси, особенно, если учесть, что вы больны, — наконец, сказал он. — Но, возможно, вам станет лучше, когда вы немного подкрепитесь.

Мистер Прайс, собиравшийся взять кусок хлеба с маслом, убрал руку и, закрыв глаза, издал слабый стон.

— Должно быть, я не переживу этой ночи, — пробормотал он.

— Как раз к этому я и веду, — с нетерпением сказал мистер Сприггс. — Видите ли, Этель через пару недель выходит замуж, и ваша смерть здесь может всё испортить.

— Я мог бы протянуть дольше, если бы обо мне позаботились, — отозвался мистер Прайс, открывая глаза.

— А кроме того, Этель не знает, где вы были, — продолжал мистер Сприггс. — Мы сказали ей, что вы уехали в Австралию. Она выходит за молодого парня-бакалейщика, и если он встретит вас здесь, это может ужасно кончиться.

Мистер Прайс снова закрыл глаза, его губы дрогнули.

— Ему понадобилось некоторое время, чтобы свыкнуться с тем, что я — каменщик, — добавил мистер Сприггс. — Но если ему сказать, что вы...

— Можете сказать ему, что я вернулся из Австралии, если хотите, — слабо отозвался мистер Прайс. — Я не против.

Мистер Сприггс снова прочистил горло.

— Но, видите ли, мы сказали Этель, что там у вас всё идёт прекрасно, — сказал он со смущённой улыбкой, — и, когда Альфред рассказывал о своих родственниках, пользуясь случаем, рассказала ему о вас.

— Это не имеет никакого значения, — любезно отозвался мистер Прайс, — можете говорить, что хотите. Не буду вмешиваться.

— Но ты не выглядишь так, будто у тебя всё хорошо, — вмешалась сестра. — Ты только взгляни на свою одежду.

Мистер Прайс поднял руку.

— Это легко поправить, — заметил он, — пока я пью чай, Джордж сходит и купит всё необходимое. Вы можете купить всё, в чём, на ваш взгляд, я буду лучше всего выглядеть — чёрный фрак подойдёт, я думаю, но я оставляю это на ваше усмотрение. Жилет, светлые брюки, и пара туфель.

Он выпрямился на стуле и, не обращая внимания на ужас в глазах сестры и её мужа, налил себе чая и взял кусок пирога.

— У вас есть деньги? — после долгой паузы спросил мистер Сприггс.

— Они остались в Австралии, — с болезненной улыбкой ответил мистер Прайс.

— Вам лучше? — резко спросил его шурин. — Как сердце?

— Как только я получу жилет, оно сразу перестанет болеть, — был ответ, — кстати, Джордж, не забудьте про галстук и заклепку, а также, желательно, про золотые часы с цепочкой...

Его прервала яростная тирада мистера Сприггса, — несколько бессвязное изложение прошлого мистера Прайса, в сочетании с не очень вежливыми предположениями относительно его будущего.

— Вы теряете время, — спокойно сказал мистер Прайс, когда тот замолчал, переводя дыхание. — Не хотите, можете не покупать. Я просто пытался помочь вам, только и всего. Лично я не против того, чтобы кто-то узнал, где я был на самом деле. Я не виноват. Но если вы исполнены греховной гордыни, то должны за это платить.

Мистер Сприггс, ценой страшных усилий, взял себя в руки.

— Вы уйдёте, если я дам вам фунт? — спокойно спросил он.

— Нет, — с улыбкой ответил мистер Прайс. — Для меня, помимо денег, существует кое-что ещё. Я хочу увидеть свою дорогую племянницу и посмотреть, достаточно ли хорош для неё этот молодой человек?

— Два фунта? — предложил его шурин.

Мистер Прайс покачал головой.

— Я не могу этого сделать, — спокойно ответил он. — Это было бы несправедливо. Тебе будет одиноко, когда уйдёт Этель, но я останусь, и составлю тебе компанию.

Каменщик готов был взорваться; но, повинувшись взгляду жены, прикусил губу и послушно пошёл за ней наверх. Мистер Прайс, набивая свою трубку из коробки с табаком, стоявшей на каминной полке, ободряюще подмигнул самому себе в зеркале и слегка улыбнулся, услышав звон монет наверху.

— Не ошибитесь с размерами, — предупредил он, когда мистер Сприггс спустился вниз и снял шляпу с гвоздя. — Примерно на пару дюймов короче, чем вы, и немного больше в талии.

Мистер Сприггс несколько секунд с яростью смотрел на него, а затем, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Оставшись один, мистер Прайс принялся расхаживать по комнате, а затем, подвинув стул к камину, закинул ноги на решётку и задумался.

Два часа спустя он сидел в той же комнате, изменившийся до неузнаваемости. На нём были светлые брюки, жилет и пальто. Большая хризантема в петлице его сюртука довершала картину австралийского миллионера, как её понимал мистер Сприггс.

— Замечательные часы с цепочкой, немного денег в моём кармане, и я буду в полном порядке, — промурлыкал мистер Прайс.

— Вы больше ничего от меня не получите, — с яростью произнёс мистер Сприггс. — Я потратил всё, что у меня было, до фартинга.

— За исключением банковских сбережений, — сказал его шурин. — Даю вам день или два. Возможно, к разговору о часах и цепочке мы вернёмся в субботу?

Мистер Сприггс беспомощно взглянул на жену, но та отвела взгляд. Тогда он посмотрел на мистера Прайса, который дружески кивнул ему.

— Я пойду с вами и помогу выбрать, — сказал последний. — Если это и не сохранит ваши деньги, то, по крайней мере, избавит от неприятностей.

Он сунул руки в карманы брюк и, широко расставив ноги, откинув голову назад, выдохнул дым в потолок. Он находился в этом положении, когда домой, в сопровождении мистера Поттера, вернулась Этель.

— Это... это твой дядя Гасси, — объяснила миссис Сприггс, когда девушка увидела гостя.

— Из Австралии, — добавил её муж.

Мистер Прайс улыбнулся; его племянница заметила, как он вынул изо рта трубку, вытер губы тыльной стороной ладони, подошёл и чмокнул её в лоб. Затем был представлен мистер Поттер; мистер Прайс был с ним необыкновенно вежлив и позволил себе заметить, что тот очень похож на одного его молодого друга, зарабатывающего в год сорок тысяч.

— Это почти столько же, сколько зарабатываете вы, дядя? — спросила мисс Сприггс.

Мистер Прайс покачал головой и задумался.

— Немного меньше, — ответил он, наконец, — немного меньше.

Мистер Поттер судорожно вздохнул; мистер Сприггс, наклонившийся над огнём, чтобы зажечь свою трубку, едва не уронил её в камин. Последовало многозначительное молчание.

— Деньги — это ещё не всё, — сказал мистер Прайс, покачивая головой и оглядываясь. — Хотя, конечно, без них нельзя.

Его взгляд блуждал по комнате, пока, наконец, не остановился на мистере Поттере. Молодой человек с трепетом заметил, что этот взгляд полон доброжелательности.

— Конечно, это не очень хорошо, что вы приезжаете вот так, не поставив нас в известность, и застаёте нас врасплох! — сказала Этель.

— Мне просто хотелось увидеть вас в последний раз, прежде чем я умру, — ответил её дядя. — Всего лишь короткий визит, но твои отец и мать и слышать не хотят о моём отъезде.

— Конечно, нет, — сказала Этель, помогая молчавшей миссис Сприггс накрывать на стол.

— Когда я сказал об отъезде твоему отцу, он заявил, что ни за что не отпустит меня, — продолжал мистер Прайс.

— Он прав, — ответила девушка. — А теперь присаживайтесь за стол, ужинайте и расскажите нам всё об Австралии.

Мистер Прайс присел, но, заявив, что ему не хочется говорить об Австралии, поскольку она ему не очень нравится, сказал, что предпочёл бы поговорить о прошлом и будущем мистера Поттера. Он узнал, помимо прочего, о том, что этот джентльмен осторожен и бережлив, и что его сбережения, плюс полученное наследство, составляют вместе сто десять фунтов.

— Альфред собирается остаться у Палмера и Майса ещё год, после чего мы откроем собственное дело, — сказала Этель.

— Это правильно, — одобрил мистер Прайс. — Мне нравится, когда молодые люди прокладывают свой собственный путь, — добавил он многозначительно. — Это хорошо для них.

Всем стало ясно, что мистер Поттер ему очень понравился. Он стал обсуждать с ним торговлю продуктовыми товарами как богатый человек, ищущий хорошие инвестиции, и время от времени неясно намекал на возвращение в Англию после поездки в Австралию, чтобы поселиться здесь в лоне своей семьи. После ужина он принял сигару от мистера Поттера, а когда молодой человек уходил, необычно поздно, пошёл его провожать.

Это был первый из нескольких приятных вечеров, и мистер Прайс, купивший подержанную книгу об Австралии в книжном киоске, больше не отказывался рассказывать о своей жизни. Золотые часы и цепочка, проделавшие серьёзную дыру в банковском счёте его шурина, придавали ему респектабельность, равно как и булавка для галстука со сверкающим камнем. Под влиянием хорошей еды и домашнего комфорта он день ото дня округлялся, и несчастный мистер Сприггс ломал голову, как избавиться себя от его дальнейших посягательств. После второго вечера он уже называл мистера Поттера просто Альфом, и читал молодым людям, внимательно его слушавшим, лекции на тему: «Деньги: как их зарабатывать и как их сохранить».

Его собственные отношения с мистером Сприггсом представляли собой прекрасный наглядный пример, о котором он, однако, умалчивал. Начав с шиллинга, он постепенно перешёл к половине кроны, а затем, воодушевлённый успехом, как-то днём потребовал полсоверена на свадебный подарок. Миссис Сприггс вытащила своего пришедшего в ярость мужа на кухню и шёпотом сказала ему:

— Дай ему то, что он хочет, пока они не поженятся, — умоляла она. — После этого Альфреду уже ничего не оста-

нется, как молчать, подобно всем остальным, поскольку это будет в его интересах.

Мистер Сприггс, всю жизнь бывший разумным человеком, нашёл полсоверена и несколько новых эпитетов, с которыми вручил деньги мистеру Прайсу. Последний выслушал его спокойно. Сияющие глаза и спокойная улыбка свидетельствовали о том, что он, скорее всего, относится к ним, как к своего рода комплиментам.

— Я сегодня утром отправил телеграмму в Австралию, — сказал он, когда все, вечером, собрались за ужином.

— Относительно моих денег? — нетерпеливо спросил мистер Поттер.

Мистер Прайс нахмурился.

— Нет, я попросил своего секретаря прислать вам свадебный подарок, — сказал он, глядя на мистера Сприггса. — Что-нибудь подходящее. Здесь я ничего подходящего найти не смог.

Молодые люди с благодарностью посмотрели на него.

— Что вы имели в виду, когда сказали о деньгах? — поинтересовался мистер Сприггс, обращаясь к своему будущему зятю.

— Ничего, — уклончиво ответил тот.

— Это секрет, — добавил мистер Прайс.

— В чём он заключается? — снова спросил мистер Сприггс, повысив голос.

— Это небольшое дело между мной и дядей Гасси, — несколько напряжённо ответил мистер Поттер.

— Вы... вы не отдали ему ваши деньги? — пробормотал каменщик.

— Не глупи, отец, — резко сказала мисс Сприггс. — Какая польза дяде Гасси от денег Альфреда? Но если хочешь знать, Альфред отдаёт их ему, чтобы он сделал для него выгодное вложение.

Глаза мистера и миссис Сприггс с одной стороны, и мистера Прайса — с другой, сошлись в безмолвной дуэли. Последний заговорил первым.

— Я беру его в дело, — сказал он, — в своё дело, в Австралии.

— И он не хотел, чтобы вы знали о его щедрости, — добавил мистер Поттер.

Смущённый мистер Сприггс беспомощно обежал взглядом присутствующих. Жена толкнула его ногой, и он, подобно механической игрушке, сжал губы.

— Я не знала, что вы держите ваши деньги под рукой, — дрожащим голосом произнесла миссис Сприггс.

— Я заказал их в банке, и должен получить в пятницу, — с улыбкой сказал мистер Поттер. — Такой шанс предоставляется не каждый день.

Он наполнил бокал дяди Гасси, тот сразу же поднял его и предложил выпить за здоровье молодых.

— Если случится что-то, способное помешать их браку, — сказал он, бросив быстрый взгляд на сестру, — они будут несчастны всю жизнь.

— Да, это так, — мрачным тоном подтвердил мистер Поттер, пожимая под столом руку мисс Сприггс.

— Единственное, что имеет цену, это любовь, — продолжал мистер Прайс, глядя искоса на своего шурина. — Деньги — ничто.

Мистер Сприггс опустошил свой бокал и, нахмутив брови, рисовал на ткани узоры рукояткой своего ножа. Жена по-прежнему наступала ему на ногу под столом, и он ждал инструкций.

Однако на этот раз миссис Сприггс не смогла их дать. Даже когда мистер Поттер ушёл, а Этель поднялась наверх, она продолжала молчать. Некоторое время она сидела и смотрела на огонь, изредка бросая взгляд на дядюшку Гасси, курившего сигару; затем встала и наклонилась к своему мужу.

— Поступай так, как сочтёшь нужным, — усталым голосом произнесла она. — Спокойной ночи.

— Так что там такое с деньгами молодого Альфреда? — спросил мистер Сприггс, когда за ней закрылась дверь.

— Я собираюсь вложить их в своё дело, — мягко ответил дядя Гасси, — в своё австралийское дело.

— Ха! Сначала ты решишь этот вопрос со мной, — сказал мистер Сприггс.

Его шурин откинулся назад и с безмятежным наслаждением затянулся сигарой.

— Поступай так, как знаешь, — спокойно ответил он. — Если ты всё расскажешь Альфреду, я, разумеется, денег не получу, равно как Этель не получит жениха. Кроме того, он узнает, что вы лгали ему.

— Интересно, как у тебя хватает наглости смотреть мне в глаза, — яростно произнёс каменщик.

— Я дал ему понять, что вы посчитали бы лучшим вложением его ста десяти фунтов — в мои акции, — равнодушно добавил мистер Прайс. — Он так молод, что верит во что угодно. Господь да благословит его!

Мистер Сприггс вскочил с кресла, сжал кулаки и бросился к нему. Мистер Прайс с вызовом взглянул на него.

— Если вы щепетильно честный человек, то можете заглядывать свою вину, — медленно произнёс он. — Вы бережливый человек, я знаю, а Эмме досталось целиком то, из чего я рассчитывал получить свою долю. Подумайте над этим, а я пока что пойду спать. Доброй ночи!

Он поднялся, зевнул и направился к двери, а мистер Сприггс, подавив в себе желание порвать его на куски и вышвырнуть их на улицу, погасил лампу и поднялся наверх, чтобы обсудить этот вопрос утром с женой.

Когда на следующий день мистер Сприггс отправился на работу, вопрос всё ещё не был решён, но, с наибольшей вероятностью, мистеру Прайсу удавалась его затея. До свадьбы оставалось пять дней, в доме царил предсвадебная суматоха. Мрачное настроение, от которого он никак не мог избавиться, он приписывал разыгравшейся зубной боли, не поддававшейся различным средствам, предложенным дядей Гасси, а также совету прибегнуть к услугам превосходного дантиста, вытащившего зуб мистера Поттера с третьей попытки.

С дядей Гасси, в чём-либо присутствии, он общался дипломатично, но давал волю своим кровожадным чувствам, когда они оставались наедине. Точно так же он менял своё отношение к мистеру Прайсу, приписывавшему такое поведение зубной боли; предлагал виски и коктейли в присутствии кого-либо, и советовал набрать в рот холодной воды, сесть на огонь и ждать, когда она закипит, — наедине.

Он уходил на работу в четверг в подобном же состоянии; но когда вернулся — просто светился от счастья. Повесив шляпу на гвоздь, он расцеловал свою жену, и, на виду неодобрительно взиравшего на него мистера Прайса, сделал несколько танцевальных па.

— Неожиданно разбогатели? — осведомился последний.

— Нет, лучше, — весело ответил мистер Сприггс. — Интересно, как я сам до этого не додумался.

— Не додумались до чего? — спросил мистер Прайс.

— Скоро узнаете, — ответил мистер Сприггс. — Поблагодарите за это самого себя.

Дядя Гасси подозрительно фыркнул; миссис Сприггс потребовала объяснений.

— Я нашёл выход, — сказал её муж, подвигая стул к чайному столику. — Никто не пострадает, кроме Гасси.

— Ха! — резко выдохнул последний.

— Я не пошёл на работу, — сказал мистер Сприггс, радостно улыбаясь жене, — и отправился навестить моего друга, Билла Уайта, полицейского, и всё рассказал ему о Гасси.

Мистер Прайс застыл в кресле.

— По его совету, — сказал мистер Сприггс, отпивая чай, — я написал в Скотланд Ярд письмо, в котором сообщил, что Август Прайс, досрочно освобождённый, пытается мошенническим образом получить сто десять фунтов.

Мистер Прайс, бледный и бездыханный, поднялся и воззрился на него.

— То, что посоветовал Билл, просто замечательно, — с удовольствием продолжал мистер Сприггс, — поскольку Гасси снова отправится в путешествие. Ему придётся скрывать-ся, ибо, если его поймают, ему грозит остаться в тюрьме до конца своих дней. Ещё Билл сказал, что если Гасси напишет письмо кому-нибудь из нас, поймать его будет проще. Так что вам лучше отправиться в Австралию с первым пароходом, Гасси.

— Когда вы отправили письмо? — раздражённо осведомился дядя Гасси.

— В два часа, — ответил мистер Сприггс, глядя на часы. — У вас совсем мало времени.

Мистер Прайс шагнул к вешалке, схватил свою шляпу, выглянул за дверь, глянул вверх и вниз по улице, после чего тихо исчез. Миссис Сприггс взглянула на мужа.

— Вызван в Австралию срочной телеграммой, — сказал тот, подмигивая. — Билл Уайт — голова; этого у него не отнять.

— Ах, Джордж! — сказала она. — Ты и вправду написал это письмо?

Мистер Сприггс снова подмигнул ей.

THE TEST

ИСПЫТАНИЕ

Городок был скучным, и мистер Фредерик Дикс, помощник капитана кеча «Морская звезда», после долгих и неудачных поисков развлечений, вернулся в гавань с идеей лечь спать и позабыть о своём разочаровании. Несколько магазинов на Хай-стрит были закрыты, а единственное развлечение, предлагаемое в тавернах, заключалось в закуске и выпивке. Поступок по отношению к нему владельца «Надежды лоцмана», где мистер Дикс попытался оживить атмосферу песнями и танцами, всё ещё ранил его память.

Шкипер и матросы всё ещё пребывали на берегу, и кеч выглядел настолько одиноко, что помощник, раздумав возвращаться, глубоко засунул руки в карманы и отправился бродить возле гавани. Было темно, единственный человек, которого он видел, стоял у края причала, пристально глядя в воду. Человек стоял так долго, что возбудил любопытство помощника, и он, пару раз пройдя мимо него, отважился,

наконец, подойти и сделать замечание по поводу прекрасной ночи.

— Ночь и в самом деле прекрасная, — мрачно ответил на это молодой человек.

— Вы стоите слишком близко к краю, — сказал помощник, после паузы.

— Мне нравится стоять на краю, — был ответ.

Мистер Дикс присвистнул, взглянул на высокого молодого человека с бледным лицом, стоявшего перед ним, сдвинул шапку и почесал голову.

— С вами всё в порядке? — осторожно осведомился он.

Молодой человек застонал и отвернулся; тогда помощник, немного взволнованный, осторожно взял его за рукав и оттащил от края. Сочувствие порождает доверие, и уже спустя десять минут он узнал, что Артур Хёрд, отвергнутый Эммой Смит, был готов совершить ужасный, преступный акт самоуничтожения.

— Я знал её семь лет, — сказал мистер Хёрд, — семь лет, и это — конец всему.

Помощник покачал головой.

— Я сказал ей, что пойду и утоплюсь, — продолжал мистер Хёрд. — Моими последними словами были: «Ты пожалеешь, когда увидишь мой раздутый труп».

— Думаю, она будет плакать и жалеть, — вежливо сказал помощник.

Молодой человек повернулся и взглянул на него.

— Но вы же не думаете, что я и в самом деле собирался так поступить? — резко спросил он. — Ни за что на свете я не стал бы топиться.

— Зачем же вы сказали ей, что собираетесь это сделать? — спросил озадаченный помощник.

— Потому что полагал, это расстроит её и заставит изменить решение, — с горечью ответил молодой человек. — Но мои слова вызвали у неё смех, будто я удачно пошутил.

— Вряд ли она сочла бы их шуткой, если бы вы и в самом деле так поступили, — рассудительно заметил помощник. — Её жизнь была бы испорчена.

— А моя нет, я полагаю? — с сарказмом произнёс мистер Хёрд.

— Завтра, увидев вас, она будет над вами смеяться, — сказал помощник. — Она принадлежит именно к таким девушкам?

Мистер Хёрд подтвердил, что именно к таким, и, забыв на мгновение о своей бескрайней любви, в самых яростных выражениях, какие только смог припомнить, заявил о её страсти к сплетням. Помощник, не желая, чтобы перспективное приключение закончилось прозаично, задумчиво смотрел на него.

— Почему бы вам не броситься в воду, — предложил он, — не обратиться оттуда и не отправиться к ней домой, мокрым?

— Умно, не правда ли? — очень нелюбезным тоном отозвался мистер Хёрд. — Броситься в воду, намереваясь совершить самоубийство, и тут же передумать. Наверное, над таким самоубийцей будут потешаться сильнее, чем над кем-либо.

— Предположим, я спасу вас против вашей воли? — продолжал искуситель. — Что тогда?

— Было бы неплохо, если бы я рискнул, — ответил молодой человек, — но я этого не сделаю. Я должен буду какое-то время барахтаться в воде, пока вы не нырнёте и не вытащите меня, так? Вы тоже должны быть мокрым.

— Это вовсе не обязательно, — сказал мистер Дикс. — Предположим, я успел снять одежду. Главное, что я вас вытащил.

Мистер Хёрд взглянул на чёрную воду в дюжине футов ниже.

— Здесь? — коротко спросил он.

— Ни в коем случае, — ответил помощник. — Идёмте в конец причала, там берег уходит в воду полого. Там мелко, но вы можете сказать ей, что прыгнули здесь. Она всё равно не узнает.

С энтузиазмом, которого мистер Хёрд не разделял, он привёл его к указанному месту, описывая его преимущества, после чего предложил немедленно войти в реку и снова выйти.

— Лучшей ночи нельзя и пожелать, — бойко сказал он. — Глядя на вас, мне кажется, я мог бы окунуться и сам.

Мистер Хёрд угрюмо хмыкнул, потрогал воду рукой, медленно и неохотно ступил в неё одной ногой. Затем, внезапно решившись, зашёл поглубже, окунулся с головой и поднялся.

— Прекрасно, — восхищённо сказал помощник. — А теперь ещё раз, чтобы одежда как следует пропиталась.

Мистер Хёрд снова погрузился, после чего, спотыкаясь, побрёл к берегу.

— Вытаскивайте меня, — резко произнёс он.

Мистер Дикс, со снисходительной улыбкой, протянул ему руки, в которые мистер Хёрд вцепился пресловутой хваткой утопающего.

— Хорошо, спокойно, не волнуйтесь, — сказал первый, улыбаясь, — четыре фута воды никому не повредят, если... Стой! Отпустите меня, слышите? Отпустите! Если вы не отпустите меня, я вас ударю.

— Вы не мог бы спасти меня против моей воли, если бы не бросились в воду, — сказал мистер Хёрд. — А теперь мы можем сказать, что вы прыгнули с причала и спасли меня, когда я уже начинал захлёбываться. Вы будете героем.

Помощник ничего не успел сказать о героизме. Он был на три стоуна легче мистера Хёрда, и стоял на самом краю. Рывок был настолько неожиданным, что он не удержался и полетел в воду, и только круги на ней указывали на место, где он скрылся под поверхностью. Мистер Хёрд выбрался на берег первым, но почти сразу же над водой возникла физиономия помощника с широко открытым ртом. Тот выполз на берег.

— Вы... погодите, вот только восстановлю дыхание... — выдохнул он.

— Надеюсь, всё в порядке? — с беспокойством сказал мистер Хёрд. — Я всем расскажу о вашей храбрости. Не следует волноваться по пустякам.

Мистер Дикс поднялся и сжал кулаки, но вид вымокшей, несчастной фигуры перед ним, совершенно изгнал из него гнев, и он рассмеялся.

— Идёмте, приятель, — сказал он, хлопнув мистера Хёрда по спине. — Идёмте прямо к вашей Эмме. И если она не полюбит вас сейчас, то уж не полюбит никогда. Вид у вас — самый подходящий!

Он начал движение в направлении к городу; мистер Хёрд, широко расставляя ноги и крепко обхватив его руками, плёлся рядом с ним. Позади них оставались два маленьких ручья.

Они молча двигались по причалу и дошли уже почти до его конца, когда из-за угла дома показалась какая-то фигура и двинулась к ним.

— Старый Смит! — поспешно, шёпотом сказал мистер Хёрд. — Теперь будьте осторожны. Держите меня крепко.

Вновь появившийся, вышедший на прогулку, увидев их, пришёл в замешательство, а затем, с криком удивления, когда свет фонаря высветил их жалкое состояние, бросился к ним.

— Это ты, Артур! — воскликнул он.

— Привет, — мрачно отозвался мистер Хёрд.

— То, что ты задумал, просто ужасно, — серьёзно сказал мистер Смит. — Эмма всё рассказала мне, но я никогда бы не подумал, что ты зашёл так далеко, чтобы попытаться это сделать. Я удивлён.

— Я этого и не сделал, — хрипло сказал мистер Хёрд. — Никто не может пойти и спокойно утопиться, когда вокруг столько доброжелателей, готовых вмешаться.

Мистер Смит пристально посмотрел на помощника, и на лице его отобразилось восхищение, когда он схватил его руку.

— Идёмте в дом, вы сможете там переодеться, — тепло сказал он.

После чего протиснул своё сильное, крупное тело между ними и, ухватив каждого за воротник, поволок к дому. Помощник пробормотал что-то о возвращении на свой корабль, но мистер Смит отказывался слушать его, остановился у двери аккуратного коттеджа, повернул ручку и ввёл своих промокших до нитки спутников в удобную гостиную.

Им навстречу поднялись приятная женщина среднего возраста и симпатичная девушка лет двадцати, уши мистера Хёрда уловили слабый возглас.

— Вот он, — сказал мистер Смит, — удалось спасти в последний момент.

— Сразу двоих? — воскликнула мисс Смит, с лёгкой насмешкой в голосе. Её взгляд упал на помощника, она одобрительно улыбнулась.

— Нет, один из них спас другого, — ответил её отец.

— Ах, Артур! — сказала мисс Смит. — Как мог ты так поступить! Я даже представить себе не могла, что ты пойдёшь и сделаешь это! Что ты на такое способен!

Мистер Хёрд застенчиво улыбнулся.

— Я же сказал, что я сделаю это, — пробормотал он.

— Долгие разговоры совершенно ни к чему, — сказала миссис Смит, глядя на лужу, расплывшуюся по ковру. — Они простудятся. Отведи их наверх и дай сухую одежду. А я приготовлю им горячий виски.

— Лучше ром, — сказал мистер Смит, подхватывая своих гостей и увлекая их по маленькой лестнице. — Пошли за ним Джо. Пусть принесёт три.

Они скрылись наверху, а Джо, появившийся в этот момент с кухни, был отправлен в «Блю Джей» за ромом. Парочка любопытных соседей помогла ему и, скромно зайдя внутрь, отважилась дать несколько ценных указаний о способе приготовления. После чего стали разговаривать, время от времени поглядывая в сторону мисс Смит и покачивая головами.

Под воздействием рома и энергичного мистера Смита, мужчины переодевались недолго. После чего хозяин снова доставил их в гостиную; мистер Хёрд выглядел так, словно отчаялся и ничуть не сожалеет о содеянном, а мистер Дикс пытался скрыть свою тревогу, проявляя интерес к своему одеянию, оказавшемуся больше его собственного на три размера.

— Они оба едва не утонули, — сказал мистер Смит. — Он говорит, что Артур отбивался, как сумасшедший, не желая, чтобы его спасали.

— Это и в самом деле было именно так, — сказал помощник очень тихо, встретившись с восхищённым взглядом мисс Смит.

— Вы слышите? — с восторгом произнёс мистер Смит. — Все храбрецы таковы. Это то, что делает нас англичанами, такими, какими мы есть.

— Полагаю, он не понимал, что его спасают, — раздался голос от двери.

— Я не хотел, чтобы меня спасали, — с вызовом ответил мистер Хёрд.

— Тебе ничто не мешает сделать это снова, Артур, — сказал тот же голос. — Причал никуда не денется.

Мистер Хёрд повернулся и со злостью взглянул на говорившего.

— Расскажите нам всё, — попросила мисс Смит, глядя на помощника и умоляющим жестом складывая руки. — Вы видели, как он прыгнул?

Мистер Дикс покачал головой и взглянул на мистера Хёрда, как бы ища его совета.

— Н-не совсем, — промямлил он. — Я просто прогуливался по причалу, перед тем как вернуться на свой корабль, когда внезапно услышал крик о помощи...

— Вы не могли услышать ничего подобного, — с яростью вмешался мистер Хёрд.

— Ну, это звучало именно так, — сказал помощник, немного ошеломлённый.

— Мне всё равно, как это звучало, — ответил мистер Хёрд. — Я не звал на помощь. Это последнее, что я сделал бы. Я не хотел, чтобы меня спасали.

— Возможно, он крикнул «Эмма!», — донёсся голос от двери.

— Наверное, так и было, — согласился помощник. — Так вот, как только я это услышал, то подбежал к краю и взглянул вниз, на воду, но поначалу ничего не увидел. Потом мне показалось, что я вижу собаку, но, зная, что собаки не могут кричать: «Помогите!»...

— Эмма, — поправил мистер Хёрд.

— Эмма, — поправился помощник, — то сразу и нырнул. Когда я всплыл на поверхность, я ударил его и попытался ухватить сзади, но, прежде чем смог это сделать, он обнял меня за шею, словно...

— Словно это была Эмма, — раздался голос от двери.

Мисс Смит поднялась с величественным достоинством и взглянула на говорившего.

— Каким образом вы здесь оказались, Джордж Харрис? — холодно спросила она.

— Я увидел, что дверь открыта, — ответил мистер Харрис. — Я увидел, что дверь открыта, и подумал...

— Если вы снова посмотрите на неё, то увидите ручку, — сказала мисс Смит.

Мистер Харрис взглянул, увидел ручку, осторожно открыл дверь и исчез, дабы избежать взгляда, слишком страшного, чтобы его можно было вынести.

— Мы пошли ко дну как камень, — продолжал помощник, когда мисс Смит снова опустилась в кресло и улыбнулась ему. — Я вытащил его на поверхность, но он снова попытался высвободиться. Так было несколько раз, но сколько — сказать не могу. Наконец, он почти перестал сопротивляться, и мне удалось потащить его за собой.

— Он мог утопить вас, — сказала мисс Смит, с осуждением глядя на своего несчастного поклонника. — И моё личное убеждение, он упал в воду случайно. А когда вы думали, что он старается высвободиться, он просто старался спастись сам, любым способом. Это на него больше похоже.

— Всё в порядке, — сказал мистер Смит, пока мистер Хёрд боролся с собой. — Теперь этот парень за свой поступок получит медаль Королевского общества, или я буду не я.

— Нет, нет, — поспешно сказал помощник. — Не нужно медали, я даже не думал о ней.

— Братъ её или нет, дело ваше, — сказал мистер Смит, — но я пойду в полицию и постараюсь выхлопотать её для вас. У меня есть один знакомый инспектор.

— Я не могу её принять, — сказал помощник, ужаснувшись, — это... это... кроме того, разве вы не понимаете, что мистера Хёрда посадят за попытку самоубийства.

— Он прав, — сказал от двери оставшийся сосед, — он абсолютно прав.

— Не нужны мне никакие медали, — повторил мистер Дикс. — Разве я спасал его из-за медали?

Раздался шум голосов, восхищённых благородством помощника, очень неприятный для мистера Хёрда. Отчётливо выделялся голос мисс Смит, и ему было сложно оставаться спокойным, сидеть и наблюдать, какими нежными взглядами обмениваются она и мистер Дикс. Наконец, мисс Смит повернулась и взглянула в его сторону.

— Ты мог бы сказать, что упал случайно, Артур, и тогда твой спаситель получит медаль, — тихо произнесла она.

— Сказать!.. — раздражённо выкрикнул мистер Хёрд. — Сказать, что я упал...

Он не закончил. Окинув взглядом собравшихся, он, распахнув дверь, выскочил на улицу и захлопнул её за собой так сильно, что дом содрогнулся.

Спустя полчаса, помощник отправился на причал вместе со всей семьёй Смитов. Воодушевлённый присутствием мисс Смит, он без колебаний указал место, где всё произошло, а когда её отец рассказал о случившемся шкиперу, которого они обнаружили сидящим на палубе с трубкой во рту, тот был сильно удивлён.

Новость о героическом поступке помощника на следующий день стала всеобщим достоянием, и работа на кече оказалась несколько затруднена. Для земляков мистера Хёрда обсуждение случившегося стало делом чести; при этом намекалось на несчастный случай, на романтическую подоплёку, но все были восхищены скромностью мистера Дикса, отказавшегося от медали. Мальчишки следовали за ним по пятам, половина городка знала, когда он посетит Смитов, и открыто обсуждала его шансы. Две ночи спустя, когда он и мисс Смит отправились на прогулку в самое уединённое место, какое они только смогли найти, вряд ли на всех Британских островах нашлась бы более интересная тема для разговоров.

«Морская звезда» отсутствовала в течение трёх недель, но маленький городок уже не выглядел скучным для помощника, когда однажды она вернулась в гавань и медленно

направилась к своему обычному месту возле причала. Эмма Смит ждала прибытия корабля, и на время забыла обо всех других развлечениях.

В течение двух-трёх дней истинной любви ничто не препятствовало; но затем на её пути возникла мрачная фигура Артура Хёрда. Она присутствовала на набережной, бродила вокруг дома, неожиданным образом возникала в самых уединённых местах. Однажды вечером она приблизилась к помощнику, когда тот сошёл на причал, и молча пошла рядом с ним.

— Привет, — наконец сказал помощник.

— Привет, — отозвался мистер Хёрд. — К Эмме?

— Да, я собираюсь повидаться с мисс Смит, — ответил помощник.

Мистер Хёрд рассмеялся; вымученным, безрадостным смехом.

— И нам бы хотелось, чтобы вы перестали преследовать нас, — резко сказал мистер Дикс. — Если это вас успокоит,

вам следует знать, что у вас не было ни малейшего шанса. Она сказала мне именно так.

— Я не собираюсь преследовать вас, — сказал мистер Хёрд, — особенно в ваш последний вечер, так что вам лучше использовать его как можно полнее.

Он повернулся на каблуках, а помощник, размышляя над его словами, задумчиво побрёл дальше.

По причине приятного общества и долгой прогулки этот вопрос вылетел у него из головы; он вспомнил о нём только в девять часов вечера, когда раздался стук в дверь, и в комнате возникло жёлтое лицо мистера Хёрда.

— Всем добрый вечер, — произнёс злоумышленник.

— Добрый вечер, Артур, — приветливо отозвался мистер Смит.

Мистер Хёрд с меланхоличным видом вошёл в комнату и осторожно прикрыл дверь. Затем кашлянул и покачал головой.

— Что-нибудь случилось, Артур? — спросил мистер Смит, несколько обеспокоенный его появлением.

— У меня есть, что сказать вам, — ответил мистер Хёрд, бросая на помощника поистине дьявольский взгляд, — нечто, волновавшее меня в течение долгого времени. Я вас обманывал.

— В этом причина твоих постоянных неудач, Артур, — обман, — сказала миссис Смит. — Я помню...

— Мы оба обманывали вас, — громко прервал её мистер Хёрд. — Я не прыгал в воду той ночью, и не падал, и мистер Дикс не прыгал за мной; мы просто пошли к концу причала и окунулись в реку.

Наступило молчание, глаза всех устремились на помощника. Последний не смутился.

— Такова моя привычка, окунаться в воду и портить свою одежду ради людей, которых я не встречал никогда прежде, — со смехом сказал он.

— Стыдись, Артур! — произнёс мистер Смит, облегчённо вздохнув.

— Как ты мог?.. — сказала миссис Смит.

— С той поры Артур сильно изменился, — сказал помощник, всё ещё улыбаясь. — Тем не менее, в следующий раз, когда он бросится в реку, пусть выбирается из неё сам.

Мистер Хёрд, на повышенных тонах, принялся описывать, как всё происходило, но напрасно. Мистер Смит, поднявшись на ноги, выговаривал ему в выражениях, которые редко позволял себе в присутствии жены, в то время как сама она приводила примеры прошлых обманов мистера Хёрда, тщетно пытавшегося их опровергнуть. Между тем, её дочь ласково погладила помощника по руке.

— Это слишком грубо, Артур, — сказала она с насмешливой улыбкой. — В следующий раз попробуй придумать что-нибудь поубедительнее.

— Очень хорошо, — спокойно отозвался мистер Хёрд. — Смею вас попросить, — обратился он к помощнику, — направиться со мной к причалу, и показать всем то место, где, по вашему утверждению, вы бросились в реку, чтобы меня спасти. Сделайте это ещё раз. Посмотрим, кто говорит правду.

— Не сомневаюсь, он сделает это, — с уверенностью сказал мистер Смит.

В течение нескольких секунд мистер Дикс колебался; затем, бросив взгляд на мисс Смит, вскочил на ноги, принимая вызов. Миссис Смит умоляла его не глупить, и даже, надеясь отговорить его, рассказала байку относительно тёти мистера Хёрда. Но её дочь, с гордостью посмотрев на помощника, взяла его за руку и, посоветовав матери приготовить сухую одежду, отправилась в гавань.

Ночь была прекрасная, но тёмная, с воды тянуло холодом. Дважды несчастный помощник подумывал о том, чтобы отказаться, но взгляд на профиль мисс Смит и нежное пожатие её руки удержали его. Наступал отлив, у него была слабая надежда, что он сможет удержаться на плаву достаточно долго, перед тем как вернуться на берег. Он постоянно говорил, его смех разносился над водой. Прибыв на место, они остановились, и мисс Смит, глядя в темноту, не смогла подавить дрожь.

— Будь осторожен, Фред, — сказала она, пожимая ему руку.

Помощник странно взглянул на неё.

— Хорошо, — весело ответил он. — Я прыгну, и сразу же вылезу. Ты можешь возвращаться домой и помочь матери приготовить для меня сухую одежду.

Его тон был настолько уверенным, а смех настолько беспечным, что мистер Хёрд, ожидавший иного поведения, начал ощущать неуверенность.

— Просто спрыгнуть и выбраться, совсем не то же самое, что спасти утопающего, — с усмешкой произнёс он.

В мгновение ока, помощник увидел возможность спастись.

— Вы недовольны, — медленно произнёс он. — Следовательно, чтобы доказать, что вы — лжец, я должен кого-нибудь спасти.

— Справедливо, — сказал мистер Смит, испытывая некоторое волнение.

— Хорошо, — сказал помощник, внезапно положив руку на плечо старика. — Я знаю, что нужно сделать.

— Что? — спросил мистер Смит.

— Я спасу вас, — улыбаясь, сказал помощник.

— Спасёте меня? — пробормотал озадаченный мистер Смит, в то время как его дочь слабо вскрикнула. — Каким образом?

— Так же, как спас его, — ответил помощник. — Вы прыгаете, и после того, как исчезнете под водой дважды, — так же, как он, — я прыгну и спасу вас. Во всяком случае, сделаю всё возможное; обещаю, что не вернусь на берег без вас.

Мистер Смит поспешно сделал несколько шагов прочь от края причала.

— Вы, случайно, не были пациентом сумасшедшего дома? — спросил он, как только обрёл дар речи.

— Нет, — серьёзно ответил помощник.

— Я тоже, — сказал мистер Смит, — и, надеюсь, никогда им не буду.

Он глубоко вздохнул и начал закипать. Мисс Смит подошла к помощнику, взяла за руку, пожала её и улыбнулась.

— В таком случае, это должен быть Артур, — сказала она.

— Я? — удивлённо воскликнул мистер Хёрд.

— Да, вы, — решительным тоном заявил помощник. — После того, что вы сказали, я не могу уйти отсюда, пока кого-нибудь не спасу. Это было бы неправильно. Идёмте, будете прыгать вы.

— Он говорит правду, Артур, — бесстрастно сказал мистер Смит, снова приближаясь и остывая.

— Но он не умеет плавать, — запротестовал мистер Хёрд. — И тогда он никого не спасал, говорю вам.

— Ваши слова не имеют значения, — возразил помощник. — Всё, что вам нужно сделать — это прыгнуть; я последую за вами и спасу вас, так же, как в ту ночь.

— Прыгай, Артур, — ободряюще сказал мистер Смит. — Сейчас совсем не холодно.

— Говорю же вам, он не умеет плавать, — страстно заявил мистер Хёрд. — Я просто утону у вас на глазах.

— Чепуха! — отозвался мистер Смит. — Я считаю, что ты просто боишься.

— Я просто утону, — сказал мистер Хёрд. — Он не сможет меня спасти.

— Сможет, — сказал мистер Смит, обнимая сильной рукой талию помощника, — потому что как только ты прыгнешь, я брошу его в воду. Ты готов?

Он стоял в ожидании, обнимая помощника, но мистер Хёрд, с проклятиями, ушёл. Обернувшись напоследок, он увидел, что старик выпустил помощника, и тот теперь обнимает мисс Смит.

IN THE FAMILY

BY

W.V. JACOBS

В СЕМЬЕ

Старейший житель Клейбери сидел под вывеской «Цветная капуста» и тусклыми старыми глазами смотрел на городскую улицу.

— Нет, обитатели Клейбери никогда не были склонными к путешествиям, — сказал он, обращаясь к молодому путешественнику, отдохнувшему в тени с кружкой эля и сигаретой. — Они знают, что им придётся проделать долгий путь, прежде чем они найдут место, похожее не это.

Он прикончил пиво в своей кружке, и так долго сидел, запрокинув голову и держа её возле рта, что путешественник, поначалу подумав, что это какой-то трюк, покраснел и попросил разрешения угостить его.

— Время от времени кто-нибудь из жителей отправлялся в чужие края, сказал старик, отпив из вновь наполненной кружки и ставя её так, чтобы путешественник мог видеть наличие в ней содержимого без труда, — но они всегда возвращались и говорили, что лучше бы никуда не уходили.

Единственным человеком, нашедшим своё счастье, уехав отсюда, был дядя Генри Уокера, по имени Осия Уокер, и его, конечно, нельзя считать подлинным жителем Клейбери. Он сделал своё состояние, разводя в Австралии овец; он стал таким состоятельным и богатым, что не мог найти времени, чтобы ответить на письма, которые посылал ему Генри Уокер, когда ему приходилось тужо.

Генри Уокер слышал о нём от родственников в Лондоне, и рассказывал нам о нём и его богатстве здесь, в «Цветной капусте». Он сидел, пил пиво и задавался вопросом, кому достанутся деньги старика после его смерти.

Когда жившие в Лондоне родственники умерли, Генри Уокер перестал получать известия о своём дяде, и был сильно обеспокоен тем, что старик может умереть и оставить свои деньги посторонним людям. Он поговаривал о том, чтобы уехать в Австралию самому, но затем, в соответствии с советом Билла Чамберса, который сказал, что так обойдётся дешевле, — написал своему дяде, напомнив, что тот уже стар, живёт на чужбине, и приглашал его перебраться в Клейбери, чтобы разделить дом со своим любящим внучатым племянником.

Это было замечательное письмо, — поскольку он прислушивался к советам при его написании, — в котором имелось немного фрагментов Писания, для придания торжественности. Оно было написано на розовой бумаге с орнаментом, и уложено в зелёный конверт, после чего Билл Чамберс заявил, что если человек не последует тому, что в нём написано, значит, у него каменное сердце.

Четыре месяца спустя Генри Уокер получил ответ на своё письмо. Он был многообещающим; дядя благодарил его за доброту, соглашался с тем, что стал стар, намеревался вернуться в Англию, чтобы упокоиться здесь, и, в случае воз-

вращения, непременно собирался навестить своего внучатого племянника.

Большинство из нас считало, что будущее Генри Уокера обеспечено, но Боб Претти, противный, гадкий парень, сделавший всё, чтобы создать Клейбери дурную славу, огорошил его.

— Не думаю, чтобы он вернулся, — сказал он. — Мне кажется, он отправился в Австралию, чтобы находиться подальше от тебя, Генри.

— Это случилось ещё до того, как я родился, — заметил тот.

— Он знал твоего отца, — возразил Боб Претти, — и этого оказалось достаточно, чтобы не рисковать.

Подобные беседы они вели при каждой встрече; при этом Боб Претти осведомлялся о здоровье дяди Генри, делая вид, что думает, будто тот живёт у него.

— Тебе нужно заботиться о старом джентльмене как можно лучше, Генри, — говорил он, — нельзя постоянно держать его взаперти в четырёх стенах, особенно в твоём доме.

Генри Уокер привык к этому, не зная, как можно повлиять на Боба Претти, но со временем всё же начал опасаться, что его дядя никогда не вернётся в Англию, и кривился, как только кто-нибудь произносил слово «дядя» в его присутствии.

Прошло более шести месяцев с того дня, как он получил письмо от своего дяди; он сидел здесь, в «Цветной капусте», однажды вечером, вместе с нами, когда Дикки Вид, портной, повернулся к Бобу Претти и спросил:

— Послушай, Боб, а кто тот старый джентльмен, который живёт у тебя?

Боб Претти осторожно поставил пиво и воззрился на него.

— Старый джентльмен? — медленно произнёс он. — О ком ты говоришь?

— Я имею в виду маленького старого джентльмена с белыми бакенбардами и скрипучим голосом, — пояснил Дикки Вид.

— Тебе, должно быть, показалось, — ответил Боб, снова взяв кружку.

— Я тоже его видел, Боб, — вмешался Билл Чамберс.

— Ха, ты видел его, вот как? — сказал Боб Претти, со стуком поставив кружку. — То есть, ты крутишься вокруг, чего-то вынюхиваешь, так? И что же, позволь тебя спросить?

— Вынюхиваю? — удивлённо спросил Билл Чамберс. — Я ничего не вынюхиваю. Но люди могут подумать, что ты делаешь то, чего потом будешь стыдиться.

— Не лезь в мои дела, как я не лезу в твои, — жёстко ответил Боб.

— Я просто проходил мимо твоего дома, — сказал Билл Чамберс, оглядываясь на нас. — И увидел в окне спальни лицо старика. Мне стало интересно, кто это, и откуда взялся. Я видел его так же ясно, как вижу всех вас. Такой большой и грязный.

— А ещё он кашляет, — говорит Дикки Вид, — так кашляет, что на церковном дворе слышно... Я сам слышал.

— Ты много чего слышишь, Дикки, — сказал Боб Претти, поворачиваясь к нему. — Единственное, что ты никогда не слышал, и никогда не услышишь, это чтоб кто-нибудь сказал о тебе что-нибудь хорошее.

Он опрокинул стул, вставший у него на пути, и ушёл в таком настроении, в каком мы никогда прежде его не видели; и, что удивительно, — но это истинная правда, поскольку я сам её выпил, — оставил свою кружку пива нетронутой.

— Он что-то задумал, — сказал Сэм Джонс, глядя ему вслед. — Попомните мои слова.

Мы его не поняли, но через несколько дней дом Боба Претти превратился в объект повышенного внимания. Все старались заглянуть в окна, проходя мимо, дети старались играть перед домом как можно дольше и тоже заглядывали. Вскоре был замечен старый джентльмен, сидевший у окна, и мы узнали, что это якобы какой-то бродяга, которого Боб Претти повстречал на дороге и дал ему кров; при этом Боб никому ничего не сказал из страха, чтобы его добросердечие не стало поводом для насмешек.

Этому, естественно, никто не поверил; складывалась таинственная и загадочная ситуация. Один или два раза старый джентльмен выходил на прогулку, но рядом с ним нахо-

дились сам Боб Претти или его миссис, которые, на все попытки заговорить с ним, утверждали, что старик глух, и уведили его так быстро, как только могли. Однажды вечером в «Цветной капусте» появился Дикки Вид, с потрясающими известиями.

— Я только что был на почте, — сообщил он, — там есть письмо для старого джентльмена, живущего у Боба Претти. Что вы об этом думаете?

— Если бы ты сказал нам, что в нём написано, тебе и впрямь было бы, чем похвастаться, — отозвался Генри Уокер.

— Мне не нужно было заглядывать внутрь, — ответил Дикки Вид. — Достаточно было увидеть имя на конверте. Я едва мог поверить своим глазам, но там было написано: «Мистеру Осии Уокеру»; я видел это так же ясно, как вижу нос на твоём лице.

Мы, видевшие всё сами, задались вопросом, почему не подумали об этом раньше; и молчали, слушая высказывания Генри Уокера по поводу человека, который украл у него дядю. Три раза Смит, владелец паба, призывал его говорить потише; в четвёртый раз он просто вывел Генри Уокера на улицу и сказал, что пустит его только тогда, когда тот потеряет голос.

Генри Уокер оставался там в течение пяти минут, после чего вернулся, чтобы продолжить обсуждение. Его идея заключалась в том, что, когда старый джентльмен спросил Боба Претти, тот, воспользовавшись его глухотой, выдал себя за него, Генри Уокера, что является большим позором, чем он мог бы навлечь на себя любым другим поступком. Он снова начал волноваться, и Смит снова был вынужден призвать его к порядку. Затем мы услышали свист снаружи, и вошёл Боб Претти.

Едва он появился в дверях, Генри Уокер подскочил к нему и, не давая войти, изложил ему всё, что о нём думает. Боб глядел на него так, словно не мог поверить своим ушам.

— Ты сошёл с ума, Генри? — наконец выговорил он.

— Верни мне моего дядю, — повышенным тоном заявил Генри Уокер.

Боб Претти покачал головой.

— У меня нет твоего дяди, — спокойно ответил он. — Знаю, что имя совпадает, ну и что из того? Разве на свете существует один-единственный Осия Уокер? Этот не имеет к тебе никакого отношения; он очень уважаемый старый джентльмен.

— Я пойду и сам его спрошу, — сказал Генри Уокер. — И скажу ему, что ты за человек, Боб Претти.

— Он лёг спать, Генри, — сказал Боб Претти.

— Хорошо, тогда я приду завтра утром, — ответил Генри Уокер.

— Не в мой дом, Генри, — сказал Боб Претти, — после того, что ты тут наговорил обо мне. Я бедный человек, но у меня есть гордость. Кроме того, говорю тебе, он не твой дядя. Он бедный старый человек, которому я дал приют, и не хочу, чтобы его беспокоили.

— Хочешь, он заплатит тебе все твои затраты, Боб? — спросил Билл Чамберс.

Боб Претти притворился, что не слышит его.

— Где твоя жена взяла деньги на новую шляпку, в которой она показалась в воскресенье? — спросил Билл Чамберс. — Моя жена сказала, что это её первая шляпка с тех пор, как она вышла замуж.

— И откуда взялись новые занавески? — спросил Питер Габбинс.

Боб Претти выпил пиво и некоторое время задумчиво смотрел на них; после чего вышел, не сказав ни слова, и хлопнув за собой дверь.

— Он держит в своём доме твоего дядю, Генри, — сказал Билл Чамберс. — Об этом нетрудно догадаться, если обратить внимание на покупки Боба, и я не удивлюсь, если он оставит ему все свои деньги.

Генри Уокер снова забеспокоился, и в течение нескольких последующих дней пытался изыскать возможность перекинуться хоть словом со своим дядей, но Боб Претти пресекал все его попытки. Жители Клейбери утверждали, что это позор, но бесполезно; а Генри Уокер забросил свою работу и часами слонялся возле дома Боба Претти, в надежде переговорить со стариком.

Наконец такой шанс ему представился, причём совершенно неожиданным образом. Как-то вечером, когда мы сидели в «Цветной капусте», и, как обычно, говорили о дяде Генри Уокера, дверь открылась, и вошёл никто иной, как сам пожилой джентльмен. Все замолкли и дружно уставились на него, а он направился к стойке и заказал джин и пиво.

Билл Чамберс был первым, кто пришёл в себя, и он тут же отправился за Генри Уокером, так быстро, как могли его нести ноги, и спустя короткое время привёл его; оба пыхтели и задыхались.

— Это... это... он! — сказал Билл Чамберс, указывая на старого джентльмена.

Генри Уокер взглянул на него, подскочил, весь дрожа, и улыбнулся.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Что? — спросил старый джентльмен.

— Добрый вечер! — повторил Генри Уокер.

— Я немного глуховат, — сказал старый джентльмен, поднося ладонь к уху.

— Добрый вечер! — прокричал Генри Уокер. — Я ваш внучатый племянник, Генри Уокер!

— Так это ты? — сказал старый джентльмен, ничуть не удивившись. — Боб Претти всё мне о тебе рассказал.

— Надеюсь, вы ему не поверили, — содрогнулся Генри Уокер. — Боб никогда ни о ком не сказал ни единого хорошего слова.

— Он сказал, что тебе нужны мои деньги, — произнёс старый джентльмен, глядя на него.

— Он, как всегда, солгал, — сказал Генри Уокер. — Он сам охотится за вашими деньгами. И вы не можете после этого оставаться в его доме. Любой скажет вам, какой это мошенник — Боб Претти. Он принял вас к себе именно из-за денег.

— Все хотят моих денег, — произнёс старый джентльмен, оглядываясь. — Все.

— Надеюсь, когда вы узнаете меня получше, вы переселитесь ко мне, дядя, — сказал Генри Уокер, присаживаясь рядом с ним. — Не желаете ещё пива?

— Джин и пиво, — сказал старый джентльмен, свирепо взглянув на Смита, владельца, — и чтобы джин был джином, а не тем, что в прошлый раз.

Смит спросил его, что тот имеет в виду, но на старика снова напала глухота. Генри Уокер заказал ему джин и, попробовав его, старый джентльмен, казалось, стал более любезным. Они сидели и спокойно разговаривали.

— Почему бы вам не переселиться ко мне? — наконец, предложил Генри Уокер. — Вы сможете делать всё, что захотите, и иметь всё, чего пожелаете.

— Боб Претти сказал, что тебе нужны мои деньги, — возразил старый джентльмен, качая головой. — Я не могу тебе доверять.

— Он сказал это, чтобы настроить вас против меня, — сказал Генри Уокер.

— Но зачем тебе нужно, чтобы я переселился и жил у тебя? — спросил старый мистер Уокер.

— Потому что вы — мой дядя, — ответил Генри Уокер, — и мой дом — ваш дом. Родная кровь — не водица.

— И тебе не нужны мои деньги? — спросил старик, пристально глядя на него.

— Конечно, нет, — ответил Генри Уокер.

— А какова будет плата за неделю? — снова спросил старый мистер Уокер. — Вот в чём вопрос.

— Плата? — ответил Генри Уокер, даже не успев удивиться. — Плата? Но я не требую с вас никакой платы.

Старый джентльмен обещал подумать, и Генри завёл разговор о своём отце и старой тётке, по имени Мария, но тот грубо остановил его и сказал, что устал от семейства Уокеров и не хочет ничего слышать о них до самой своей смерти. Тогда Генри Уокер заговорил об Австралии, и спросил, сколько у него было овец, но едва он это произнёс, как старый джентльмен поднялся и заявил, что хочет ещё джина и пива.

Генри Уокер сразу же заказал ему требуемое, и, после того, как выпил их, старый джентльмен сказал, что переедет к нему на некоторое время и посмотрит, как ему у него понравится.

— Но я ничего платить не буду, — твёрдо заявил он. — Имей это в виду.

— Я не взял бы с вас платы, даже если бы вы мне её предложили, — сказал Генри Уокер. — Значит, сегодня вы идёте со мной, так?

Но, перед тем как старый мистер Уокер успел ответить, дверь открылась, и в паб вошёл Боб Претти. Бросив взгляд на Генри Уокера, он направился к старому джентльмену и положил руку ему на плечо.

— Я разыскиваю вас повсюду, мистер Уокер, — сказал он. — Я беспокоился, не случилось ли с вами чего-нибудь.

— Тебе больше не нужно беспокоиться, Боб, — сказал Генри Уокер. — Теперь он будет жить у меня.

— Это тебе не следует беспокоиться, — отозвался Боб Претти, схватив старого мистера Уокера за руку, — это мой квартирант, и он идёт со мной.

Он собирался было повести старого джентльмена к двери, но Генри Уокер, по-прежнему сидя, обхватил того руками и крепко сжал. Боб Претти тянул старика в одну сторону, Генри Уокер — в другую, и оба орали друг на друга, чтобы его соперник отцепился. Шум, производимый ими, был ужасен, но старый мистер Уокер производил его больше, чем оба они, вместе взятые.

— Отстань от моего квартиранта, — орал Боб Претти.

— Оставь в покое моего дядю, моего любимого дядю, — заявил Генри Уокер, когда старый джентльмен, назвав его нехорошим словом, спросил, не думает ли Генри, что он, мистер Уокер, сделан из железа.

Я полагаю, они не уgomонились бы до закрытия, если бы Смит, хозяин, не подошёл к ним и не выгнал на улицу. Он также должен был орать, чтобы быть услышанным, и все четверо, казалось, поставили себе целью устроить самый страшный шум, какой только возможен.

— Он — мой квартирант, — сказал Боб Претти, — и он не может уйти от меня просто так; он должен поставить меня в известность за неделю.

Все снова принялись орать, пока, наконец, старый джентльмен не сказал Генри Уокеру, чтобы тот дал Бобу Претти десять шиллингов, в качестве компенсации, после чего он пойдёт с ним. У Генри Уокера оказалось с собой всего четыре шиллинга, но он занял недостающие у Смита, сказал Бобу Претти всё, что о нём думает, подхватил старого мистера Уокера под руку и повёл домой, едва не пританцовывая от радости.

Миссис Уокер была почти так же довольна, как и он, и они вместе окружили старого джентльмена невообразимой суетой. Наконец он заявил, что когда ему понадобится дюжина глаз, заглядывающих к нему под ночной халат и в рот, когда он ест, он непременно попросит об этом.

Миссис Уокер и её муж предложили ему свою спальню, надеясь, что он откажется, но он этого не сделал. Он воспринял это как должное, а когда Генри Уокер, спавший в соседней комнате с тремя детьми, вторично упал с кровати, даже встал и громко постучал в стену.

На следующее утро Боб Претти принёс оловянную коробку, принадлежавшую старику, причём держал её так, что Генри Уокер понял — Бобу не терпится заполучить её обратно. Коробку отнесли наверх и поставили под кровать старого мистера Уокера, и старик так был озабочен тем, чтобы она оставалась заперта и никто не увидел её содержимого, что это навело миссис Уокер на определённые мысли.

— Я полагаю, вы убедились, что Боб Претти ничего не взял из неё? — спросил Генри Уокер.

— У него не было ни единого шанса, — ответил старый джентльмен. — Коробка всегда заперта.

— Выглядит так, будто её изготовили в Австралии, — сказал Генри Уокер, очень хотевший поговорить на эту тему.

— Если вы ещё хоть раз упомянете при мне об Австралии, — резко сказал старый мистер Уокер, — я уйду. Вам нужны мои деньги, но если вы не будете осторожны, вам не достанется ни фартинга.

Это был последний раз, когда слово «Австралия» слетело с губ Генри Уокера, и, даже видя своего дядю, пишущим письма, он ничего не говорил. А старик с таким подозрением отнёсся к любопытству миссис Уокер, что все письма, приходившие ему, он получал через Боба Претти. Он узнавал у него каждое утро, нет ли писем.

В течение трёх месяцев Генри Уокер не видел цвета его денег, и, что хуже, старик начал пользоваться его вещами. Миссис Уокер жаловалась мужу, как плохо стали нестись куры, а однажды утром, во время завтрака, сказала ему, что, помимо яиц, ночью пропали две лучшие несущих.

— Их не украли, — заявил старый мистер Уокер, ставя чашку. — Я их взял сегодня утром и отнёс Бобу Претти.

— Отдали их Бобу Претти? — задыхаясь, сказал Генри Уокер. — Но зачем?

— Не обращай внимания, — взглянул на него старый джентльмен. — Что ты на меня так смотришь?

Генри не ответил, и старый джентльмен, напустив на себя строгий вид, поднялся из-за стола и велел миссис Уокер подать ему шляпу. Генри Уокер, со слезами на глазах, умолял его не уходить, и после долгих уговоров старый мистер Уокер простил его, сделав внушение, что больше подобного повториться не должно.

После этого старик делал с вещами Генри Уокера то, что ему нравилось, и последний не говорил ему ни слова. Боб Претти постоянно приходил, всячески льстил и уговаривал вернуться, и Генри боялся, как бы тот не ушёл, а потому смотрел сквозь пальцы на то, как старик отдаёт Бобу его вещи. Билл Чамберс, по секрету, сообщил ему, что слышал, как мистер Уокер говорил Бобу, будто собирается оставить все свои деньги Генри, и поэтому был готов смириться с чем угодно.

Старик жил у Генри Уокера, должно быть, более полутора лет, когда однажды ночью скончался во сне. Генри знал, что так должно было случиться, поскольку только что заплатил мистеру Грину за то, чтобы тот сказал, что ничего не может сделать для старого джентльмена, но всё равно это событие стало для него неожиданностью. Он тяжело дышал и хлюпал носом, а миссис Уокер тёрла глаза фартуком, пока, наконец, шёпотом не был задан вопрос, сколько денег они получат?

Менее чем через десять минут эта новость стала известна везде в Клейбери, и люди стали собираться перед домом, ожидая узнать размер наследства Уокеров. Генри Уокер задрнул шторы и покачал головой, давая им знак уйти. Некоторые ненадолго ушли, но затем вернулись, когда на крыльцо поднялся Боб Претти и громко постучал в дверь.

— Что я слышал? — сказал он, когда Генри Уокер открыл. — Ты не собирался сказать мне, что старый джентльмен умер? Я предупреждал его, что так и случится, если он останется у вас.

— Уходи, — заявил Генри Уокер. — Он ничего тебе не оставил.

— Я знаю, — сказал Боб Претти, покачивая головой. — Буду рад, Генри, если ты что-нибудь получишь. Я никогда не злился на тебя за то, что ты забрал его у меня. Я видел, что ты втемяшил себе в голову. Ты вообразил, будто он — твой богатый дядя.

— О чём ты тут толкуешь? — спросил Генри Уокер. — Он и был моим дядей!

— Только в твоём воображении, Генри, — ответил Боб Претти. — Но если ты спросишь меня, я отвечу: он был дедушкой моей жены.

— Дедушкой... твоей... жены?... — задохнулся Генри Уокер.

Он стоял, глупо смотрел на Боба, минуту или две, и не мог произнести ни слова. Он увидел, что наделал, и как Боб Претти обманывал его всё это время, отгоняя идею о том, что это он сам вообразил себе, будто дедушка миссис Претти — его дядя.

— Но ведь его зовут Осия Уокер, как и дядю Генри? — спросил Билл Чамберс, стоявший в толпе. — Скажи, что это не так!

— Это была его выдумка, — сказал Боб Претти, — а поскольку она была совершенно безвредна, мы позволили ему её. Сколько раз я говорил Генри Уокеру, что это не его дядя, но он мне не верил. У меня полно свидетелей. Что скажешь, Генри?

Генри Уокер выпрямился во весь рост и уставился на него. Дважды он открывал рот, чтобы что-то сказать, но так и не смог; после чего в горле у него раздался какой-то хрип и он с силой захлопнул дверь перед лицом Боба Претти.

A LOVE-KNOT

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Мистер Натаниэль Кларк и миссис Боумен закончили третью партию в шашки. Эта партия оказалась очень трудной для мистера Кларка, поскольку ум леди был занят какими-то важными посторонними делами, и ему оказалось нелегко проиграть. На самом деле, ему это удалось, делая глупые ходы, в чём он и преуспел.

— Вот ваш пенни, за то, что хорошо думали, — сказал он. Миссис Боумен слабо улыбнулась.

— На самом деле, мои мысли были далеко, — призналась она.

Лицо мистера Кларка приняло торжественное выражение; намёки подобного рода относились, как правило, к покойному мистеру Боумену и звучали довольно часто. Он считал, что ему повезло, когда эти намёки не перерастали в дли-

тельные воспоминания, поскольку сохранять в этом случае подобающее выражение лица было для него затруднительно.

— Полагаю, — медленно произнесла вдова, — полагаю, что должна вам сказать: я получила письмо.

Лицо мистера Кларка расслабилось.

— Оно вернуло меня в старые времена, — мечтательно произнесла миссис Боумен. — Я никогда ничего не скрывала от вас, Натаниэль. Я ведь рассказывала вам о первом мужчине, в которого была влюблена, — Чарли Такере?

Мистер Кларк прокашлялся.

— Рассказывали, — хрипло сказал он. — И не один раз.

— Это письмо было от него, — с улыбкой произнесла миссис Боумен. — Как странно, ведь прошло столько лет! Бедняжка, он узнал о смерти моего мужа, и написал...

Она замолчала и принялась нервно барабанить пальцами по столу.

— Он ничего не знает обо мне, я полагаю, — сказал мистер Кларк, видя, что она не продолжает.

— Откуда? — пожала плечами вдова.

— Если он слышал про одного, возможно, слышал и про другого, — возразил мистер Кларк. — Лучше напишите и скажите ему. Напишите, что через шесть недель вы станете миссис Кларк. Тогда, может быть, он больше не станет вам писать.

Миссис Боумен вздохнула.

— Я думала, по прошествии стольких лет, что он уже умер, — медленно произнесла она, — или женился. Но в своём письме он пишет, что все эти годы хранил верность мне.

— Ну, он может продолжать делать это, — сказал мистер Кларк. — После стольких лет практики для него это не будет слишком тяжело.

— Он... он пишет в своём письме, что приедет ко мне, — тихим голосом произнесла вдова, — к вечеру.

— Приедет к вам? — резко повторил мистер Кларк. — Но зачем?

— Поговорить о старых временах, — был ответ. — Наверное, он очень изменился; он был прекрасным человеком, таким решительным... После того, как я отказала ему,

ему было всё равно, что делать. Последнее, что я о нём слышала — он перебрался за границу.

Мистер Кларк что-то пробормотал и, чисто механически, начал строить башню из шашек. Он собирался добавить ещё одну к уже раскачивающейся постройке, когда энергичный стук в дверь эхом отозвался в углах комнаты. Слуга открыл, и в следующее мгновение перед ними предстал посетитель миссис Боумен.

Высокий, красивый мужчина в сюртуке, с цветком резеды в петлице, предстал критическому взору мистера Кларка. Остановившись в дверях, визитёр, — казалось, с огромным удивлением, — произнёс христианское имя владелицы дома.

— Мистер Такер! — отозвалась вдова, покраснев.

— Та самая девушка, — сказал посетитель, глядя на неё, — как в тот самый день, когда она отказала мне. Ничто не изменилось, ни на волос.

Он принял протянутую ею руку и, склонившись, почтительно поцеловал её.

— Это... так странно, видеть вас снова, мистер Такер, — сказала миссис Боумен, немного смущённо.

— Мистер Такер! — с укоризной произнёс джентльмен.
— Раньше было просто: Чарли.

Миссис Боумен снова покраснела и, взглянув на нахмурившегося мистера Кларка, представила их друг другу. Джентльмены крепко пожали друг другу руки.

— Ваш друг — мой друг, — покровительственным тоном заявил мистер Такер. — Как поживаете, сэр?

Мистер Кларк ответил, что хорошо, и, после некоторого колебания, выразил надежду, что и его визави — тоже. Мистер Такер сел в кресло, откинулся назад, пригладил свои огромные усы и принялся пожирать вдову глазами.

— Рада видеть вас снова! — сказала последняя, в замешательстве. — Как вы меня нашли?

— Это долгая история, — ответил посетитель, — но я всегда знал, что когда-нибудь мы встретимся снова. Ваша фотография сопровождала меня по всему миру. В лесах Канады, в австралийском буше, — она подавала мне надежду и была моей путеводной звездой. И если у меня когда-нибудь возник соблазн поступить неправильно, я доставал эту фотографию и смотрел на неё.

— Полагаю, вы доставали её довольно часто? — с беспокойством осведомился мистер Кларк. — Чтобы взглянуть на неё, — поспешно добавил он, заметив раздражённый взгляд миссис Боумен.

— Каждый день, — торжественно ответил посетитель. — Однажды, когда я ранил сам себя на охоте, и провёл пять дней без пищи и воды, это было единственное, что спасло меня.

Насмешливое замечание мистера Кларка о способностях фотографии утонуло в жалостливых восклицаниях миссис Боумен.

— Однажды мне пришлось жить на две унции каши и чашке молока в день в течение десяти дней, — сказал он, пытаясь разжалобить вдову. — Спустя десять дней...

— Когда индейцы нашли меня, я был в бреду, — тихим голосом продолжал между тем мистер Такер, — а когда я очнулся, то обнаружил, что они называют меня Амелия.

Мистер Кларк попытался развернуть ситуацию в свою пользу, поспешно спросив, были ли у него в то время усы, но миссис Боумен нахмурилась. Он начал было насвистывать, но миссис Боумен шикнула на него.

— Но как вы меня нашли? — спросила она, снова поворачиваясь к посетителю.

— Странствуя по свету, — продолжал мистер Такер, — сегодня здесь, а завтра там, я нигде не мог задержаться, и вернулся обратно около двух лет назад. Три дня назад, в трамвае, я услышал ваше имя. Я наострил уши и прислушался; а когда услышал, что вы свободны, то едва мог сдержаться. Я поговорил с дамой, узнал ваш адрес, и вот, спустя четырнадцать часов, я здесь.

— Как необычно! — сказала вдова. — Интересно, кто она такая? Она не называла своего имени?

Мистер Такер покачал головой. Вопросы о внешности, возрасте и одежды также остались без ответа.

— Я был словно в тумане, — объяснил он. — Я не понимал, где я и что я. Я не мог поверить своему счастью.

— Не думаю... — начала миссис Боумен.

— В чём дело? — мягко спросил мистер Такер. — Мы снова вместе, перед нами жизнь, ни к чему вспоминать о прошлом.

Мистер Кларк прокашлялся, готовясь произнести речь, но взгляд миссис Боумен заставил его сдержаться.

— Я думала, вы умерли, — сказала она, обращаясь к улыбающемуся мистеру Такеру. — И не рассчитывала увидеть вас снова.

— Никто не рассчитывал, — подхватил мистер Кларк. — Когда вы возвращаетесь?

— Возвращаюсь? — удивился посетитель. — Куда?

— В Австралию, — ответил мистер Кларк, бросив взгляд на вдову. — Там, должно быть, многое случилось за это время.

Мистер Такер надменно взглянул на него. После чего наклонился к миссис Боумен.

— Вы хотите, чтобы я вернулся? — проникновенно спросил он.

— Нам это безразлично, — сказал мистер Кларк, прежде чем вдова успела ответить.

— Нам? — спросил мистер Такер, подняв брови и с тревогой глядя на миссис Боумен. — Нам?

— Через шесть недель мы собираемся пожениться, — ответил мистер Кларк.

Мистер Такер поочередно, молча, оглядел их; затем, прикрыв глаза рукой, откинул голову. Миссис Боумен, сложив руки на коленях, с беспокойством смотрела на него.

— Я думаю, вам следовало бы это знать, — сказал мистер Кларк.

Мистер Такер выпрямился и пристально посмотрел на него.

— Желаю вам счастья, — произнёс он глухим голосом.

— Спасибо, — поблагодарил мистер Кларк, — мы тоже надеемся, что будем счастливы.

Он улыбнулся миссис Боумен, но та не ответила. Её взгляд перемещался с одного на другого — от красивого, интересного спутника её юности к невысокому, прозаичному маленькому человечку, слишком явно радовавшемуся конфузу соперника.

Мистер Такер со вздохом поднялся.

— Прощайте, — сказал он, протягивая руку.

— Вы собираетесь уходить? — спросила вдова.

— Я должен это сделать, — еле слышно ответил мистер Такер.

Вдова внимательно смотрела на него.

— Возможно, он успеет на поезд, — задумчиво произнёс мистер Кларк.

— Нет, сэр, — сказал мистер Такер. — На самом деле я снял на неделю номер в отеле *Джордж*, но, полагаю, мне действительно лучше вернуться домой.

— Зачем же торопиться? — сказала миссис Боумен, вызываяще взглянув на мистера Кларка. — Оставайтесь, захо-

дите время от времени, пообщаемся, как в старые времена. Мистер Кларк также будет рад вас видеть, я уверена. Разве не так, мистер Кларк?

— Буду в восторге, — отозвался тот, пристально разглядывая каминную полку. — В полном восторге.

Мистер Такер поблагодарил обоих, нашёл руку мистера Кларка, всё ещё изучавшего каминную полку, крепко пожал её и ушёл. Миссис Боумен проводила его до двери, они о чём-то тихо поговорили, — мистер Кларк уловил слово «днём». К тому времени, когда вдова вернулась в комнату, он уже снова занимался строительством башни.

Мистер Такер пришёл на следующий день в три часа, а через день — в два. На третье утро он отправился с миссис Боумен на прогулку, коротко объяснив мистеру Кларку, шедшему им навстречу, что они как раз собирались зайти за ним. На следующий день, когда мистер Кларк встретил их, возвращающимися с прогулки, ему дали понять, что его поведение накануне было расценено, как нежелание принимать участие в совместных прогулках.

— Мне нравятся долгие прогулки, — сказала миссис Боумен, — а вы, как мне кажется, не очень способны их выдерживать.

— Вы никогда не жаловались на это прежде, — ответил мистер Кларк. — На самом деле, это вы, как правило, предлагали вернуться обратно.

— Если прогулка доставляет ей удовольствие, — заметил мистер Такер, — она никогда не чувствует усталости.

Мистер Кларк пристально взглянул на него, а затем, отклонив приглашение миссис Боумен проводить их к её дому, на том основании, что ему нужно заниматься физическими упражнениями, продолжил свой путь. Он выглядел так сурово, а движения его были такими яростными, что сосед, направлявшийся к нему, чтобы присоединиться, выразить сочувствие и немного поболтать о погоде, благоразумно свернул в сторону и исчез за углом.

Население Тримингтона наблюдало за развитием событий с интересом, хотя друзья мистера Кларка изменили тон в разговорах с ним, и общались, словно на похоронах. Неделя подошла к концу, и владелец *Джорджа* сообщил, что мистер Такер отложил свой отъезд на неопределённый срок.

Ввиду сложившейся ситуации мистер Кларк, однажды, пришёл к вдове с видом человека, настроенного на решительные действия. Он вошёл в комнату твёрдым шагом, едва ответил на приветствие мистера Такера, сел в кресло и мрачно взглянул на него.

— Я так и думал, что найду вас здесь, — сказал он.

— Я почти всегда здесь, ну и что? — возразил мистер Такер, вынимая изо рта сигару и глядя на него.

— Мистер Такер — мой друг, — вмешалась миссис Боумен. — А я — его единственный друг в Тримингтоне. Естественно, что он здесь.

Мистер Кларк взглянул на неё.

— Люди начинают поговаривать, — тихо пробормотал он.

— Поговаривать? — спросила вдова, слегка покраснев. — Что именно?

Мистер Кларк отвёл взгляд.

— О нашей свадьбе, — сказал он.

Мистер Такер и вдова взглянули друг на друга. Первый вынул сигару и бросил её в камин.

— О ней ещё рано говорить, — сказала миссис Боумен, после паузы.

— Время идёт, — заметил мистер Кларк. — Я думал, вам будет приятно, если бы мы завтра устроили оглашение.

— Нет смысла торопиться, — был ответ.

— Вступайте в брак скорее, но не спешите с покаянием, — серьёзно сказал мистер Такер.

— Вы не хотите выходить за меня замуж? — спросил мистер Кларк, поворачиваясь к миссис Боумен.

— Не торопите меня, — повторила миссис Боумен. — Я... я хочу подумать.

Мистер Кларк поднялся и приблизился к ней, она попыталась избежать его взгляда и стала смотреть на ковёр.

— Я понимаю, — высокомерно произнёс он. — Я не слепой.

— Это не моя вина, — пробормотала вдова, выводя рисунок на ковре носком своей туфли. — Нельзя приказывать своим чувствам.

Мистер Кларк коротко рассмеялся.

— А как насчёт моих чувств? — строго сказал он. — А как насчёт жизни, которую вы сломали? Я не ожидал этого от вас.

— Мне очень жаль, — пробормотала миссис Боумен, — но я ничего не могу поделать. Я никогда не ожидала увидеть Чарльза снова. Это было так внезапно; я была застигнута врасплох. Но, надеюсь, мы с вами останемся друзьями.

— Друзьями! — с пафосом воскликнул мистер Кларк. — С ним?

Он скрестил руки на груди и взглянул на пару с горькой улыбкой; миссис Боумен, не в силах выдержать его взгляд, упорно созерцала ковёр.

— Вы выставили меня посмешищем на весь Тримингтон, — продолжал мистер Кларк. — Вы ранили мои самые нежные чувства; вы уничтожили мою веру в женщин. Мне

никогда больше не стать прежним человеком. Надеюсь, вы никогда не узнаете, какую ужасную ошибку совершили.

Миссис Боумен издала странный звук, нечто среднее между фырканьем и всхлипом; мистер Такер оставался невозмутимым.

— Завтра я верну ваши подарки, — сказал мистер Кларк. — Прощайте навсегда!

У двери он остановился, но миссис Боумен не подняла глаз. Через мгновение дверь закрылась, и она услышала быстрые удаляющиеся шаги.

Некоторое время после его ухода царила тишина, которую мистер Такер тщетно пытался сломать. Он пересел на кресло рядом с ней, и, с третьей попытки, всё же овладел её рукой.

— Я заслужила эти слова, — наконец воскликнула она. — Бедняжка, надеюсь, он ничего не сделает с собой от отчаяния.

— Нет, нет, — поспешил успокоить её мистер Такер.

— Его взгляд был просто диким, — продолжала вдова. — Если с ним что-нибудь случится, я этого никогда себе не прощу. Я испортила ему жизнь.

Мистер Такер сжал её руку и заговорил об очистительном влиянии безнадёжной страсти к женщине на мужчину. В качестве примера, он привёл самого себя.

— Разочарование повлияло на мой жизненный успех в плане мирском, — мягко сказал он, — но в плане духовном, вне всякого сомнения, пошло мне на пользу.

Миссис Боумен слабо улыбнулась и немного успокоилась. Разговор перешёл с будущего мистера Кларка на прошлое мистера Такера; но любопытство вдовы относительно степени мирского успеха осталось неудовлетворённым, поскольку мистер Такер вдруг вспомнил о схватке с медведем.

После ужина они обсуждали своё будущее, и даже возможность уехать из Тримингтона. В их распоряжении был любой город или городок Англии; занятие мистера Такера, похоже, не зависело от места, где он жил. Он рисовал картины жизни в бунгало с современными улучшениями в каком-нибудь приморском городе, и даже, достав записную книжку,

извлёк из неё старый конверт и принялся рисовать план этого бунгало на его обратной стороне.

Это было восхитительно; миссис Боумен снова почувствовала себя двадцатилетней девушкой, у которой вся жизнь впереди. Она забавлялась записной книжкой мистера Такера и хвалила его мастерство в качестве рисовальщика. Из книжки выпало одно-два письма, она подняла их. А затем ей на глаза попала маленькая газетная вырезка, также выпавшая из книжки.

— Здесь маленькая терраса, увитая розами, — бормотал мистер Такер, всё ещё рисуя, — а здесь...

Карандаш замер в его руке, когда от окна донёсся странный шум. Он поднял голову и увидел, что она сидит в кресле. Её лицо, казалось, слегка припухло и пошло пятнами; её глаза расширились и округлились от изумления.

— Вы нездоровы? — в замешательстве спросил он, поднимаясь.

Миссис Боумен открыла рот, но не произнесла ни звука. После чего глубоко вздохнула.

— В комнате слишком жарко? — с беспокойством спросил мистер Такер.

Миссис Боумен снова глубоко вздохнула. Всё ещё не в силах произнести ни слова, она смотрела на бумажку в своих дрожащих пальцах, и у мистера Такера непроизвольно вырвалось тревожное восклицание. Она протёрла глаза носовым платком и прочитала снова.

— «Такер. — Если Чарльз Такер, знавший Амелию Уайхорн двадцать пять лет назад, желает услышать нечто полезное для себя, он может обратиться к Н. К., отель Ройал, Нортгаун».

К миссис Боумен, наконец, вернулся дар речи.

— Н. К. — Натаниэль Кларк, — сказала она дрожащим голосом. — Так вот где вы обитали в прошлом месяце. О, какая я была дура! Какая же я была дура!

Мистер Такер закашлялся.

— Я... я совсем забыл сказать вам, — нервно произнёс он.

— Да, — отозвалась вдова. — Я легко могу этому поверить.

— Я собирался сказать вам позже, — сказал он, с опаской глядя на неё. — Действительно, я там был. И я не мог бы долго держать вас в неведении.

Миссис Боумен улыбнулась, и эта улыбка была ужасна.

— Какая наглость, — вспыхнула она, — упрекать меня моим поведением. Говорить о сломанной жизни и всё время...

Она встала и принялась прохаживаться по комнате, намеренно не глядя в сторону мистера Такера.

— Посмешище Тримингтона, вот как? — яростно произнесла она. — Он им станет, как только я покончу с ним. Порочный человек; обманщик!

— Я думаю точно так же, — сказал мистер Такер, покачивая головой. — Я сказал ему...

— Вы ничем не лучше его, — оборвала его вдова. — Вы, двое мужчин, сговорившись, посмеялись надо мной. А я

сидела, доверчивая, как ребёнок, слушала вас, и не знала, что каждый вечер вы встречаетесь и строите планы на следующий день.

Губы мистера Такера дрогнули.

— Я пошёл бы на что угодно, ради вас, Амелия, — смиренно сказал он.

— Вам придётся это доказать, — мрачно сказала она. — Я хочу знать всё. Расскажите мне обо всём, с самого начала, и если попытаетесь от меня что-нибудь утаить — тем хуже для вас.

Она снова села и жестом предложила ему говорить.

— Когда я услышал об объявлении в *Northtown Chronicle*, — хриплым голосом начал мистер Такер, — я танцевал с...

— Это можно пропустить, — сухо перебила вдова.

— Я отправился в отель, повидаться с мистером Кларком, — продолжал мистер Такер, несколько смущённый. — Когда я узнал, что вы вдовы, то сразу припомнил старые времена. Прожитых лет будто и не существовало. Я снова увидел, как иду с вами по тропинке к ферме Купера, я снова ощущал вашу руку в своей. Ваш голос звучал в моих ушах...

— Вы отправились на встречу с мистером Кларком, — напомнила ему вдова.

— Он всё знал о наших отношениях, — сказал мистер Такер, — и, в качестве последнего шанса сохранить свободу, он решил найти меня и уговорить жениться на вас.

Миссис Боумен издала сдавленный всхлип.

— Он искушал меня в течение двух дней, — серьёзно сказал мистер Такер. — Искушение было слишком велико, и я поддался ему. Кроме того, мне хотелось спасти вас из лап этого человека.

— Почему же он сам ничего мне не сказал? — осведомилась вдова.

— То же самое спросил у него и я, — ответил мистер Такер, — но он ответил, что вы слишком любите его, и ни за что не захотите его отпустить. Он недостоин вас, Амелия. Он непостоянный. У него на примете есть другая леди.

— Что? — очень громко спросила вдова.

Мистер Такер печально кивнул.

— Мисс Хекбатт, — медленно произнёс он. — Я видел её на днях и не могу понять, что он в ней нашёл.

— Мисс Хекбатт? — повторила вдова странным тоном.
— Мисс...

Она поднялась и снова принялась расхаживать по комнате.

— Он, наверное, слепой, — сказал мистер Такер.

Миссис Боумен внезапно остановилась и взглянула на него. В её глазах было нечто, что заставило его ощутить некоторый дискомфорт. И был рад, когда она перевела взгляд на часы. Она смотрела на них так долго, что он был вынужден что-то пробормотать насчёт времени.

— Прощайте, — сказала она.

Мистер Такер вновь принялся оправдываться, но она прервала его.

— Не сейчас, — решительно сказала она. — Я устала.
Доброй ночи.

Мистер Такер взял её за руку.

— Спокойной ночи, — ласково произнёс он. — Боюсь, сегодня на вашу долю выпало слишком много волнений. Могли ли вы завтра прийти в обычное время?

— Да, — сказала вдова.

Она взяла объявление со стола и, аккуратно сложив, убрала в свою сумочку. Мистер Такер смотрел, как она это делает.

Он вернулся в *Джордж* поздно, и принялся размышлять о событиях вечера, выкурив при этом пару трубок. Наконец он уснул, и ему приснилось, что он и мисс Хекбатт соединяются святыми узами брака преподобным Натаниэлем Кларком.

Смутные опасения, терзавшие его накануне вечером, исчезли вместе с хлынувшими в окна номера солнечными лучами. Он тщательно побрился, некоторое время выбирал галстук. За завтраком продумал дальнейшие объяснения и оправдания, чтобы окончательно успокоить миссис Боумен.

Он всё ещё размышлял над ними, когда шёл к её дому. На полпути он подумал, что выглядит слишком весело. Он

напустил на себя чрезвычайную серьёзность, однако в следующий момент эта серьёзность на его лице сменилась выражением крайнего удивления. Навстречу ему, очень медленно, шли мистер Кларк и опиравшаяся на его руку миссис Боумен. Она была невозмутима, но её губы улыбались.

— Прекрасное утро, — приятным голосом произнесла она, когда они подошли поближе.

— Прекрасное... — пробормотал удивлённый мистер Такер, напрасно пытаясь поймать взгляд мистера Кларка.

— Я люблю гулять по утрам, — сказала вдова, всё ещё улыбаясь. — Вы удивлены, не так ли, Натаниэль?

— Да, — странным голосом ответил мистер Кларк.

— Мы беседовали о прошлом вечере, — продолжала вдова, — и Натаниэль стал умолять меня дать ему ещё один шанс. Полагаю, я была слишком мягкосердечна, но он выглядел таким несчастным; вы ведь никогда в своей жизни не были таким несчастным прежде, не так ли, Натаниэль?

— Никогда, — всё тем же странным голосом произнёс мистер Кларк.

— Он был таким жалким, что я наконец сдалась, — с напором сказала миссис Боумен. — Бедняга, он в таком шоке, что никак не может от него оправиться.

— В самом деле, — отозвался мистер Такер.

— Скоро всё будет в порядке, — конфиденциальным тоном произнесла миссис Боумен. — Скоро мы сделаем объявление, и он почувствует себя лучше. Вы ведь больше не боитесь потерять меня, Натаниэль?

Мистер Кларк покачал головой и взглянул на мистера Такера таким ядовитым взглядом, что тот едва устоял на месте.

— Прощайте, мистер Такер, — сказала вдова, протягивая ему руку. — Натаниэль хотел пригласить вас на свадьбу, но этого, всё-таки, лучше не делать. Однако если я передумаю, я обязательно позволю ему вас пригласить. До свидания.

Она сжала руку мистера Кларка и медленно повела его прочь. Мистер Такер некоторое время стоял, глядя им вслед, после чего поспешно направился в *Джордж*, где забрал свой небольшой чемодан, а затем — к железнодорожной станции.

THE DREAMER

BY

W·W·JACOBS

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

— Сны и предсказания, — вот, во что я не верю, — сказал ночной вахтенный. — Мне за всю жизнь привиделся один-единственный сон, похожий на предсказание. Мне приснилось, что я получил богатое наследство, а на следующее утро нашёл на улице половину кроны, которую продал кому-то за четыре пенса. А два дня спустя, моей миссис приснилось, что она опрокинула чашку чая на своё воскресное платье, а на самом деле, наяву, она уселась на мой горшок с краской и раздавила его.

Ещё был случай со сбывшимся сном, когда я служил на борту барка *Южный красавец*. Он приснился коку, глупому, рыхлому человеку, который всегда рассказывал свои сны нам, а мы не верили им и смеялись над ним. Так вот, одна-

жды ночью, когда мы вышли из Сиднея, он внезапно уселся на своей койке и расхохотался так громко, что разбудил всех нас.

— Что случилось? — спросил один из парней.

— Мне приснился, — ответил кок, — очень смешной сон. Мне приснилось, будто старый Билл Фостер упал с фок-марса и сломал ногу.

— И что же в этом смешного? — грубо спросил старый Билл.

— В моём сне ты выглядел так забавно, — ответил кок. — У тебя одна нога будто бы стала в два раза короче другой. Тут и кошка рассмеётся.

Билл Фостер ответил, что если кок ещё раз позволит себе нечто подобное, то ему будет не до смеха, после чего мы снова заснули, а проснувшись, забыли о случившемся.

Хотите — верьте, хотите — нет, а только три дня спустя Билл сорвался с фок-марса и сломал ногу. Он был удивлён, но я никогда в жизни не видел человека более удивлённого, чем кок. Его глаза вылезли почти что на затылок, однако, к тому времени, когда парни подобрали Билла и спросили его, как он, кок снова пришёл в себя и закатил такую речь, что всем стало тошно.

— Мои сны всегда сбываются, — вещал он. — Это нечто сродни второй пары глаз. Это подарок судьбы, хотя, признаться, он меня иногда беспокоит.

Он продолжал вещать, выдавая чистую случайность за пророчество, когда подошёл второй офицер и велел отнести Билла вниз. Конечно, ему было очень больно, но он сохранял присутствие духа, а когда его пронесли мимо кока, отвесил последнему такую затрещину, что у того едва не отлетела голова.

— Это тебе за пророчество, — сказал он.

Шкипер, первый офицер и парни снесли его вниз, после чего шкипер сделал ему перевязку и зафиксировал ногу тем, что Билл назвал словом, которое я не решаюсь повторить. Они ушли, а кок сел рядом с Биллом и принялся рассказывать ему о своём даре.

— Как правило, я предпочитаю молчать о нём, — сказал он, — поскольку мой дар пугает людей.

— Это замечательный дар, кок, — заметил Чарли Эппс.

Все думали так же, не зная, каким первоклассным лжецом был кок, а он сидел и вешал им лапшу на уши, пока не охрип.

— Моя бабушка была цыганкой, — сказал он, — и все в её семье. То, что должно случиться с людьми, мне знакомыми, я вижу во сне, — подобно тому, как это случилось с Биллом. Иногда мне становится страшно, когда я гляжу на вас, счастливых и беззаботных, зная о том, что с вами должно случиться. Иногда меня даже пробирает дрожь.

— Ужасные вещи, вот как? — сказал Чарли.

— Да, — кивнул в ответ кок. — Никогда прежде мне не приходилось оказываться на борту корабля с таким количеством неудачников. Никогда. Есть два несчастных парня, которые умрут в течение шести месяцев, но они сидят здесь, смеются и разговаривают, будто им суждено дожить до девя-

носта. Скажите спасибо своим звёздам, что вам не снятся podobные сны.

— И кто... кто же эти двое? — спросил Чарли, немного помолчав.

— Это неважно, Чарли, — печальным голосом ответил кок. — Если я отвечу на твой вопрос, это всё равно ничего не изменит. От этого никому не будет пользы.

— Тогда намекни, — предложил Чарли.

— Хорошо, вот вам подсказка, — ответил кок, почесав голову. — Один из них почти что самый уродливый человек на полубаке, а другой — нет.

Конечно, это ничем не помогло, но вызвало много споров, а самый уродливый человек на борту, вместо того, чтобы быть благодарным, вёл себя скорее как дикий зверь, нежели как христианин, когда ему говорили, что он, по крайней мере, в безопасности.

После истории с Биллом, кока ничто не могло удержать. Сны снились ему каждую ночь, он немного говорил во сне. Маленькие кусочки, без начала и конца, а когда мы спрашивали его на утро, он всегда качал головой и отвечал: «Это неважно». Иногда он произносил во сне чьё-нибудь имя, и тогда названный нервничал несколько дней.

Это было несчастливое плавание, по крайней мере, для некоторых. Примерно через неделю после случая с Биллом, Тед Джонс затеял игру в мяч с другим парнем, используя вместо мяча пустую бутылку из-под пива, и на пятом броске поймал её своим лицом. Мы думали сначала, что он убит — так нам показалось; но затем снесли его вниз, выбрали из лица всё стекло, какое только смогли, а второй офицер, наложив пластыри, приказал ему молчать в течение двух часов.

Тед очень гордился своим внешним видом, но то, что он не молчал, вызывало тревогу. Высказав всё, что он думал о парне, с которым играл, он принялся за кока.

— Жаль, что тебе этого не приснилось, — сказал он сквозь пластырь, насмешливым тоном.

— Приснилось, — отозвался кок.

— Что? — сказал Тед, приподнимаясь.

— Мне приснилось это прошлой ночью, в точности то, что с тобой случилось, — небрежно ответил кок.

— Почему же ты мне ничего не сказал? — возмутился Тед.

— Это ни к чему бы не привело, — с улыбкой ответил кок, покачивая головой. — Всё, что я вижу во сне, непременно должно сбыться. Я вижу будущее, которому суждено сбыться.

— Но ты спокойно стоял и смотрел, как я поймал бутылку лицом, — проговорил Тед, вставая с койки. — Почему ты не остановил меня?

— Ты не понимаешь, — отозвался кок. — Если бы ты был более образован...

Он не успел сказать больше, прежде чем Тед оказался на нём, и кок, не будучи хорошим бойцом, в течение не-

скольких последующих дней был вынужден готовить, при-сматривая за едой только одним глазом. Некоторое время он молчал о своих снах, но это не помогло, потому что Джордж Холл, веривший в его дар, предъявил ему претензии, поскольку кок не предупредил его о вывихнутой лодыжке, а Боб Лоу — за то, что тот не сказал о подстерегающей его неудаче в картах, в результате которой здорово проигрался.

Единственный парень, который, казалось, ничем не проявлял агрессии по отношению к коку, был молодой парень, по имени Джозеф Мик, собиравшийся жениться на племяннице старого Билла Фостера, сразу по возвращении из плавания. Никто об этом не знал; единственным человеком, которому он сообщил об этом по секрету, был кок. Он сказал, что она слишком хороша для него, но, несмотря на все усилия, он никак не мог заставить её от него отказаться.

— Мои чувства к ней изменились, — объяснил он.

— Возможно, они ещё станут прежними, — сказал кок, пытаясь его успокоить.

Джозеф покачал головой.

— Нет, я уже всё решил, — медленно произнёс он. — Я ещё молод, и, кроме того, не могу позволить себе жениться; но как избежать этого, я не знаю. Не мог бы ты помочь мне своими снами?

— Что ты имеешь в виду? — удивился кок. — Ты думаешь, я как-то могу повлиять на свои сны?

— Нет, нет, конечно, нет, — сказал Джозеф, похлопав его по плечу, — но разве ты не мог бы сделать это единственный раз? Пусть тебе приснится, что нас с Эмили убили через несколько дней после свадьбы. Не важно, как это произойдёт, чтобы она не подумала, будто мы сговорились; просто убиты, как-нибудь. Билл всегда был суеверным человеком, а поскольку ты угадал с его ногой, он поверит чему угодно; он заботится об Эмили, а потому, по крайней мере, отложит свадьбу.

Ему потребовалось три дня уговоров и серебряная цепочка для часов, чтобы убедить кока, но он, наконец, сделал это; и вот однажды днём, когда старый Билл лежал на своей койке, кок улёгся на свою и спокойно заснул.

В течение десяти минут он спал мирно, как ягнёнок, а старый Билл лежал на койке и глядел на него. Вдруг кок принялся бормотать, и, услышав первые слова, Билл сел, точно его кто-то укусил.

— Вот они, — бормотал кок, — Эмили Фостер и Джозеф Мик, — и старина Билл, добрый старина Билл, который собирается передать ему невесту. Как они счастливы, особенно Джозеф!

Старый Билл наклонился и приложил к уху ладонь.

— Вот они идут, — снова забормотал кок, — но что это за ужасная чёрная вещь с когтями, которую я вижу над Биллом?

Бедняга Билл едва не упал со своей койки, но в самый последний момент удержался и лежал, бледный как смерть, вслушиваясь в бормотание кока.

— Должно быть, это предназначено ему, — продолжал тот. — Бедняга Билл; он ничего не знает об этом, об этой вещи. Будем надеяться, всё случится быстро.

Некоторое время он молчал, потом забормотал снова.

— Нет, — говорил он, — это не Билл; это Джозеф и Эмили, холодные и неподвижные, а ведь со дня женитьбы прошла всего неделя! Бедняги. Ох! Ох! Ох!

Он задрожал, застонал, проснулся, сел на койке и увидел, что старый Билл уставился на него.

— Ты спал, кок, — дрожащим голосом произнёс Билл.

— Разве? — сказал кок. — С чего ты взял?

— Ты говорил во сне, — ответил Билл. — Обо мне и моей племяннице.

— Ты не должен был этого слышать, — сказал кок, выбираясь из койки и подходя к нему. — Надеюсь, ты не слышал того, что я говорил. Что именно ты слышал?

Билл сказал ему, кок сел и стал покачивать головой.

— Слава Господу, ты не слышал худшего, — сказал он.

— Худшего! — воскликнул Билл. — Было что-то худшее?

— Было, — ответил кок. — Но пообещай мне, что ничего не скажешь Джозефу, Билл. Пусть он будет счастлив, пока

может; если ты ему скажешь, это сделает его несчастным, и не принесёт никакой пользы.

— Я и знаю-то совсем немного, — проговорил Билл, вспомнив аргументы, которые были приведены в случае Теда. — Это случится после того, как они поженятся, кок, именно тогда? Ты уверен?

— Абсолютно уверен. После того, как они поженятся, — подтвердил кок.

— В таком случае, — сказал Билл, хлопнув себя, по ошибке, по больной ноге. — Если они не поженятся, этого не случится. Так?

— Не говори ерунды, — сказал кок. — Они должны пожениться. Я видел это во сне.

— Хорошо, посмотрим, — пробормотал Билл. — Я собираюсь поговорить об этом с Джозефом и посмотреть, что скажет он. Я не собираюсь жертвовать своей дорогой племянницей только для того, чтобы твои дурацкие сны сбылись.

Он рассказал о случившемся Джозефу, но тот сначала и слушать его не хотел. Он сказал, что все сны кока — чепуха, хотя и согласился с тем, что странно — откуда тому известно о свадьбе и о том, что невесту зовут Эмили; наконец, предложил всё рассказать самой Эмили, и пусть решает она.

Это был последний сон-предсказание кока в этом плавании, хотя однажды он сказал старому Биллу, что сон повторился, и что он совершенно уверен — они поженятся и будут убиты. Он не сказал Биллу, каким способом их убьют, поскольку, по его словам, это состарит Билла до времени; но, конечно, был вынужден признать, что если брак не состоится, то и вторая часть предсказания также не исполнится. Ещё он сказал, что, поскольку никогда не предавал огласке своих снов прежде, за исключением случая с Биллом, он не мог со всей уверенностью утверждать, что несчастье нельзя предотвратить; на что Билл заметил, что коку цены бы не было, если бы он видел сны и предупреждал людей заранее.

К тому времени, как мы вошли в Темзу, нога старого Билла поджила, он ловко управлялся с двумя костылями, сделанными для него плотником. У него, Джозефа и кока было много разговоров о сне, и старик пригласил кока отправиться

с ними, чтобы на него можно было указать, как на предсказателя.

— Я постараюсь изложить ей всё как можно мягче, — сказал он. — А ты будешь говорить, когда я закончу. Не раньше. Понял?

Мы направились к Ост-индским докам и добрались до них ранним летним вечером. Все просто сходили с ума от желания поскорее сойти на берег, и работали так быстро и весело, как только могли. Встречавшие стояли на причале, среди них было несколько красивых молодых женщин.

— На мой взгляд, — сказал кок, пристально смотревший на одну из них, — вон там стоит замечательная девушка. Посмотри!

Он поцеловал свою грязную лапу, — ни за что не стал бы это делать, будь такая у меня, — и помахал ею. Девушка отвернулась и покачала головой.

— Это она, — с раздражением произнёс Джозеф. — Это моя девушка; это Эмили.

— Это она? — удивился кок. — Откуда мне было знать? К тому же, ты всё равно расстанешься с нею.

Джозеф не ответил. Он смотрел на Эмили; и чем больше смотрел, тем красивее она ему казалось. Она стала необыкновенно красивой, и он был поражён даже больше, чем кок.

— А кто тот парень, который стоит с нею рядом? — спросил кок.

— Один из квартирантов сестры Билла, — ответил Джозеф, помрачнев. — Хотел бы я знать, почему именно он приехал сюда встретить меня. Я видеть его не хочу.

— Возможно, он её любит, — сказал кок. — Вполне возможно.

— Он слетит с причала, если не будет осторожен, — сказал Джозеф, покраснев.

Он махнул рукой Эмили, которая, похоже, его не видела, зато ему неохотно ответил помахиванием руки квартирант; затем он что-то сказал Эмили, и они оба помахали старому Биллу, стоявшему на корме, опираясь на костыли.

К тому времени, как корабль пришвартовался, и всё было готово к сходу на берег, наступила темнота, и старый Билл не знал, стоит ли идти домой и рассказывать новости в тот вечер, или немного подождать. Наконец, он решил, что дело не следует откладывать в долгий ящик, и, дождавшись, пока соберётся кок, они взяли кэб и уехали.

Берту Симмонсу, жильцу, пришлось сесть на козлы, поскольку Билл занял очень много места со своей ногой, а Эмили устроилась на коленях Джозефа; к тому времени, как они добрались до дома, последний уже осознал, какую страшную ошибку совершил.

— Держи свой сон при себе, пока я не подам тебе знак,
— сказал он коку, пока Билл переговаривался с кэбменом.

— Билл собирался сказать всё первым, — прошептал кок.

Квартирант и Эмили вошли внутрь, а Джозеф задержался, пока кэбмен спрашивал Билла, почему тот не заплатил больше, чем два пенса сверху, а Билл что-то отвечал ему, стараясь не обидеть. После чего, когда кэб уехал, взял Билла за руку и попросил ничего не говорить о предсказании, поскольку собирался рискнуть.

— Чепуха и вздор, — ответил на это Билл. — Я собираюсь всё рассказать Эмили, потому что она моя любимая племянница. Какая польза от вступления в брак, если это тебя убьёт?

Он задвигал своими костылями и, прежде чем Джозеф успел что-то сказать, вошёл в переднюю комнату, позволил сестре поцеловать себя и сел. На столе стояли холодная говядина, солёные огурцы и два кувшина с пивом; после того как Билл коротко сообщил сестре, что упал и сломал ногу, все сели ужинать.

Берт Симмонс сел по одну сторону от Эмили, Джозеф — по другую, и кок не мог не пожалеть её, видя, как её рукижимают под столом сразу две руки, отчего она не могла перекусить.

После ужина старый Билл закурил трубку, а затем, выпив ещё одну кружку пива, рассказал о коке, который предсказал ему несчастье за три дня до того, как оно случилось. Никто не мог в это поверить; тогда он продолжил свой рассказ о других предсказаниях кока, которые тот видел во сне и которые сбылись, после чего все смотрели только на него, с открытыми ртами.

— Но это не самое худшее, — сказал Билл.

— Для одного раза вполне достаточно, Билл, — вмешался Джозеф, смотревший на Берта Симмонса так, будто был готов съесть его. — Кроме того, думаю, это было просто совпадение. Когда кок рассказал тебе о своём сне, это заставило тебя нервничать, и именно поэтому ты упал.

— Какие, к чёрту, нервы! — возразил Билл, после чего рассказал о том, что подслушал, когда кок спал.

Сестра Билла вскрикнула, как только он закончил, а Эмили, сидевшая рядом с Джозефом, вздрогнула, подвинулась ближе к Берту Симмонсу и сжала его руку.

— Это всё ерунда! — заявил Джозеф. — Но даже если и так, настоящая любовь не боится ничего. Я — не боюсь!

— Следовало бы спросить у девушки, — заметил Берт Симмонс, покачивая головой.

— Мне это не нравится, — сказала Эмили. — Какая польза от замужества, если оно продлится всего неделю? Взгляните на ногу дяди — для меня этого вполне достаточно!

Тут все заговорили разом, и Джозеф испробовал всё, что мог, чтобы доказать Эмили, что предсказания кока сбываются не всегда; но это было бесполезно. Эмили заявила, что не выйдет за него замуж даже в том случае, если у него будет миллионное состояние, и её дядя и тётя поддержали её в этом решении, не говоря уже о Берте Симмонсе.

— Я принесу и верну тебе твои подарки, Джозеф, — сказала она и побежала наверх, прежде чем кто-то успел её остановить.

Джозеф сидел, ошеломлённый, а все вокруг говорили ему, как должен он быть благодарен коку, спасшему его своим сновидением. Эмили вернулась с подарками, какие он дарил ей, и положила на стол перед ним.

— Здесь всё, кроме маленькой серебряной броши, Джозеф, — сказала она, — я потеряла её на следующий вечер, когда... когда ходила на прогулку.

Джозеф хотел что-то сказать, но не смог.

— Когда ты её купил, я встречалась с тобой, — сказала Эмили, — и, поскольку потеряла, то просто плачу за неё.

Она положила на стол полсоверена, Джозеф сидел и тупо взирал на него, словно видел впервые.

— Замена вполне равноценная, Джозеф, — сказала Эмили. — Надеюсь, ты не будешь разочарован.

Старый Билл попытался обратить всё в шутку.

— Кажется, ты разбогатела, Эмили, — сказал он.

— Ах! Я же вам ничего не сказала, — улынулась Эмили. — Это маленький сюрприз. Тётя Эмма, — бедная тётя Эмма, — умерла, пока вы были в плавании, и оставила мне всю свою мебель и двести фунтов.

Джозеф как-то всхлипнул, поднялся, не притронувшись к подаркам и половине соверена, лежавшим на столе, направился к двери, остановился, и обвёл всех взглядом.

— Спокойной ночи, — сказал он. Затем, подойдя к двери, открыл её, постоял, а потом вернулся, словно что-то забыл.

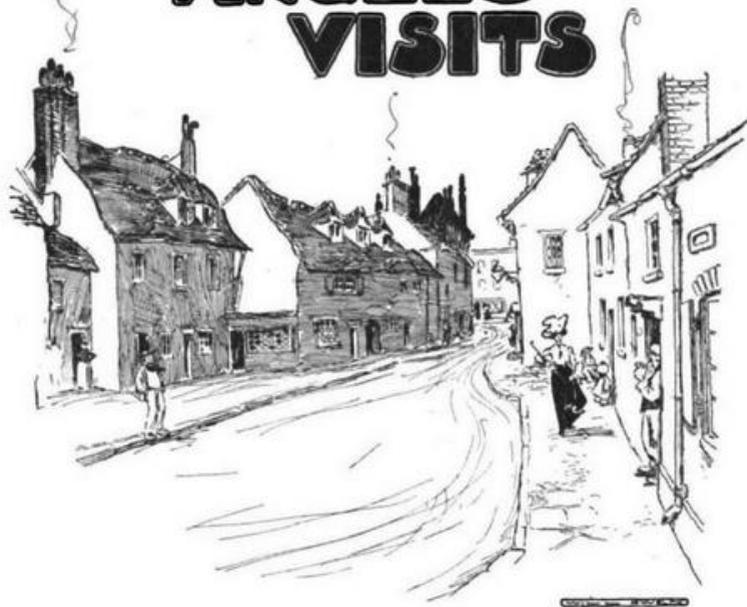
— Ты идёшь? — спросил он кока.

— Не сейчас, — быстро ответил кок.

— Я тебя подожду, — сквозь зубы процедил Джозеф. — Постарайся не задерживаться.

ANGELS' VISITS

W.W. JACOBS

ВИЗИТ АНГЕЛА

Мистер Уильям Джоблинг курил, прислонившись к двери. Вечерний воздух, приятно прохладный после дневной жары, обвевал его руки. Дети шумно играли на длинной, унылой улице, откуда-то издалека доносились слабые звуки органа. Глазам мистера Джоблинга, только что съевшего три сельди и выпившего полторы пинты крепкого чая, эта сцена представлялась восхитительной. Он выпустил в воздух клуб дыма, полужакрыл глаза и попытался угадать далёкую мелодию.

— Билл! — раздался голос миссис Джоблинг, мывшей посуду на кухне.

— Да! — отозвался мистер Джоблинг.

— Ты опять лазил мокрой чайной ложкой в сахарницу, а ведь я тебе тысячу раз говорила, чтобы ты этого не делал!

— Не делал — что? — спросил её муж, слегка ссутулившись.

— Ты брал масло тем же самым ножом, каким резал сельдь. Теперь можешь есть его один, а я — не буду. Я работаю, как рабыня, с утра до ночи, покупаю хорошую еду, а ты её портишь.

Мистер Джоблинг вынул трубку изо рта.

— Не кричи, — спокойно сказал он. — Мне нравится масло со слабым запахом сельди. А что касается твоего дневного рабства, то тебе бы следовало походить на работу целую неделю; тогда бы ты узнала, что такое настоящее рабство.

Миссис Джоблинг позволили себе издать хихиканье, сразу же заглушённое звоном чашек, когда её муж повернулся и сердито посмотрел в её сторону.

— Ворчит, и ворчит, и ворчит! — сказал мистер Джоблинг.

Выжидающе помолчал.

— Пилит, и пилит, и пилит, — продолжил он. — Начинает с самого утра, и так до самого вечера.

— Очень жаль... — начала миссис Джоблинг.

— Придержи язык, — строго сказал её муж, — не желаю слушать никаких оправданий. Вчера ты ворчала весь день до вечера, а после того, как ты уснула, я не спал ещё два часа, слушая, как ты ворчишь во сне.

Он снова сделал паузу.

— Ворчала во сне, — повторил он.

Ответа не последовало.

— Два часа! — сказал он. — Целых два часа, без остановки!

— Хотелось бы, чтобы это пошло тебе на пользу, — заявила его жена. — А ещё я заметила, что ты не вытираешь ноги, входя в дом.

Мистер Джоблинг страстно отверг предъявленное обвинение и, подчёркивая это отрицание, пнул ногой коврик, заскользивший по коридору. Оставшись доволен, он снова

повернулся к проёму и принялся глядеть на улицу, обменявшись несколькими незначительными замечаниями с мистером Джо Брауном, который, сунув руки в карманы, балансировал с необычайным мастерством на краю тротуара напротив.

Затем взгляд его переместился с мистера Брауна на молодую, хорошо одетую женщину, приближавшуюся к ним по улице — высокую, симпатичную девушку, слегка прихрамывавшую, чья шляпка вызвала невысказанную женскую критику. Когда она подошла, их взгляды встретились, вследствие чего лица слегка порозовели.

— Рада вас видеть! — сказала девушка. — Какая приятная неожиданность.

Она протянула ему руку, и мистер Джоблинг, бросив яростный взгляд на мистера Брауна, не спускавшего с них глаз, почтительно пожал её.

— Я так рада снова увидеть вас, — повторила девушка. — Прошу прощения, что не поблагодарила вас за тот вечер, но я была слишком расстроена.

— Не стоит говорить об этом, — произнёс мистер Джоблинг голосом, смирение которого сильно контрастировало с выражением лица, предназначавшегося мистеру Брауну, поскольку этот джентльмен просто расцвёл.

Возникла пауза, прерванная сухим покашливанием, донёвшимся из окна. Девушка, стоявшая неподалёку от подоконника, нервно вздрогнула.

— Это моя миссис, — сказал мистер Джоблинг.

Девушка повернулась и взглянула в окно. Мистер Джоблинг, держа трубку в руке, кратко представил женщин друг другу.

— Добрый вечер, — тонким голосом произнесла миссис Джоблинг. — Я вас не знаю, но, очевидно, вас знает мой муж.

— Я встретила его прошлым вечером, — сказала девушка, улыбаясь. — Я наступила на кожуру, или что-то ещё, и упала, а он подошёл и помог мне подняться.

Миссис Джоблинг снова кашлянула.

— Впервые слышу, — заметила она.

— Я просто забыл сказать тебе об этом, — небрежно бросил мистер Джоблинг. — Надеюсь, вам не очень больно, мисс?

— Лёгкий вывих лодыжки, только и всего, — ответила девушка. — Мне больно, только, когда я хожу.

— А сейчас? — осведомился мистер Джоблинг.

Девушка кивнула.

— Немного; совсем немного.

Мистер Джоблинг колебался; он видел гримасы на лице мистера Брауна, стоявшего через дорогу, — тот старался ему подмигнуть, — и сделал паузу; из окна снова донёлся хриплый кашель его жены.

— Вы не хотели бы зайти и отдохнуть несколько минут? — медленно спросил он.

— О, спасибо, — с благодарностью произнесла девушка. — Хотела бы. Мне... мне и вправду больно. Мне не следовало уходить так далеко от дома.

Она, сильно хромая, последовала за мистером Джоблингом, поклонилась миссис Джоблинг, с облегчением присела в кресло и внимательно осмотрела комнату. Мистер Джоблинг исчез, его жена раскраснелась, когда он вернулся, переодевшись, и с мокрыми, причёсанными, волосами. Наступила неловкая тишина.

— Ваш муж очень сильный! — сказала девушка, сжимая и разжимая пальцы.

— Он? — не поняла миссис Джоблинг.

— Он поднял меня, как пёрышко, — пояснила девушка. — Он обнял меня за талию и помог встать, прежде чем я успела прийти в себя.

— Обнял вас за талию? — повторила миссис Джоблинг.

— А как бы ещё я мог помочь ей подняться? — с внезапным напором вмешался её муж.

Жена ничего не ответила, но сидела, враждебно глядя на глубокие тёмные глаза и стильную шляпку посетительницы.

— Мне нравятся сильные мужчины, — сказала та, приветливо улыбаясь мистеру Джоблингу.

— Когда я был моложе, — отозвался тот, просяив, — то, могу вас заверить, сам не знал, как силён. Я невольно

причинял людям боль, даже не подозревая об этом. Раньше я обнимался, как медведь.

— Это так необычно! — сказала девушка. — И так ужасно! — поспешно добавила она, взглянув на молча сидевшую миссис Джоблинг.

— Как медведь, — повторил мистер Джоблинг, очень довольный произведённым впечатлением. — Я и сейчас довольно силён, но, боюсь, не так, как прежде.

Он согнул руку и задумчиво пощупал бицепс, а миссис Джоблинг подумала, что она, должно быть, спит, когда увидела, как девушка наклонилась вперёд и тоже пощупала бицепс мистера Джоблинга. Мистер Джоблинг был удивлён не менее жены, однако у него хватило ума не сгибать другую руку.

— Огромный! — сказала девушка. — И твёрдый, как железо. Вы могли бы стать замечательным боксёром!

— Ему не нужен никакой бокс, — сказала миссис Джоблинг, к которой вернулся дар речи. — Он respectable женатый человек.

Мистер Джоблинг покачал головой, словно сожалея об утраченных возможностях.

— Я слишком стар, — заметил он.

— Ему сорок семь, — сказала его жена.

— На мой взгляд, лучший возраст для мужчины, — сказала девушка. — Самый расцвет сил. К тому же, человеку столько лет, на сколько он себя чувствует.

Мистер Джоблинг одобрительно кивнул и заметил, что он чувствует себя двадцатидвухлетним; состояние, которое он объяснял отсутствием дурных привычек и большим пристрастием к компании молодых людей.

— Мне было всего двадцать два, когда я женился, — заметил он, — а моя миссис была всего на полгода...

— Оставь мой возраст в покое, — оборвала его жена, вздрогнув от ярости. — Мне не нравится, когда о моём возрасте рассказывают незнакомым людям.

— Ты сама сказала мне о нём, — возразил мистер Джоблинг. — Тебя никто не просил этого делать. Очень хорошо, что ты вышла за меня.

— Я была единственной, кто согласился, — заметила миссис Джоблинг. — Вам уже лучше? — спросила она, обращаясь к девушке.

— Спасибо, гораздо лучше, — был ответ.

— Вам далеко идти? — спросила миссис Джоблинг.

Девушка кивнула.

— Но я сяду на конку в конце улицы, — сказала она, вставая.

Мистер Джоблинг также поднялся и принялся усиленно вспоминать всё, что когда-либо слышал или читал об этикете. Еженедельный журнал, покупаемый его женой, отводил этой теме целых три колонки, но он напрасно пытался припомнить что-либо о поведении в отношении незнакомок с глубокими тёмными глазами и вывихнутыми лодыжками. Он чувствовал, что долг велит ему проводить её до остановки. Несколь-

ко небрежно он предложил свои услуги; девушка приняла их, как нечто само собой разумеющееся.

Миссис Джоблинг, с плотно сжатыми губами, смотрела на них, стоя возле двери. Девушка, слегка прихрамывая, шла совершенно спокойно, но её сопровождающий понимал, что за ними наблюдает вся улица.

Он вернулся примерно через полчаса, и на этот раз, словно бросая вызов, вошёл в дом совершенно спокойно, отчего жалобы жены некоторое время оставались невысказанными. Кашель мистера Брауна, очень громкий, всё ещё звенел в его ушах; он некоторое время сидел молча.

— Я посадил её на конку, — наконец сказал он. — Её зовут Робинсон... мисс Робинсон.

— В самом деле! — отозвалась его жена.

— Кажется, она хорошая девушка, — беззаботно заметил мистер Джоблинг. — Наверное, тебе она тоже понравится.

— Уверена, потому что многим ей обязана, — сказала его жена.

— Потому что я... я пригласил её посещать нас иногда, — продолжал мистер Джоблинг, очень осторожно набивая трубку, — и она согласилась. Это тебя немного развлечёт.

Миссис Джоблинг закусила губу, и, хотя никогда в жизни не чувствовала себя более сердитой, ничего не сказала. Её муж закурил трубку, бросил быстрый взгляд в её сторону, взял старую газету и принялся читать.

На следующее утро он удивил миссис Джоблинг, преподнеся ей букет распустившейся герани. Удивление помешало ей высказаться, но наконец она поблагодарила его за внимание, и, после небольшого раздумья, решила поставить его в спальню.

Мистер Джоблинг выглядел человеком, внезапно обнаружившим ошибку в своих расчётах.

— Я подумал, что в гостиной нужно сделать перестановку, — сказал он, наконец.

— Да, хотелось бы, чтобы в ней стало посветлее, — сказала его жена.

Она взяла цветы и исчезла. К её удивлению, спустившись снова, она обнаружила, что мистер Джоблинг передви-

нул мебель, и даже принёс пару предметов из кухни, так что было поздно протестовать.

— Время от времени этим нужно заниматься, — заметил он.

Миссис Джоблинг вышла на кухню. А когда вернулась, с бледным лицом и блеском в глазах, её муж был слишком занят, чтобы это заметить.

— Нам нужен новый коврик перед камином, — сказала она, покачав головой. — Они есть у Джексона; кроме того, у него имеется пара высоких розовых ваз, которые великолепно будут смотреться на камине.

Мистер Джоблинг ответил сердитым ворчанием. Как только оно закончилось, он некоторое время сидел, сунув руки в карманы брюк. Наконец, всё ещё сердитым голосом, осведомился об их стоимости.

Минут через десять, в состоянии, среднем между удовлетворением и яростью, миссис Джоблинг ушла с деньгами. Какое-то время она раздумывала над тем, чтобы потратить деньги по-другому, и предстать перед мистером Джоблингом в новых шляпке и жакете; однако мысли так и остались мыслями, в виду двадцатипятилетнего опыта замужества.

Мисс Робинсон появилась на следующий день, когда они садились пить чай. Мистер Джоблинг, в рубашке с коротким рукавом, успел исчезнуть, поскольку заметил девушку, когда она проходила мимо окна. Его жена впустила её, они обменялись несколькими замечаниями о погоде, после чего сидели, слушая невнятное бормотание мистера Джоблинга, разыскивавшего свой костюм. Наконец, он отыскал его под подушкой кресла, и, слегка раскрасневшийся, появился в комнате и поприветствовал посетительницу.

Поначалу разговор не клеился. Удивлённый взгляд девушки бродил по комнате, пока не остановился на розовых вазах; красивый коврик также привлёк её внимание.

— Да, они очень красивы, — сказал мистер Джоблинг, очень довольный её одобрением.

— Прекрасны, — подтвердила девушка. — Как это хорошо — иметь деньги! — задумчиво произнесла она.

— Я смог бы найти им применение, — шутовски отозвался мистер Джоблинг. Он сделал себе бутерброд с маслом и пустился в рассуждения относительно денег и как их тратить. Его мысль сводилась к выходу на пенсию и жизни в каком-нибудь милом спокойном уголке.

— Удивляюсь тому, что вы этого до сих пор не сделали, — тихо сказала девушка.

Мистер Джоблинг рассмеялся.

— Джинджелл и Ватсон не позволяют, — сказал он. — Мы зарабатываем, а они забирают.

— Так обычно и бывает, — возмутилась девушка. — Они покупают себе предметы роскоши, а люди, работающие

на них, вынуждены отказывать себе во всём необходимом. Кажется, мне знакомы эти имена, Джинджелл и Ватсон. Интересно, где я могла их видеть?

— Возможно, в газете, — сказал мистер Джоблинг.

— В рекламном объявлении? — спросила девушка.

Мистер Джоблинг покачал головой.

— Грабёж, — серьёзно ответил он. — На прошлой неделе. Кто-то вскрыл их сейф и забрал девятьсот фунтов в золоте и банкнотах.

— Теперь я вспомнила, — кивнула девушка. — Вора поймали?

— Нет, и вряд ли поймают, — был ответ.

Глаза мисс Робинсон широко открылись, она посмотрела с презрением.

— Я этому рада, — сказала она.

— Рады? — невольно нарушила обет молчания миссис Джоблинг. — Вы рады?

Девушка кивнула.

— Мне нравятся отважные люди, — сказала она, взглянув на мистера Джоблинга, — а кроме того, Джинджелл и Ватсон имели на эти деньги точно такое же право, как и тот, кто у них их забрал; они их не заработали.

Миссис Джоблинг, потрясённая таким ответом, взглянула на мужа, ожидая его реакции.

— Если человек — вор, — сказала она с напором, — эти деньги не пойдут ему на пользу.

— Осмелюсь сказать... хочу сказать, они ему послужат, — отозвался мистер Джоблинг, — если, конечно, его не поймают.

— Думаю, он из тех людей, какие мне нравятся, — упрямо заявила мисс Робинсон.

— Уверена, — сказала миссис Джоблинг, — несколько не сомневаюсь, что он вам нравится. Такие птицы...

— Хватит, — перебил её муж, — достаточно. Кое для кого такие деньги — невеликая потеря. Они её даже не заметят.

Он выразил удивление, что девушка любит такой сладкий чай, когда она, попросив сахар, высыпала в чашку пол-

ную ложку. Мисс Робинсон, отрицая чрезмерную сладость, предложила ему самому попробовать чай в своей чашке, и миссис Джоблинг, застыв, с пылающими глазами, наблюдала за выходкой своего мужа, когда тот и вправду попробовал.

— Сладкое — сладкому, — галантно сказал он, возвращая чашку.

Мисс Робинсон вытянула губы, поднеся к ним чашку, и посмотрела на него поверх ободка. Мистер Джоблинг, чувствовавший себя в тот вечер двадцатидвухлетним, утащил её кусочек пирога, в ответ на что раздалось постукивание ложечки. Мистер Джоблинг также постучал, а миссис Джоблинг, не способная пить чай, в бессильной ярости смотрела на невинное кокетство, с чем она рассталась, — идя навстречу серьёзному пожеланию мистера Джоблинга, — вскоре после заключения брака.

Благодаря исключительному самообладанию, а также случайному взгляду мужа, ей удалось сохранить спокойствие, пока он не вернулся, проводив их гостью на остановку. После чего дала полную волю своим чувствам. Сначала она выговаривала ему с презрением, затем начались истерика и слёзы. Она умоляла его вспомнить, какой хорошей женой была ему всё это время, в то время как другая женщина, возможно, уже давно отравила бы его. Осознав, что её слёзы бесполезны, и что для мистера Джоблинга они, скорее всего, служат лишь подтверждением его ценности, она дала волю ярости и в немногих, зато чрезвычайно ярких словах, высказала ему своё мнение о мисс Робинсон.

— Так говорить нехорошо, — спокойно сказал мистер Джоблинг, — и, в моём присутствии, я прошу больше этого не делать.

— Смотреть, как она приходит в мой дом и строит глазки моему мужу, — бушевала его жена.

— Пока я ей не строю глазки, — парировал мистер Джоблинг, — в этом нет ничего страшного. Я же не могу запретить ей полюбить меня, бедняжке.

— Кто из нас двоих бедняжка, — сказала его жена.

— Её нужно пожалеть, — строго сказал мистер Джоблинг. — Я знаю, что она чувствует. Они ничего не может по-

делать с собой, но она это переживёт. Полагаю, она думает, мы не замечаем, что... что я ей нравлюсь, и я не хочу причинять ей боль.

— А как насчёт того, что чувствую я? — требовательно спросила его жена.

— Так ведь я всё-таки твой муж, — напомнил ей мистер Джоблинг.

Это служило единственным утешением миссис Джоблинг в течение нескольких следующих дней. Матроны, жившие по соседству, сочувствовавшие ей, сожалели, что мистер Джоблинг — не их муж, и предлагали ей по меньшей мере сто способов, как привести его в чувство.

Мистер Джоблинг, идя на работу, игнорировал их враждебные взгляды, но когда, отработав день, возвращался домой, то обнаружил, что неприязнь исчезла, и уступила место улыбкам. Никогда на улицах не было так много людей, подумал он, тем более улыбающихся. Казалось, люди спешили

ли выйти ему навстречу, чтобы улыбнуться, а когда он подошёл к двери своего дома, мистер Джо Браун, стоявший на тротуаре напротив, сиял ярче солнца. Немного устав от улыбок, он ожидал встречи со своей женой. Она вышла из кухни и встретила его всё с той же улыбкой. Растерянный мистер Джоблинг мрачно посмотрел на неё.

— Почему ты смеёшься надо мной? — спросил он.

— Я над тобой не смеюсь, — ответила жена.

Она вернулась на кухню и принялась беспечно напевать, приготовляя чай. Голос у неё был слабый, но пронзительный, особенно когда она брала высокие ноты, что сильно раздражало. Он сел в новое кресло, купленное для того, чтобы удовлетворить эстетические вкусы мисс Робинсон, и устался в окно.

— Кажется, ты сегодня в необыкновенно хорошем настроении, — прорычал он, когда жена внесла поднос.

— Почему бы и нет? — спросила миссис Джоблинг. — У меня есть все причины для хорошего настроения.

Мистер Джоблинг взглянул на неё с нескрываемым изумлением.

— Новое кресло, новые вазы, новый каминный коврик, — сказала его жена, обводя взглядом комнату. — Ты заказал маленький столик, как обещал?

— Да, — прорычал мистер Джоблинг.

— А оплатил? — с тревогой осведомилась жена.

— Да, — ответил мистер Джоблинг прежним тоном.

Лицо миссис Джоблинг расслабилось.

— Не хотелось бы упустить его в последний момент, — сказала она. — Ты очень добр ко мне, Билл, покупая такие замечательные вещи. Не у многих женщин найдётся такой заботливый муж, как у меня.

— Ты что, рехнулась? — смущённо спросил муж.

— Просто удивительно, что существуют такие люди, как ты, — продолжала миссис Джоблинг, проигнорировав вопрос, и, снова улыбнувшись, придвинула к столу три стула. — Подожди немного, скоро должна прийти мисс Робинсон; она любит свежесваренный чай.

Мистер Джоблинг, чтобы скрыть своё замешательство и немного перевести дух, вышел из комнаты на открытый воздух.

— Привет! — сказал мистер Браун с дежурной улыбкой.

Мистер Джоблинг нахмурился.

— Всё в порядке, — сказал мистер Браун. — Если хочешь, можешь подойти и взглянуть сам; я за ней слежу.

Он кивнул самым успокоительным образом и, не интересуясь тем, принято ли его предложение подойти и взглянуть, приложил ладонь к глазам и с преувеличенным беспокойством принялся смотреть в сторону улицы. Мистер Джоблинг, по-прежнему нахмуренный, вернулся в гостиную и пристально посмотрел на жену.

— Она опаздывает, — сказала миссис Джоблинг, глядя на часы. — Надеюсь, с ней ничего не случилось, но я была бы сильно обеспокоена, будь она моей подругой. Её жизнь полна опасностей.

— Что за вздор! — грубо произнёс мистер Джоблинг. — Каких опасностей?

— Обычных, — ответила его жена. — Мне сказал Джо Браун. Вчера вечером он проследил за ней до дома, и теперь знает о ней всё.

Упоминание имени мистера Брауна заставило мистера Джоблинга напустить на себя равнодушный вид; однако любопытство взяло верх.

— И чего же он тебе наврал? — спросил он.

— Не думаю, чтобы это была ложь, Билл, — мягко ответила жена. — Он просто сложил два и два...

— Что он сказал? — спросил мистер Джоблинг, повышая голос.

— Он сказал: «Она — детектив», — ответила миссис Джоблинг, поднося носовой платок к губам.

— Сыщик! — повторил её муж. — Женщина-сыщик?

Миссис Джоблинг кивнула.

— Да, Билл. Она...

— Ну? — раздражённо произнёс мистер Джоблинг.

— Её наняли Джинджелл и Уотсон, — сказала его жена.

Мистер Джоблинг вскочил на ноги; его лицо покраснело, а пальцы сжались в кулаки. Он изо всех сил старался понять смысл услышанных им слов.

— Но... но зачем она пришла сюда? Ты хочешь сказать, она думает, что это я совершил кражу? — хрипло сказал он, после долгой паузы.

— Мне кажется, она думает именно так, Билл, — робко произнесла миссис Джоблинг, ожидая бури.

Мистер Джоблинг задохнулся; затем сделал шаг по направлению к ней.

— Ты снова смеёшься надо мной, — с яростью произнёс он. — А что касается этого идиота Билла...

— Она пришла, — сказала жена, услышав стук в дверь. — Не нужно ничего говорить ей, Билл, не нужно её расстраивать. Ты сам сказал это. Должно быть, это очень тяжёлая жизнь, если ей приходится приходить и льстить пожилым женатым мужчинам. Я бы так не смогла.

Мистер Джоблинг стоял и, не мигая, смотрел на неё. Затем, с невнятным возгласом, бросился к входной двери и распахнул её. Мисс Робинсон, свежая и яркая, улыбалась, стоя на крыльце. Неподалёку переговаривалась небольшая группа соседей, посматривавших в их сторону. Мистер Браун ждал развития событий на своём обычном месте.

— Что вам угодно? — резко осведомился мистер Джоблинг.

Мисс Робинсон, протянувшая было ему руку, отдернула её и быстро взглянула на него. Красное лицо и нахмуренные брови сказали ей всё.

— Ах! — произнесла она. — Не могли бы вы сказать миссис Джоблинг, что я не смогу выпить с ней чаю сегодня вечером?

— Это всё, что вы хотели сказать? — с презрением спросил мистер Джоблинг, когда она отвернулась.

Девушка остановилась и, казалось, задумалась.

— Вы также можете сказать, — мне очень жаль, что я не смогу провести с вами вечер, — сказала она, пристально глядя на него. — До свидания.

Мистер Джоблинг захлопнул дверь.

Содержание

Лес, полный удовольствий.....	3
Пёс в печали	9
В библиотеке	14
Кок с «Баклана»	26
В силу традиции.....	38

Старые капитаны

Просоленный капитан	52
В погоне за наследством	71
В павлиньих перьях	86
Бедные души.....	101
Романтическое плавание	121

Юмористические рассказы

Двойник.....	139
Женская душа.....	157
Его светлость	176
Мечты Альфа.....	191
Дальний родственник	206
Испытание	222
В семье	238
Любовный треугольник.....	253
Предсказатель.....	269
Визит ангела	282